

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 5 | № 1
Volume 5 | 2019

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULTS.
THEORETICAL AND APPLIED
LINGUISTICS

Сайт журнала:
rrlinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл.№ФС 77-69052 от 13 марта 2017г.
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El.№FS 77-69052 of March 13, 2017

Том 5, № 1. 2019
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 5, № 1. 2019
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Эри Ю.С.**, г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополье, Польша

Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Earey, Belgorod, Russia**

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amatov, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Nataliya I. Panasenka, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Victor Ya. Porkhomovsky, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Vologograd State National Research University", Vologograd, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Коваль В. И., Кураш С. Б., Амагов А. М. «Текст в мире текстов» как глобальная метафора (интертекст – гипертекст – корпус текстов)	3	Koval V. I., Kurash S. B., Amatov A. M. “Text in the world of texts” as a global metaphor (intertextuality – hypertext – corpus of texts)	3
Кошарная С. А., Григорьянова Т. Интертекстуальность как дискурсивный феномен (от Горация до В. Сорокина)	13	Kosharnaya S. A., Grigorjanová T. Intertextuality as a discursive phenomenon (from Horace to V. Sorokin)	13
Прюво Ж., Бузинова Л. М., Седых Н. В. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосомиотического анализа	27	Pruvost J., Buzinova L. M., Sedykh N. V. French gastronomic discourse: experience of linguistic and semiotic analysis	27
Фанбин Л. Лингвокультурная коннотация чёрного цвета в китайском и русском языках	40	Fangbing L. Linguocultural connotation of the black color in Chinese and Russian languages	40
Федуленкова Т. Н. Анализ вариантности двухкомпонентной английской фразеологии с глаголом <i>HAVE</i>	52	Fedulenkova T. N. Analysis of variability of two-component English phraseology with the verb HAVE	52
Чистова С. С. Метафорическое моделирование действительности в альбоме рок- группы Muse «Drones»	62	Chistova S. S. Metaphoric modelling of reality in the rock-album “Drones” by Muse	62
Шунейко А. А., Чибисова О. В. Неэгоцентричность как характеристика масонских текстов	73	Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Non-egocentricity as a characteristic of Masonic texts	73

РАЗДЕЛ II.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Шабан А. К., Хомутова Т. Н. Семантика понятия «вежливость» в различных лингвокультурах: универсальное и культурно- специфическое	85	Shaban A. K., Khomutova T. N. Semantics of <i>POLITENESS</i> in different linguocultures: Universal and culture- specific characteristics	85
--	----	--	----

РАЗДЕЛ III.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

Данилова Е. С. Концепт «ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СТАРОЙ ЗАКАЛКИ» в романе К. Клеменц «The Vogue Factor»	96	Danilova E. S. The “OLD-SCHOOL PROFESSIONALISM” concept as described in “The Vogue Factor” by K. Clements	96
--	----	---	----

SECTION IV.

APPLIED LINGUISTICS

Куприева И. А., Гуломалиев Ш. Л. Специфика углублённого языкового мониторинга англоязычного интернет- дискурса	108	Kuprieva I. A., Gulomaliev, S. Specifics of profound language monitoring of English Internet-discourse	108
---	-----	---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Koval V. I., Kurash S. B., Amatov A. M. “Text in the world of texts” as a global metaphor (intertextuality – hypertext – corpus of texts)	3
Kosharnaya S. A., Grigorjanová T. Intertextuality as a discursive phenomenon (from Horace to V. Sorokin)	13
Pruvost J., Buzinova L. M., Sedykh N. V. French gastronomic discourse: experience of linguistic and semiotic analysis	27
Fangbing L. Linguocultural connotation of the black color in Chinese and Russian languages	40
Fedulenkova T. N. Analysis of variability of two-component English phraseology with the verb HAVE	52
Chistova S. S. Metaphoric modelling of reality in the rock-album “Drones” by Muse	62
Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Non-egocentricity as a characteristic of Masonic texts	73

SECTION II.

COMPARATIVE LINGUISTICS

Shaban A. K., Khomutova T. N. Semantics of <i>POLITENESS</i> in different linguocultures: Universal and culture- specific characteristics	85
--	----

SECTION III.

LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

Danilova E. S. The “OLD-SCHOOL PROFESSIONALISM” concept as described in “The Vogue Factor” by K. Clements	96
---	----

SECTION IV.

APPLIED LINGUISTICS

Kuprieva I. A., Gulomaliev, S. Specifics of profound language monitoring of English Internet-discourse	108
---	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

УДК 81-22

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-1

Коваль В. И.
Кураш С. Б.
Амагов А. М.

«Текст в мире текстов» как глобальная метафора
(интертекст – гипертекст – корпус текстов)

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, ул. Советская, 104, г. Гомель
246019, Беларусь.

E-mail: vlad_kov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6667-0187

Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина,
ул. Студенческая, 28, г. Мозырь 247760, Беларусь.

E-mail: text2005@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2317-7872

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород 308015, Россия.

E-mail: amatov@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-5530-3274

Статья поступила 3 января 2019 г.; Принята 15 февраля 2019 г.;

Опубликована 31 марта 2019 г.

Аннотация: Актуализация в последней четверти XX – начале XXI века функционально-прагматического подхода к изучению языка, выразившаяся в таких дескрипторах современной лингвистики, как антропоцентризм и междисциплинарность, повлекла за собой смещение исследовательского акцента с таких традиционных единиц, как слово, словосочетание, предложение, на более протяженные отрезки речи, главенствующее положение среди которых занял текст. Вместе с тем и само лингвистическое учение о тексте успело пройти свою собственную историю развития. По сути, выделившись из синтаксиса, к данному моменту оно заметно расширило зоны своего интереса, включив сюда не только сам текст как некое духовно-материальное замкнутое целое, но и сферу его обитания со всеми присущими ей фигурантами. Лингвистика текста «переросла» в лингвистику дискурса – текста в его «жизни» с его интерактивной составляющей. Важным понятием лингвистики текста является интертекст как сфера организации отношений между текстами. Феномен интертекстуальности с 60-х годов XX столетия и до настоящего времени вызывает и, более того, наращивает интерес у многих ученых и исследователей из разных стран мира. Понятие гипертекстового представления информации связывают с проблемой ее упорядочения, облегчения ее поиска. Это напрямую касается и информации, закодированной

текстами художественной культуры. Проблемы систематизации информационных ресурсов художественной культуры являются актуальными не только для специалистов, занятых конкретной информационно-аналитической деятельностью, но и для целого ряда исследователей, изучающих различные аспекты художественной культуры. В данной статье рассматривается связь понятий «интертекст» и «гипертекст» в рамках корпусной лингвистики через призму концептуальной метафоры.

Ключевые слова: интертекст; гипертекст; корпус текстов; концептуальная метафора

Для цитирования: Коваль В. И., Кураш С. Б., Амагов А. М. «Текст в мире текстов» как глобальная метафора (интертекст – гипертекст – корпус текстов) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 3-12. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-1

Vladimir I. Koval
Sergey B. Kurash
Alexander M. Amatov

“Text in the world of texts” as a global metaphor (intertextuality –
hypertext – corpus of texts)

Francisk Skorina Gomel State University
104 Soviet Street, Gomel 246019
Belarus

E-mail: vlad_kov@mail.ru

[ORCID: 0000-0001-6667-0187](https://orcid.org/0000-0001-6667-0187)

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakina
28, Studencheskaya St., Mozyr 247760
Belarus

E-mail: text2005@mail.ru

[ORCID: 0000-0003-2317-7872](https://orcid.org/0000-0003-2317-7872)

Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod 308007
Russia

E-mail: amatov@bsu.edu.ru

[ORCID: 0000-0002-5530-3274](https://orcid.org/0000-0002-5530-3274)

Received 3 January 2019; Accepted 15 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract. The functional-pragmatic approach to language of the latter quarter of the 20th and early 21st centuries exposed such descriptors of modern linguistics as anthropocentrism and interdisciplinarity. This has led to a shift in research emphasis from such traditional units as word, phrase, and sentence, to more lengthy segments of speech, with text taking the dominant position. However, the linguistic doctrine of the text also underwent its own development. In fact, having distinguished itself from syntax, by this time it has significantly expanded its areas of interest, including not only the text itself as a kind of spiritual and material enclosed whole, but also the sphere of its habitat with all its characteristic figurants. The linguistics of text developed into the linguistics of discourse, text in its “life” with its

interactive component. An important concept of text linguistics is intertext as a sphere of relations between texts. The phenomenon of intertextuality from the 1960-s to the present time has been gaining increasing interest of many scholars and researchers from all over the world. The concept of hypertext representation of information is associated with streamlining and facilitating search procedures. This directly concerns the information encoded by the texts of fiction. The issues of systematization of cultural and literary resources are not only relevant for specialists engaged in specific information processing and analysis, but also for a number of researchers studying various aspects of culture and literature. This article deals with the relationship between the concepts of “intertextuality” and “hypertext” in the framework of corpus linguistics from the standpoint of conceptual metaphor.

Key words: intertextuality; hypertext; corpus of texts; conceptual metaphor

How to cite: Koval, V. I., Kurash, S. B. and Amatov, A. M. (2019). Text in the world of texts” as a global metaphor (intertextuality – hypertext – corpus of texts). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 3-12, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-1

Введение

Феномен интертекстуальности с 60-х годов XX столетия и до настоящего времени вызывает и, более того, наращивает интерес у многих ученых и исследователей из разных стран мира. Теория интертекстуальности возникла на основе теории диалога текстов, предложенной в свое время М.М. Бахтиным. Понятие «интертекст» было введено французским исследователем Ю. Кристевой в 1967 году (Kristeva, 1980).

Почти одновременно с ним Т. Нельсоном и Д. Энгельбартом вводится понятие «гипертекст», под которым стали понимать текст, фрагменты которого снабжены системой выявленных связей с другими текстами, что позволяет читателю самостоятельно определять различные пути («маршруты») прочтения (Nelson et al. 1969, Engelbart, 1973). Такое представление обуславливает его «децентрацию», ориентируя тем самым читателя на интер- и/или гипертекстуальное сознание, актуализирующее соответствующую глобальную метафору «текста в мире текстов», реализующуюся в современном постмодернистском дискурсе через такие частные метафоры, как метафора

лабиринта, «метафора паутины, метафора киберпространства и кибергалактики, метафора странствия, паломничества, путешествия, навигации и т.д.» (Унгурияну, 2015: 124). Сам концепт гипертекста является термином и метафорой для интернет-коммуникации (Унгурияну 2015: 127). То же можно услышать и в отношении интертекстуальности: «Оправданность осмысления интертекста как метафоры “интер-пространства” мотивируется исходя из обнаруженных лингвофилософских предпосылок подхода к тексту как “множественному” и подтверждается спецификой пространственных образов (таковы “складка” и “ризома” Ж. Делеза, “сеть” или “лабиринт кодов” Р. Барта, “не-место” М. Бланшо, “хора” Ж. Деррида и пр.) и характеристик (нелинейность, экс-центричность, трансгрессивность по отношению к дискурсивным, дисциплинарным, жанровым “топосам”) “множественного текста”, представленных в современной философской литературе» (Мосенцева, 2002: 19-20); «...если метафора – это способ соотнесения посредством категоризации различных понятий на основании базовых метафорических концептов, обеспечивающих категориальные от ношения между логически

несоотносимыми понятиями, то интертекст — это способ включения элементов энциклопедических знаний в смысловую структуру текста благодаря их оформленности в тексты-концепты, организующие наш культурный опыт» (Толочин, 1996: 64).

В отношении к процессу интерпретации текста интертекстуальность и гипертекстуальность имеют разную направленность, на что, в частности, указывал М. Риффатер. Интертекстуальность как заданная в тексте авторская сеть ограничений, наложенных на его восприятие читателем, противопоставляется аморфной сети свободных ассоциаций, которую подразумевает гипертекстовая идеология: читай что хочешь в той последовательности, какую сам и выберешь, — такова стратегия поведения реципиента.

Теоретический обзор

К настоящему времени в сети Интернет оказались размещенными разнообразные подборки художественных текстов, пристанищами которых оказались серверы электронных библиотек, специализированные сайты, тематические интернет-ресурсы и т.п. Так, собрания стихотворных текстов в русскоязычной зоне Интернет можно обнаружить на таких сайтах, как <http://www.goldpoetry.ru>, <http://www.stihi.ru>, <http://my-poetry.ru>, <http://my-poetry.ru>, <http://www.ironicpoetry.ru>, <http://www.litera.ru/stixiya/poets.html>.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает сайт <http://www.litera.ru>. Данный проект — не только антология русской поэзии, но и некий начальный вариант ее гипертекстовой презентации. В частности, ряд текстов сопровождается гиперссылками, оформляющими переход к иному автору либо конкретному тексту. Например, стихотворение Анны Ахматовой «Городу Пушкина» предпослан эпиграф: «И царскосельские хранильные сени...» (Пушкин). Данный эпиграф

содержит гиперссылку, отсылающую к примечанию «См. раздел Пушкин на этом сайте», и, соответственно, маркирующую переход к разделу, посвященному А.С. Пушкину. Стихотворение Беллы Ахмадулиной «Подражание» сопровождается примечанием-гиперссылкой «См. стихотв. А.Пушкина Арион»; ее же строки *Четверть века, Марина, тому, / как Елабуга ластится раем / к отдохнувшему лбу твоему, / но и рай ему мал и неравен* сопровождаются гиперссылкой «О Марине Цветаевой» и т. п.

Однако разработчики данного сайта очевидно не преследовали задачу маркировать гиперссылками абсолютно все возможные переключки размещенных на ресурсе текстов, поэтому данный веб-ресурс нельзя квалифицировать как полноценную поэтическую гипертекст-антологию.

Особо следует отметить и такие вошедшие в филологический обиход понятия, как «сетевая поэзия», «сетевая литература», «сетература» (художественные тексты, публикуемые на специализированных литературных сайтах). Так, например, на сайте <http://www.stihi.ru> имеется (и активно реализуется) возможность живого обсуждения текстов, размещаемых авторами, а также общение самих авторов в форме форума, что создает единый континуум художественного и рефлексивного дискурсов.

Еще одно понятие, которое стоит упомянуть в контексте данной проблематики, — понятие романа-гипертекста, который рассматривается в качестве одной из основных жанровых форм современной постмодернистской литературы. Из предшествующей литературной традиции хорошо известна и такая жанрово-композиционная форма, как «текст в тексте» (например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова).

Идея целенаправленного накопления текстов в исследовательских интересах

привела лингвистику последних десятилетий к становлению в качестве особой научной дисциплины корпусной лингвистики, и современная научная языковедческая парадигма активно устремилась навстречу идее корпусности. «Под названием **лингвистический, или языковой, корпус текстов** понимается большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» (Захаров, 2005: 3).

Приведем фрагмент рассуждения известного российского ученого В.А. Плунгяна: «...человек должен знать слово «корпус». Знать, что это такое, для чего это нужно, почему это важно. ... Люди, настроенные романтически, даже могли бы сказать, что в лингвистике произошла корпусная революция. После появления корпусов эта наука стала совсем другая. ... корпусная лингвистика в узком смысле – это всего лишь наука о том, как создавать корпуса и как ими пользоваться, но она претендует на гораздо большее, на роль новой идеологии науки о языке» (Плунгян, 2009).

В качестве одного из риторических приемов аргументации своей позиции В.А. Плунгян использует метафору, причем весьма характерно, что у него в связи с этим возникает метафора пространства: «теперь для овладения языком человеку нужны не две, а три вещи: словарь, грамматика и корпус текстов данного языка. Потому что и словарь, и грамматика, в общем-то, бесполезны вне этого живого пространства, где язык, собственно, и функционирует» (Плунгян, 2009).

Характерно, что некоторые лингвисты вообще говорят об идее корпуса и корпусности как о метафорической по генезису (Holmes-Higgin, 1996). Понятие корпуса представляет собой не что иное, как пространственную метафору, в целом весьма характерную для вербальной

презентации многих ментальных концептов, в том числе концепта «язык», на что уже обращалось внимание исследователей. Так, в числе характерных пространственных метафорических обозначений можно отметить такие, как *семантическое поле, смысловая зона, смысловое пространство, центр (периферия) семантического поля* и даже *семантическая деревня* (В.З. Демьянков), каждое из которых «опирается на представление о языке как о пространстве» (Полиниченко, 2004).

Свои отпochкования дала и пространственная метафора корпуса, по отношению к которому мы оперируем такими терминологическими обозначениями, как *размер, разметка (tagging, annotation), метка (tag)* и др. Учитывая перспективность компьютерной лингвистики в целом и корпусной в частности, можно прогнозировать и дальнейшее вербальное пополнение данной метафорически структурированной тематической области.

Научные результаты и дискуссия

Полагаем, что дальнейшим разработкам в области корпусной лингвистики есть в чем сомкнуться с исследованиями в области интер- и гипертекстовых отношений. Перспективными в этом плане могли бы стать следующие направления научно-исследовательской деятельности.

1. Создание корпусов текстов отдельных типов, стилей, жанров, а также корпусов, связанных единством тематики, времени создания и пр. (Захаров, 2005). Приведем один показательный пример – продуцирование целой серии текстов, реминисцирующих один и тот же сказочный сюжет. Как показывает обращение к интернет-ресурсам, в современном сетевом пространстве встречается множество текстов, порожденных на базе сюжетов известных сказок, таких как «Красная Шапочка», «Каша из топора», «Репка», «Курочка

Ряба», «Колобок» и др. Корпусы подобных «перепевов» могут стать хорошим подспорьем для решения таких ряда задач фольклористики, лингвистики текста / дискурса, культурологи, этнопсихолингвистики, поскольку в них отражены представления, связанные с колористическими, зоонимическими, предметными и другими архетипическими символами, которые, сохраняясь в подсознании людей, стимулируют возникновение и функционирование новых «постфольклорных» текстов, весьма характерных для современной массовой культуры (Коваль, 2012).

2. Создание корпусов текстов, интертекстуально связанных с так называемыми «центрами интертекстуального излучения» (Н.А. Фатеева), многие из которых получили достаточно подробное описание в исследованиях последнего времени. Например, в диссертации Е.В. Мухиной, исследуется чеховский интертекст в русской литературе, выявляются его сущностные характеристики: «Интертекстуальный диалог с чеховским наследием осуществляется по способу сближения/отталкивания. Включение интертекстом формирует и одновременно разрушает «горизонт ожидания» читателя; в одних случаях оно выполняет роль апелляции к авторитету классика, в других – направлено на деконструкцию литературоцентричного сознания. Через многослойность интертекста осуществляется полемика со стереотипными рецепциями классики и происходит приращение смыслов за счет индивидуального социального и эстетического опыта писателей эпохи постмодерна» (Мухина, 2008).

3. Создание корпусов-инфотекстов, т. е. единых корпусов индивидуально-авторских художественных текстов и сопутствующих им подготовительных, критических и иных материалов. «Находясь на пересечении философских, культурологических, семиотических, психологических и информациоло-

гических позиций, а также исходя из вышеизложенной классификации информационных ресурсов художественной культуры, мы приходим к выводу, что **в современном информационном социуме художественное произведение** выступает в качестве **основного информационного продукта, информационного ресурса**, воспринимаемого как **трехуровневый текст**: 1) собственно **текст произведения**, созданный конкретным автором; 2) **контекст произведения**, отражающий элементы общей культурной компетенции автора и непосредственные социокультурные условия, повлиявшие на содержательный компонент произведения; 3) **гипертекст** художественного произведения, включающий все изложенные мнения и суждения о нем, получившие фиксацию в биографической, научной и художественной критике, информационно-вспомогательных материалах и т. д.

Все эти уровни художественного произведения сами по себе и в целом представляют собой **инфотекст**, информационный мир, образующий **информационную сферу**, пронизывающую ноосферу (сферу разума) со всеми ее составляющими — гео-, био-, социо-, когитосферой (познавательной) и сферой художественной культуры (артосферой)» (Суминова).

4. Создание аспектных корпусов текстов, т. е. таких, которые бы формировались вокруг некой одной проблемы. Так, например, А.Б. Кутузов говорит о необходимости создания корпуса текстов несовершенных переводов, который мог бы стать весьма полезным для практики обучения будущих переводчиков (Кутузов, 2011).

5. Создание корпусов текстов вокруг конкретных интертекстов, прежде всего, так называемых базовых метафор и метафорических архетипов. С.А. Хахалова отмечает, что «метафорический корпус любого языка представляет собой благодатный материал для исследования когнитивной реальности эгоцентрической

категории метафоричности, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» (Хахалова, 2000: 177). Другой известный специалист в области лингвометафорологии О.Н. Лагута в качестве первоочередных задач данной научной дисциплины называет «проведение системных исследований индивидуальных языковых метафорик: на материале как живых языков с богатой книжно-письменной традицией и развитыми функционально-стилевыми подсистемами, так и младописьменных языков с диффузными функционально-стилистическими характеристиками, а также на материале мертвых языков, зафиксированных на широком пространстве текстов, с целью последующего выявления корпуса наиболее актуальных моделей метафоризации и их сопоставительного описания» (Лагута, 2003: 105).

К настоящему моменту в некоторых из перечисленных направлений получен ряд теоретически и практически значимых результатов, а также выполнены отдельные прикладные разработки (Corpus 2006). В частности, можно отметить Амстердамский метафорический корпус, разработки российских исследователей в области создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры с применением инструмента BRAT для разметки и некоторые иные проекты, которые «делают возможным наиболее полный и объективный анализ метафорической структуры дискурса» (Бадрызлова, 2013: 91) на разных языках.

Из тематических групп метафор в первую очередь следует отметить корпусное описание политических метафор, поскольку именно политическая

метафорология, взявшая за основу когнитивный подход Дж. Лакоффа – М. Джонсона (Lakoff, Johnson, 1980), явилась лидером в выстраивании союзнических отношений с корпусной лингвистикой.

В соответствии с задачами исследования иных тематических групп метафор были составлены и другие соответствующие метафорические корпуса – юридических, педагогических, медицинских, психотерапевтических метафор, метафор информационно-коммуникационных технологий, эмоциональных состояний человека, межкультурных коммуникаций и др. Кроме того, методика корпусного исследования активно применяется при изучении индивидуально-авторских метафориконов.

Заключение

Помимо указанных, возможны, разумеется, и другие направления, по которым исследование интер- и/или гипертекстуальности могут вестись во взаимодействии с корпусной лингвистикой в общем для них концептуальном пространстве глобальной метафоры текста в мире текстов. Например, определённый интерес представляет создание корпусов текстов вокруг различных типов межтекстового взаимодействия (Кураш, 2018).

Вместе с тем по отношению к применению корпусного подхода к исследованию метафоры учеными признается ряд ограничений: «Во-первых, эффективность анализа корпусов метафорических контекстов явно снижается, когда исследователь сталкивается с таким феноменом, как инновативная метафора (innovative metaphor). Во-вторых, проводимый анализ крупных корпусов по своей сути представляет интроспективную деятельность человека познающего, направленную на рассмотрение определенного объекта исследования «извне», а не «изнутри», что значительно снижает ценность теоретических

обобщений в инференциальной составляющей полученного научного продукта. В-третьих, возникает проблема репрезентативно-иллюстративного представления практического материала в рамках того или иного экспериментального проекта» (Самигуллина, 2008). Однако заметим: данные ограничения касаются не столько идеологии корпусности в принципе, сколько говорят о молодости и связанных с ней «болезнях роста» данного подхода; с развитием корпусной лингвистики, с появлением и совершенствованием новых корпусов таких опасений, на наш взгляд, должно становиться все меньше и меньше.

Список литературы

- Бадрызлова, Ю. Г. Основные методы и принципы создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры: опыт разметки с применением инструмента BRAT / Ю. Г. Бадрызлова, Н. Г. Шехтман, Р. Дж. Керимов // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. – 2013. – ? 3(23). – С. 82–92.
- Захаров, В. П. Корпусная лингвистика: уч.-метод. пособ / В. П. Захаров. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 48 с.
- Коваль, В. И. Текст и язык: поиски истоков [Текст] : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2012. – 269 с.
- Кураш, С. Б. Литературно-художественный интертекст в системно-структурном и тексто-дискурсивном измерениях / С. Б. Кураш, О. Н. Хаками, Л. М. Шеcko ; под общ. ред. С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2018. – 187 с.
- Кутузов, А. Б. Корпус несовершенных переводов: необходимость проекта / А. Б. Кутузов // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. науч. трудов. Вып. 14. Т. 1. – Нижний Новгород, 2011. – С. 51–54.
- Лагута, О. Н. Лингвометафорология: основные подходы / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003. – 114 с.
- Мосенцева, Т. С. Симулятивність та інтертекстуальність у просторовій метафорі: автореф. дис. ... канд. філос. наук: 09.00.04 / Т. С. Мосенцева. – Харьков, 2002. – 21 с.
- Плунгян, В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов / В. А. Плунгян, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html>. – Дата доступа: 17.07.2010.
- Полиниченко, Д. Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Д. Ю. Полиниченко. – Краснодар, 2004. – 179 с.
- Самигуллина, А. С. Теория метафоры в современной англистике: принципы, подходы, перспективы / А. С. Самигуллина // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Выпуск 19. – 2008. – ? 9. – С. 115–120.
- Михина, Е. В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. В. Михина. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
- Суминова, Т. Н. Специфика и классификация информационных ресурсов художественной культуры / Т. Н. Суминова [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: http://www.aselibrary.ru/digital_resources/journal/irr/2005/number_5/number_5_2/number_5_2318. – Дата доступа: 03.04.2017.
- Толочин, И. В. Метафора и интертекст в английской поэзии / И. В. Толочин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 95 с.
- Унгуряну Е. Метафора для гипертекста и гиперссылки: ящерка и хвост, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://idsi.md/files/Ungureanu-Гипертекст-2015-4.pdf>. – Дата доступа: 20.01.2019.
- Хахалова, С. А. Когнитивная реальность эгоцентрической категории метафоричности / С. А. Хахалова // Языковая онтология семантически малых и объемных форм: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. Иркутск, 2000. Вып. 1. С. 173–182.
- Corpus-based approaches to metaphor and metonymy / Edited by A. Stefanowitsch, St. Th. Gries. – Berlin. – New York: MoutondeGruyter, 2006. – 319 p.
- Engelbart D. Design considerations for knowledge workshop terminals. AFIPS Conference Proceedings, 42, National Computer Conference, June 4-8, 1973, pp. 221-227.
- Holmes-Higgin, P. Assembling and

Viewing a Corpus of Texts: Self-organisation, Logical Deduction and Spreading Activation as Metaphors / P. Holmes-Higgin, K. Ahmad // EURALEX '96: Proc. I-II, Part I. – Papers submitted to the Seventh EURALEX International Congress on Lexicography in Göteborg, Sweden. – Göteborg: Göteborg University, 1996. – P.109–120.

Kristeva J. *Desire in language: a semiotic approach to literature and art.* - New York: Columbia University Press, 1980. – 319 p.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by.* – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 256 p.

Nelson T.H., Carmody S., Gross W., Rice D., van Dam A. A hypertext editing system for the/360 // Pertinent concepts in computer graphics. Proceedings of the Second University of Illinois conference on computer graphics. – Urbana, University of Illinois Press, 1969. – pp. 291–330.

References

Badryzlova, Yu. G. (2013). Basic methods and principles for creating a Russian-language corpus of conceptual metaphor: the experience of markup using the BRAT tool. *Bulletin of Perm University. Series: Russian and Foreign Philology*, 3 (23), pp. 82-92. [in Russian].

Zakharov, V. P. (2005). *Corpus linguistics: a textbook.* Saint Petersburg, Russia. [in Russian].

Koval, V. I. (2012). *Text and language: search for sources.* RIVSH, Minsk, Belarus. [in Russian].

Kurash, S. B., O. N. Khakami & L.M. Shetsko (2018). *Literary and artistic intertext in system-structural and text-discursive dimensions.* Mozyr, Belarus. [in Russian].

Kutuzov, A. B. (2011). Corpus of imperfect translations: the need for the project. *Problems of the theory, practice and didactics of translation: scientific works.* Vol. 14. (1), Nizhny Novgorod, Russia, pp. 51–54. [in Russian].

Laguta, O. N. (2003). *Lingvo-metaphology: main approaches.* Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk State University, 114 p. [in Russian].

Mosentseva, T. S. (2002). Simulativity and intertextuality in the metaphor of space. Doctoral theses, Kharkov, Ukraine. [in Ukrainian].

Plungyan, V. A. (2009). *Why modern linguistics should be corpus linguistics.* Available

at:

<http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html> (Accessed 20 January, 2019). [in Russian].

Polinichenko, D. Yu. (2004). *Natural language as a linguocultural semiotic concept (based on Russian and English).* Doctoral dissertation, Krasnodar, Russia.

Samigullina, A. S. (2008). The theory of metaphor in modern Anglistics: principles, approaches, prospects. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philology. Art Criticism*, Vol. 19 (9), pp. 115-120.

Mikhina, E. V. (2008). *Chekhov's intertext in Russian prose of the late twentieth – early twenty-first centuries.* Doctoral theses, Ekaterinburg, Russia. [in Russian].

Suminova, T. N. (2005). *Specificity and classification of information resources of artistic culture.* Available at: http://www.aselibrary.com/digital_resources/journal/irr/2005/number_5/number_5_2/number_5_2318 (Accessed 3 April, 2017). [in Russian].

Tolochin, I. V. (1996). *Metaphor and Intertext in English Poetry.* Publishing house of St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. [in Russian].

Unguryanu, E. (2015). *Metaphor for hypertext and hyperlinks: lizard and tail.* Available at: <https://idsi.md/files/Ungureanu-Hypertext-2015-4.pdf> (Accessed 20 January, 2019). [in Russian].

Khakhalova, S. A. (2000). The cognitive reality of the egocentric category of metaphoricality” in *Language ontology of semantically small and volumetric forms: Bulletin of the IGLU. Linguistics*, Vol. 1, Irkutsk, Russia, pp. 173-182. [in Russian].

Corpus-based approaches to metaphor and metonymy (2006). Ed. by A. Stefanowitsch, St. Th. Gries, Berlin – New York, Mouton de Gruyter. Engelbart D. (1973). Design considerations for knowledge workshop terminals. *AFIPS Conference Proceedings*, 42, National Computer Conference, June 4-8, pp. 221-227.

Holmes-Higgin, P. & K. Ahmad (1996). Assembling and Viewing a Corpus of Texts: Self-organisation, Logical Deduction and Spreading Activation as Metaphors. *EURALEX '96: Proc. I-II, Part I.* Papers submitted to the Seventh EURALEX International Congress on Lexicography in Göteborg, Sweden, pp.109–120.

Kristeva, J. (1980). *Desire in language: a semiotic approach to literature and art.* NY:

Columbia University Press, USA.

Lakoff, G. & M. Johnson (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, USA.

Nelson T. H., S. Carmody, W. Gross, D. Rice & A. van Dam (1969). A hypertext editing system for the/360. *Pertinent concepts in computer graphics*. Proceedings of the Second University of Illinois conference on computer graphics, Urbana, University of Illinois Press, pp. 291–330.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Коваль Владимир Иванович, профессор, доктор филологических наук, профессор.

Vladimir Ivanovich Koval, Doctor of Philology, Professor.

Кураш Сергей Борисович, доцент, кандидат филологических наук, доцент.

Sergey Borisovich Kurash, Candidate of Philology, Associate Professor.

Аматов Александр Михайлович, профессор, доктор филологических наук, профессор.

Alexander Mikhailovich Amatov, Doctor of Philology, Professor.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-2

Кошарная С.А.
Григорьянова Т.

Интертекстуальность как дискурсивный феномен
(от Горация до В. Сорокина)

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»,
ул. Студенческая, 14, Белгород 308015, Россия
E-mail: kosharnaja@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-4541-3979

Университет Экономики,
ул. Долноземская, 1, 852 35 Братислава, Словакия
E-mail: tatjana.grigorjanova@euba.sk
ORCID: 0000-0002-3569-7130

Статья поступила 5 января 2019 г.; Принята 11 февраля 2019 г.;
Опубликована 31 марта 2019 г.

Аннотация. В данной статье на материале дискурсивно взаимосвязанных текстов художественной литературы обосновывается статус интертекстуальности как феномена, обеспечивающего вхождение произведения в диахронический контекст и генерирующего диалогическое взаимодействие разновременных текстов: текста-источника и текста-реципиента. Интертекстуальность реализует смысловое приращение текста-реципиента посредством прецедентного включения. При этом прецедентность может присутствовать в тексте в виде культурного кода, шифра, будучи «упакованной» в традиционные языковые формы. Не вызывает сомнения, что писатели нередко намеренно заимствуют идеи, а порой и сюжеты, из произведений предшественников, народного творчества и т.п. Такое заимствование не означает «повторения», но служит трансляции того или иного культурного феномена и углублению смысла вновь созданного текста. Происходит семиотическое приращение дискурса. В результате читатель, обращаясь к вновь созданному тексту, ассоциативно «подключает» к нему информацию из «претекста» или «претекстов», углубляя содержание нового текста посредством собственных аллюзивных размышлений, связанных с прототипическим текстом идей, смыслов, что имеет определяющее значение для интерпретации произведения. Поскольку в результате читатели черпают информацию из других текстов, «просеивая» новый текст через свои ментальные «архивы», новый текст усложняется, приобретая качества дискурса, но его понимание при этом становится более глубоким и ясным. Таким образом, для авторов интертекстуальность открывает новые перспективы и возможности для построения своих оригинальных «историй». Однако здесь выступает на первый план субъективный фактор – подготовленность самого читателя к процессу декодирования, глубина его литературных и общекультурных познаний. И именно в этом семиотическом пространстве может разворачиваться наиболее интересный и плодотворный диалог автора с читателем. Таким образом, текст-реципиент может быть осмыслен как некий код по отношению к тексту-источнику, требующий для

адекватного осмысления такого кодирующего текста осуществления операции «дешифровки», что предполагает знание диалогического контекста, обеспечивающего возможность установления связи с прецедентным источником. В этой связи не будет преувеличением признание всех современных литературных текстов интертекстуальными, причем намеренно интертекстуальными.

Ключевые слова: интертекстуальность; прецедентность; дискурс; язык; культурный код; претекст; текст-реципиент

Для цитирования: Кошарная С. А., Григорьянова Т. Интертекстуальность как дискурсивный феномен (от Горация до В. Сорокина) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С.13-26. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-2

Svetlana A. Kosharnaya
Tatjana Grigorjanová

Intertextuality as a discursive phenomenon
(from Horace to V. Sorokin)

Belgorod State National Research University,
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: kosharnaja@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-4541-3979

University of Economics in Bratislava,
Dolnozemska cesta 1, 852 35 Bratislava, Slovakia
E-mail: tatjana.grigorjanova@euba.sk
ORCID: 0000-0002-3569-7130

Received 5 January 2019; Accepted 11 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract. The article substantiates the status of intertextuality as a discursive phenomenon, which ensures the entry of the work into the diachronic context and generates a dialogical interaction of texts of different times: the source-text and the recipient-text. Intertextuality implements semantic increment of the recipient text by means of precedent inclusion. In this case, the precedent can be present in the text in the form of a cultural code, a cipher, being «packed» in traditional language forms. No doubt that writers often deliberately borrow ideas and sometimes stories from the works of predecessors, folk art, etc., Such borrowing does not mean «repetition», but is broadcast or that cultural phenomenon and deepen the meaning of the newly created text. Thus, semiotic discourse increment occurs. As a result, the reader, referring to the newly created text, associatively «connects» to it information from the «prototypical text» or «prototypical texts», deepening the content of the new text through its own inclusive reflections related to the prototypical text of ideas, meanings, which is crucial for the interpretation of the work. As a result, readers draw information from other texts, «sifting» the new text through their mental «archives», the new text becomes more complicated, acquiring the quality of discourse, but its understanding becomes deeper and clearer. Thus, for the authors intertextuality opens up new prospects and opportunities for building their own original «stories». However, here the subjective factor comes to the fore – the readiness of the reader for the process of decoding, the depth of his/ her literary and general cultural knowledge. So, the most interesting and fruitful dialogue

between the author and the reader can occur in this semiotic space. Thus, the recipient text can be interpreted as a certain code in relation to the source text, which requires adequate interpretation of such a coding text to perform a “decryption” operation, which implies knowledge of the dialogue context, providing the possibility of establishing a connection with the precedent source. In this regard, it is quite natural to recognize all modern literary texts as intertextual and intentionally intertextual.

Key words: intertextuality; precedent; discourse; language; cultural code; prototypical text; text-recipient

How to cite: Kosharnaya, S. A. and Grigorjanová, T. (2019). Intertextuality as a discursive phenomenon (from Horace to V. Sorokin). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 13-26. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-2

Введение

Содержание термина «интертекстуальность», введенного еще в 1967 году ученицей Р. Барта в ходе разработки теоретических основ французского постструктурализма и постмодернизма Юлией Стояновой Кристевой, базируется на идее М.М. Бахтина о «диалоге между текстами». Ю. Кристева впервые поставила вопрос о литературной практике как о специфическом способе означивания.

Как отмечал Р. Барт, в тексте реализуется особая цель писателя – сделать читателя не потребителем, а производителем текста. Чтение текста, таким образом, представляет собой активный, а не пассивный способ взаимодействия читателя с текстом и культурой. В результате чтение становится «не паразитическим актом, реактивным дополнением письма», а «формой работы» (Barthes, 1974). Продолжая эту мысль, Р. Барт утверждает: «We know now that a text is not a line of words releasing a single «theological» meaning <...> but a multidimensional space in which a variety of writings, none of them original, blend and clash. The text is a tissue of quotations drawn from the innumerable centers of culture...» (Barthe, 1977: 46).

Согласно теории Р.-А. де Богранда и В. Дресслера, изложенной в книге «Introduction to text linguistics», интертекстуальность является одним из семи «критериев текстуальности», наряду с когезией, когерентностью,

интенциональностью, воспринимаемостью, информативностью и ситуативностью (Beaugrande, Dressier 1981).

Как указывают Tzina Kalogirou и Vasso Economopoulou интертекстуальность – это не только всепроникающий термин в современной литературной критике, но и значимый элемент в практической работе учителя: «Intertextuality is not only a ubiquitous term in contemporary literary criticism; it is also a crucial element in our attempt as teachers to enhance our student’s responding to literature as well as their critical skills in reading and interpreting certain literary works. In the present paper, we illustrate ways in which students can effectively read literary texts in parallel, compare them on the basis of its intertextual links and connections. We are going to limit ourselves to some illustrative cases of intertextuality available for students in a secondary classroom. By doing this kind of text-to-text reading, students develop a fuller and more articulate awareness of literature and they can also expand their literary uptake through detailed critical analysis» (Kalogirou, Economopoulou, 2012: 180).

При этом интертекстуальность остаётся дискуссионным термином, который по-разному трактуется исследователями: как соотнесенность конкретного текста с тем или иным типом текста (жанром и т.п.) или как соотнесенность с другим ранее созданным текстом или текстами.

Теоретический обзор

В данной работе интертекстуальность трактуется как результат соотносительности данного конкретного текста с другими, более ранними и выступающими по отношению к данному тексту как прецедентные. Интертекстуальность обеспечивает вхождение произведения в диахронический контекст, генерируя диалогическое взаимодействие отдельных текстов: текста-источника («претекста») и текста-реципиента – и реализуя смысловое приращение текста-реципиента посредством прецедентного включения.

Чтобы объяснить формирование текстовых связей, Е. Вентола предложила концепцию «семиотического охвата» («*semiotic spanning*») (Ventola, 1999: 101-109). Думается, что данное терминологическое сочетание может найти успешное применение в теории интертекстуальности, поскольку интертекстуальность предполагает расширение такого «семиотического охвата» посредством инклюзивности.

Чаще всего интертекстуальность понимается как зависимость смысла дискурса от ранее созданного текста (Allen, 2000: 2) (в нашей работе мы называем его «претекстом», или «прототипическим текстом», по отношению к тексту-реципиенту). Как полагает Дж. Аллен (2000: 44), дискурс вбирает в себя исторические и социокультурные факторы, а язык репрезентирует их, объединяя контекст и предыдущие тексты культуры. Развивая данную мысль, ученый полагает: «The literary text is no longer viewed as a unique and autonomous entity but as the product of a host of pre-existent codes, discourses and previous texts. Every word in a text in this sense is intertextual and so must be read not only in terms of a meaning presumed to exist within the text itself, but also in terms of meaningful relations stretching far outside the text into a host of cultural discourses. Intertextuality, in this sense, questions our

apparently commonsensical notions of what is inside and what outside the text, viewing meaning as something that can never be contained and constrained within the text itself. There is a mistaken tendency in readers of Kristeva to confuse intertextuality with more traditional, author-based concepts, particularly the concept of influence. Intertextuality is not, however, an intended reference by an author to another text: intertextuality is the very condition of signification, of meaning, in literary and indeed all language» (Allen 2003: 82).

Как правило, определения исследователей различаются в зависимости от того, какой аспект дискурса ставится во главу угла.

В то же время «интертекстуальность может быть рассмотрена как лингвистическая стратегия» (Savitri 2002: 37). В частности, заимствование слов из одного жанра в другой автор называет «встроенной интертекстуальностью» (Savitri, 2002: 49), эмоционально нагруженные слова культуры, крылатые фразы, метафоры могут быть использованы для привлечения внимания людей (Там же). Добавим: не только для привлечения внимания, но и для установления ассоциативных связей. По мнению исследователя, интертекстуальность не только организует активные диалектические отношения с социумом, не только история дискурса проявляется в интертекстуальности, но сама интертекстуальность в этом конкретном контексте выступает как стратегия создания наиболее эффективного дискурса» (Savitri, 2002: 54).

Не вызывает сомнения, что писатели нередко намеренно заимствуют идеи, а порой и сюжеты, из произведений предшественников, народного творчества и т.п. Такое заимствование не означает «повторения», но служит трансляции того или иного культурного феномена и углублению смысла вновь созданного текста. Происходит своего рода семиотическое приращение дискурса. В

результате читатель, обращаясь к вновь созданному тексту, ассоциативно «подключает» к нему информацию из «претекста» или «претекстов», углубляя содержание нового текста посредством собственных аллюзивных размышлений, связанных с прототипическим текстом идей, смыслов, что имеет определяющее значение для интерпретации произведения.

Интертекстуальность является сложным и многоуровневым литературным термином, однако ее часто путают с термином «аллюзия». В то же время аллюзия – это отсылка; упоминание чего-либо, прямое или косвенное.

Поскольку в результате читатели черпают информацию из других текстов, «просеивая» новый текст через свои ментальные «архивы», новый текст усложняется, приобретая качества дискурса, но его понимание при этом становится более глубоким и ясным. Таким образом, для авторов интертекстуальность открывает новые перспективы и возможности для построения своих – оригинальных – «историй».

Научные результаты

Простейшей формой реализации интертекстуальности является цитация. Так, всякий научный текст с необходимостью включает элементы прямой или косвенной цитации. Что касается литературного текста, то здесь, как правило, имеет место «скрытая цитация» – как отсылка к тому или ному источнику. Прямую цитацию мы обнаруживаем чаще всего в эпиграфах или заголовках, например, эпиграфом к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» послужили слова Мефистофеля из произведения И. Гёте «Фауст». Данный эпиграф-цитата с первых строк включает булгаковский роман в литературный контекст, в пределах которого разворачивается вечный спор о борьбе добра и зла, Бога и дьявола не только в мире, но и в душе человека, в том числе – в

душе человека-творца, художника в широком смысле слова.

В данном случае цитата из драмы И. Гёте выступает в качестве *прецедентного текста*, то есть текста, который «хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу которого входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания или символы» (Гудков и др. 1997: 106).

Термин «прецедентный текст», введенный в 1986 г. в научный оборот Ю.Н. Карауловым (Караулов 1986: 215) в преломлении к теории и практике анализа языковой личности, изначально обозначил дискурсивный характер прецедентности и вторичность по отношению к известному инварианту, прототипу.

При этом феномен прецедентности охватывает единицы различного уровня и структуры. В частности, прецедентный элемент может представлять собой номинативную единицу как аллюзивную отсылку к прототипическому тексту, устойчивое выражение, сюжетную схему и т.д. (*Фауст, Гамлет, Митрофанушка* и т.п., *«Свои люди – сочтемся», «Волки и овцы»* и подоб.). Расшифровка, «декодировка» таких интертекстуальных феноменов возможна только при обращении к исходному тексту и/или – шире – к культурному контексту, знаки которого они включают.

Равным образом, в качестве прецедентных включений могут выступать заголовки. Так, заглавие стихотворения «Пророк» можно считать прецедентным именем, поскольку оно десятки раз используется различными авторами, начиная с А.С. Пушкина – и далее: М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, А. Белый, Н. Гумилёв (во мн. числе: «Пророки»), Черубина де Габриак, К.Д. Бальмонт, Д.С. Мережковский («Пророк Иеремия»), С.Я. Надсон, В.С. Соловьёв («Пророк будущего»),

вплоть до современных авторов: Г. Корин, Е. Винокуров, Дм. Быков. Безусловно, все послепушкинские тексты с таким заголовком могут быть рассмотрены как «участники диалога» с первоисточником, к которому авторы имплицитно отсылают в своих произведениях, раскрывающих ту же тему назначения и миссии поэта, человека-творца.

В ряде случаев и в самих текстах содержатся непосредственные прецедентные включения из пушкинского стихотворения, например: *«Пророк! Твой путь не безобиден. / <...> Живет в пустыне. Мало ест»* и т.д. (Дм. Быков «Пророк», 1988 г.); ср.: *«В пустыне мрачной я влачился»*; *«Глаголом жгит сердца людей»*. (А.С. Пушкин «Пророк», 1826 г.).

Целую серию «Памятников», как известно, открывает М.В. Ломоносов своим переводом из древнеримского поэта Горация, чьё стихотворение «К Мельпомене» начиналось со строк: *«Я воздвиг памятник прочнее меди и выше царских пирамид...»*. М.В. Ломоносов осуществил перевод этого стихотворения, стремясь как можно более точно передать содержание оригинала: *«Я знак бессмертия себе воздвигнул / Превыше пирамид и крепче меди, / <...> Не вовсе я умру, но смерть оставит / Велику часть мою, как жизнь скончаю. / Я буду возрасть повсюду славой, / Пока великий Рим владеет светом <...>»* (М.В. Ломоносов, 1747 г.).

Следующим переложением становится стихотворение Г.Р. Державина, написанное им в 1775 году и уже получившее «Памятник». Г.Р. Державин отступает от оригинала, осуществляя перевод, скорее, «по мотивам», нежели стремясь к абсолютному тождеству текстов, и пишет о роде славян, которые будут чтить поэта: *«<...> И слава возрастет моя, не увядая, / Доколе славянов род вселенна будет чтить. // Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных, / Где Волга, Дон, Нева, с Рифея*

льет Урал; / Всяк будет помнить то в народах неисчетных, / Как из безвестности я тем известен стал...» (Г.Р. Державин, 1836 г.).

Эстафету «памятников» подхватывает А.С. Пушкин: *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа, / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа. // Нет, весь я не умру – / душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит – / И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит. <...>»* (А.С. Пушкин, 1836 г.).

На примере этих текстов мы можем наблюдать интертекстуальность как процесс, цепную реакцию, причем прецедентным оказывается не только заглавие, но и вариативные и в то же время содержательно совпадающие отрезки текстов, что обусловлено единством прототипа.

Далее следуют «Памятники» А.А. Фета (1854 г.), В.Я. Брюсова (1912 г.): *«Воздвиг я памятник вечнее меди прочной / И зданий царственных превыше пирамид; / <...> Нет, весь я не умру, и жизни лучшей долей / Избегну похорон, и славный мой венец / Все будет зеленеть, доколе в Капитолий / С безмолвной девою верховный ходит жрец. <...>»* (А.А. Фет, 1836 г.); *«Мой памятник стоит, / из строф созвучных сложен. <...> // Я есмь и вечно должен быть. / И станов всех бойцы, / и люди разных вкусов, / В каморке бедняка, и во дворце царя, / Ликуя, назовут меня – Валерий Брюсов, / О друге с дружбой говоря <...>»* (В.Я. Брюсов, 1912 г.).

При этом, если текст А.А. Фета «отсылает» нас к первоисточнику, то в стихотворении В.Я. Брюсова нам видится мультипрецедентность: здесь просматриваются ассоциативные отсылки не только к стихотворению Горация, но и к произведениям Г.Р. Державина и А.С. Пушкина, ср.: *«И станов всех бойцы, и люди разных вкусов, / В каморке*

бедняка, и во дворце царя, / Ликуя, назовут меня... /<...> В сады Украины, в шум и яркий сон столицы, / К преддверьям Индии, на берег Иртыша, –/ Повсюду долетят горящие страницы.../ <...> И в новых звуках зов проникнет за пределы/ Печальной родины, и немец, и француз/ Покорно повторяют мой стих осиротелый...» (В.Я. Брюсов).

Следовательно, можно утверждать, что интертекстуальность – это диахронический, прирастающий, приумножающий сам себя феномен.

При этом прецедентный текст может переживать значительные трансформации – и всё же он «угадывается», поддается дешифровке, например, в стихотворении И.А. Бродского 1962 года «*Я памятник воздвиг себе иной!*».

Еще далее от прототипа уходит В.С. Высоцкий: «*Командора шаги злы и гулки. / Я решил: как во времени оном, / Не пройтить ли, по плитам звеня? / И шарахнулись толпы в проулки, / Когда вырвал я ногу со стоном И осыпались камни с меня. / <...> И, когда уже грохнулся наземь, / Из разодранных рупоров всё же / Прохрипел я: «Похоже, живой!» /<...> И торчат мои острые скулы / Из металла! / <...> Я, напротив, ушёл всенародно / Из гранита» (В.С. Высоцкий, «Памятник», 1978-1979 г.).*

Тем не менее, и в двух последних текстах наличествует не просто ассоциативная, но интертекстуальная связь с произведениями предшественников (прежде всего Горация и А.С. Пушкина), которая реализуется не только посредством прецедентного заголовка (В. С. Высоцкий), но и содержательно: идея бессмертия поэта, творца перед лицом времени – и вербально: *памятник, металл* (ср.: *прочнее меди*), *всенародно* (ср.: *народная тропа*), *Муза*.

Отметим, что в стихотворении В.С. Высоцкого присутствует еще один прецедентный образ – *Командор* (*шаги Командора*) – герой пьесы А.С. Пушкина

«Каменный гость» из цикла «Маленькие трагедии» (сам сюжет и образ каменного Командора А.С. Пушкин заимствует у западноевропейских авторов, среди которых Мольер, Гольдони и др. Полагают, что Пушкин задействовал элементы либретто Лоренцо да Понте к опере В. Моцарта «Дон Жуан», но в то же время написал своё – оригинальное – произведение).

Образ Командора косвенно, но – со своей стороны – удостоверяет установку В.С. Высоцкого на осознанную реализацию ассоциативной связи с пушкинским «Памятником».

Из всего этого вытекает еще одно свойство интертекста – *способность к варьированию, но при сохранении онтологической связи – смысловой и вербальной – с прототипом*.

И здесь следует разграничить истоки прецедентности (текст-источник) и мотивы прецедентности – транслируемую идею, которая заложена в прецедентном тексте.

Так, многократно тиражируемая, пусть и вариативно, ключевая константа «Памятников» и «Пророка» заключается в идее элитарности, исключительности, богоизбранности человека-творца его противопоставленности прочим людям, ср. в стихотворении А.С. Пушкина «Поэт и толпа» 1828 года, где контекстуальная антонимия прилагательных вдохновенный – хладный, надменный, непосвященный (вкупе с адъективным наречием бессмысленно) репрезентирует ментальную и духовную полярность гения и толпы.

Примечательно, что эпиграфом к этому стихотворению автор взял лат. выражение *Procul este, profani* – «Прочь, непосвященные». В этом выражении литературоведы видят цитату из Вергилия: «Прочь удалитесь, непосвященные» (Вергилий, «Энеида», VI, 255-61, 30-е года до н.э., начата в 29 г. д. н.э.). Но следует заметить, что в 23 году до н.э., то есть практически в тот же период, друг Вергилия Гораций издает три книги своих

«Од», в которые вошли и упомянутый «Памятник», и стихотворение, начинающееся словами «*Odi profanum vulgus et arceo*» («Я ненавижу невежественную (непосвященную) толпу»). В этих произведениях – мотиватором указанной прецедентности является идея противопоставленности поэта, антагонизма по отношению к нему, транслируемая от античности – и далее – художественной картиной мира в целом, ср. в стихотворении-пророчестве М. Цветаевой 1916 года: «*Потянется, растерянно крестясь, / Паломничество по дорожке черной / К моей руке, которой не отдерну, / <...> По улицам оставленной Москвы / Поеду – я, и победите – вы. / <...> И наконец-то будет разрешен / Себялюбивый, одинокий сон*».

Как видим, интертекстуальность, как правило, предполагает заложенную автором когнитивную возможность для потенциального читателя установления (через аллюзию) ассоциативных связей прецедентного текста как инклюзивного элемента с его источником. Иными словами, для надёжности результата и уверенности автора в адекватном прочтении текста-реципиента закодированный и «упакованный в интертекстуальность» прецедент должен с достаточной очевидностью для читателя «указывать» на своё происхождение. Иначе факт прецедентности не будет обнаруживать себя.

В этом контексте прецедентный факт можно рассматривать как элемент «культурной памяти», и сама литература при таком подходе оказывается транслятором, носителем и – добавим – порождением такой «культурной памяти», поскольку предполагает некую эстетическую реакцию читателя как реципиента текста (См.: Iser 1978).

Исходя из этого, центральное место в прочтении каждого литературного произведения занимает взаимодействие его структуры и получателя. Следовательно, изучение литературного произведения

должно касаться не только собственно текста, но и, в равной мере, действий, связанных с откликом на этот текст (Iser 1980: 106-119).

Мы солидарны с американским психологом Дж. Брунером, утверждающим, что нашу память о событиях жизни и наш жизненный опыт мы «организуем» в форме рассказа, или – нарратива – «*narrative-stories*» (Bruner 1994: 4-5). Исходя из этого, можно полагать, что интертекст, осуществляя межтекстовый диалог, включает в него личный субъективный опыт адресата (читателя), и здесь нельзя не согласиться с тезисом Жака Деррида о том, что «читатель пишет текст».

Однако, памятуя о том, что «повествовательное воображение не имеет границ» (Есо 1990: 4), можно предположить, что текст может всякий раз получать специфическую интерпретацию, отличную от заложенной в нем автором. В частности, как справедливо указывал У. Эко, «*to interpret means to react to the text of the world or to the world of a text by producing other texts. <> The problem is not to challenge the old idea that the world is a text which can be interpreted, but rather to decide whether it has a fixed meaning, many possible meanings, or none at all*» («толковать – значит реагировать на текст мира или на мир текста, создавая другие тексты. <...> Проблема не в том, чтобы бросить вызов старой идее о том, что мир – это текст, который можно интерпретировать, а скорее, в том, имеет ли он фиксированный смысл, много возможных значений или вообще нет») (Есо 1990: 29).

Исходя из этого, предполагается, что все, что мы можем вспомнить, соединяется с воспринимаемым текстом, создавая – говоря словами У. Эко – «паутину взаимных ссылок». В этом контексте интертекстуальность сопрягается с так называемой «теорией памяти» (Halbwachs 1980; Carruthers 2008; Rossington and Whitehead 2007).

Однако здесь выступает на первый план субъективный фактор – подготовленность самого читателя к процессу декодирования, глубина его литературных и общекультурных познаний. И именно в этом семиотическом пространстве может разворачиваться наиболее интересный и плодотворный диалог автора с читателем.

Так, например, имплицитная прецедентность нередко присутствует в произведениях В. Сорокина – эпатажного и намеренно эпатирующего писателя. Специфика авторского дискурса, на наш взгляд, заключается том, что писатель использует в качестве прецедентных не известные среднему носителю языка факты культурного и литературного характера, а потому его «диалог с читателем» рассчитан на подготовленного к такому диалогу адресата.

Продemonстрируем это на произведении малого жанра – новелле «Настя». По сюжету, героиню рассказа Настю, девушку, которой исполняется 16 лет, готовят к самому важному событию в её жизни. Накануне ожидаемого дня Настя получает подарки от родственников, в том числе черную жемчужину: *«Черный жемчуг, татап. <...> Из-за моря-окияна, прямо с острова Буяна!»* (В.Г. Сорокин «Настя»).

Включение в реплику героя известного фольклорного словосочетания с традиционными образами *моря-океана, острова Буяна* информативно и, как нам видится, должно подготовить читателя к восприятию последующих событий.

И вот жемчужина проглочена Настей, семья готова к церемонии. Буквальное восприятие описания этой церемонии может повергнуть читателя в состояние культурного шока: *«Красно-каменный забор внутреннего двора, свежая побелка недавно сложенной большой русской печи, голый по пояс повар Савелий с длинной кочергой перед оранжевым печным жерлом, отец, мать, отец Андрей, Лев Ильич. <...> Жар справный, – выпрямился,*

отирая пот Савелий. – Во имя Вечного, – кивнул ему отец. Савелий положил на стол огромную железную лопату с болтающимися цепями: – Ложитесь, Настасья Сергеевна. Настя неуверенно подошла к лопате. Отец и Савелий подхватили ее, положили спиной на лопату» (В.Г. Сорокин «Настя»).

В то же время описание этой страшной сцены рождает ассоциации с чем-то уже хорошо известным. А «ключом» к этому известному оказывается упомянутый выше фольклорный элемент. *Лопата, печь*, герой, которого туда отправляет мифологизированный предок (баба-яга) – всё это традиционные элементы русской волшебной сказки, в которой баба-яга пытается усадить героя (Иванушку и т.п.) на лопату и изжарить в печи.

Этот сказочный сюжет уходит корнями в глубокую мифологическую древность с её ритуалами и обрядами, в частности, с обрядом «опекания младенца», или «перепекания младенца (ребенка)».

«Пламя в системе мифологических воззрений устойчиво связывается с представлениями о душе, что репрезентируется, помимо прочего, обрядовой практикой: вероятно, обряд «опекания» младенца, в ходе которого новорожденного помещали в дышащую теплом печь, был связан с актом обретения новым человеком души. В системе мифологем домашний очаг рассматривался как место пребывания домового духа, духа умершего предка, а потому при переходе в новый дом непременно выбирали из очага тлеющие угли, дабы забрать с собой домового (отзвуки древнейшего похоронного обряда трупосожжения); и языковыми фактами, ср.: семантически почти тождественные *душный* и *жаркий*. Думается, что между осмыслением домашнего очага как локуса духа пращура и обрядом «опекания» младенца имеется причинно-следственная связь: душу

человек получал от родовых предков» (См.: Кошарная, 2002: 179-180).

При этом «опекание младенца» уподобляли выпечке хлеба, когда «мягкое», неоформленное тесто превращается в твердый, крепкий хлеб: «хотя происхождение этого и подобных сказочных эпизодов уже возводилось исследователями к архаическим ритуалам (инициация, похороны), никто, кажется, не обратил внимания на его близкое сходство с ритуалом «перепекания» ребенка, широко известным у восточных славян. В наиболее общем случае ритуал заключается в том, что грудного ребенка кладут на хлебную лопату и трижды всовывают в теплую печь. Обычно так поступали с младенцами, больными рахитом или атрофией а согласно народной терминологии <...> Ритуал осуществлялся иногда и при других болезнях <...> Более глубокий уровень определяется символическим отождествлением ребенка и хлеба, выпечки хлеба и появления ребенка на свет: его как бы возвращают в материнское чрево (печь), чтобы он родился заново» (Топорков, 1992: 114-115).

Этот фольклорно-мифологический сюжет будет упомянут писателем и ближе к концу новеллы: «Ариша, ты готовишься? – спросила Румянцева <...>. – Надоело ждать, – отодвинула пустую тарелку Арина. – Всех подруг уж зажарили, а я все жду. Таню Бокшееву, Адель Нащекину, теперь вот Настеньку» (В.Сорокин «Настя»).

В то же время здесь просматривается связь с обрядом инициации. Так, сказочный герой, побывав в избушке бабы-яги, пройдя собственно инициацию, становится неуязвимым в фантастическом мире, в который он направляется. «С этой точки зрения крестьянские обряды, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка, представляют собой комплекс мероприятий, направленных на придание ему «человеческих» качеств («правильная» форма тела, способность видеть, слышать, говорить и т. п.). До

совершения подобных ритуалов новорожденный воспринимается как существо, не принадлежащее к миру людей, или как «недоделанный», «неоформленный» человек» (Панченко, 2004: 32).

Как отмечает А.Л. Топорков, «можно предположить, что печь символизировала не только чрево матери, но и загробный мир, отправление в печь – временную смерть; характерно, что в некоторых вариантах ритуала на ребенке разрывали рубашку, как на покойнике, и сжигали ее» (Топорков 1992: 116), ср. в новелле В.Г. Сорокина: «Няня раздевала Настю <...> Настя осталась стоять голой посреди двора» (В.Г. Сорокин «Настя»).

Таким образом, налицо совпадение сюжетов, вернее, намеренная реализация автором интертекстуальности, но при этом сюжет «прочитывается» не символически, не метафорически, а в буквальном смысле.

То же буквальное прочтение обнаруживается и в отношении устойчивых, традиционных, эпитетов и оборотов: *новоиспеченная* (Настя), ср. *новоиспечённый*, -ая, -ое (разг. шутол.). – ‘недавно сделанный (о продуктах печения не употр.!)’, *недавно ставший кем-н.* Н. проект. Н. студент (Ожегов 1991: 417); «*прошу у вас руки вашей дочери*», где буквально и страшно прочитана прототипическая ситуация «*просить руки*» – ‘делать предложение, предлагать руку и сердце, предлагать руку, свататься’.

Абсурдность описываемых ситуаций при их буквальном прочтении и намеренное обыгрывание писателем прецедентных включений являются доминантами индивидуально-авторской картины мира В.Г. Сорокина, играющего со своим читателем в своеобразную «игру» и предлагающего разгадать загадки его текстов, почерпнутые из традиционной культуры.

Так, в финале новеллы присутствует авторское описание отраженного в черной (!) жемчужине мира, которое напоминает известную детскую страшилку, в которой

рефреном выступает прилагательное **черный** («В **черной-черной** комнате стоит **черный-пречерный** стол...»): «В жемчужине плыл отраженный мир: **черное** небо, **черные** облака, **черное** озеро, **черные** лодки, **черный** бор, **черный** можжевельник, **черная** отмель, **черные** мостки, **черные** ракиты, **черный** холм, **черная** церковь, **черная** тропинка, **черный** луг, **черная** аллея, **черная** усадьба, **черный** мужчина и **черная** женщина, открывающие **черное** окно в **черной** столовой» (В.Г. Сорокин «Настя»).

Таким образом, прилагательное-рефрен **черный** в новелле В.Сорокина также можно рассматривать как явление интертекстуальности.

Попутно заметим, что архетип черного человека – прецедентный образ русской литературы, по-видимому, также являющийся продолжением и развитием народной традиции. В частности, одним из зловещих персонажей поэзии и прозы Хармса оказывается «дворник с **чёрными** усами» (известно, что в дореволюционной России дворники нередко выполняли поручения полиции и присутствовали при обысках и арестах), ср. также персонажи поэмы С. Есенина «Черный человек» и стихотворения В. Высоцкого: «*Мой **черный** человек в костюме сером*».

Но вернемся к новелле В.Сорокина. Помимо фольклорного начала и заимствованных из народной традиции образов, которое «опрокинуто» в реальность в авторском дискурсе, здесь присутствуют и отсылки к литературному наследию: «<...> гимны элитарности! Вспомните Горация! **«Я презираю темную толпу!»**» (В.Г. Сорокин «Настя»). Вновь появляется знаковый для русской литературной традиции – прецедентный – образ Горация с его осознанием элитарной противопоставленности творца, гения, поэта, писателя прочим людям. Думается, эпатирующий публику В. Сорокин совсем случайно вводит в текст это

прецедентное имя, имплицитно нагружая текст и личностным смыслом.

В целом, контекстуальный лингвокультурологический анализ новеллы В. Сорокина позволяет утверждать, что прецедентность может присутствовать в тексте в виде некоего культурного кода, шифра, будучи «упакованной» в традиционные языковые формы, но с печатью ресемантизации.

Заключение

Таким образом, текст-реципиент может быть осмыслен как некий код по отношению к тексту-источнику, требующий для адекватного осмысления такого кодирующего текста осуществления операции «расшифровки», что предполагает знание диалогического контекста, обеспечивающего возможность установления связи с прецедентным источником. В этой связи не будет преувеличением, если мы признаем все современные литературные тексты интертекстуальными, причем намеренно интертекстуальными.

При этом обнаруживаются характерные черты интертекстуальности: реализация смыслового приращения текста-реципиента посредством прецедентного включения из прототипического текста или текстов (претекста), в результате возникает общее семиотическое пространство «нового» и предшествующих текстов.

Интертекстуальность служит трансляции культурного феномена и углублению смысла вновь созданного текста.

Текст-реципиент может быть осмыслен как своеобразный код по отношению к тексту-источнику, требующий для адекватного осмысления такого кодирующего текста осуществления операции «дешифровки».

Читатель, обращаясь к вновь созданному тексту, ассоциативно «подключает» к нему информацию из «претекста» или «претекстов», углубляя содержание нового текста посредством

собственных аллюзивных размышлений и т.п. При этом на первый план субъективный фактор – подготовленность самого читателя к процессу декодирования.

Простейшей формой реализации интертекстуальности является цитация (прямая или скрытая), что обнаруживается, в частности, в текстах русской поэзии, на примере которых мы наблюдаем *интертекстуальность* как диахронический процесс.

При этом феномен прецедентности охватывает единицы различного уровня и структуры. Так, в качестве прецедентных включений могут выступать заголовки. При этом следует разграничить истоки прецедентности (текст-источник) и мотивы прецедентности – транслируемую идею, которая заложена в прецедентном тексте.

В контексте интертекстуальности возможно говорить о *мультипрецедентности*, при которой присутствуют аллюзивные отсылки к нескольким источникам.

Интертекстуальность предполагает заложенную автором когнитивную возможность для потенциального читателя установления (через аллюзию) ассоциативных связей прецедентного текста как инклюзивного элемента с его источником, где прецедентный факт можно рассматривать как элемент «культурной памяти», и сама литература при таком подходе оказывается транслятором, носителем и – добавим – порождением такой «культурной памяти».

Следовательно, можно утверждать, что интертекстуальность – это диахронический, прирастающий, приумножающий сам себя, дискурсивный феномен.

Список литературы

Гудков Д.Б., Красных В.В. и др. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева //

Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1997. № 4. С. 106-118.

Караулов Ю.Н. Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М.: Русский язык, 1986. С. 105-123.

Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 2002. 287 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.

Панченко А.А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. 2004. №3. С. 31-39.

Сорокин В.Г. Пир. М.: Ad Marginem, 2001. 382 с.

Топорков А.Л. Перепекание детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 114-118.

Allen G. Intertextuality. London & New York: Routledge, 2000. 238 p.

Allen, G. Roland Barthes. London: Routledge, 2003. 163 p.

Barthes R. The pleasure of the text. Translated by Richard Miller. With a Note on the Text by Richard Howard. New York: Hill and Wang, 1974. P.5-67.

Barthes R. Image. Music. Text. London: Fontana Press, 1977. 217 p.

Beau Grande R.-A. de, Dressier W. Introduction to text linguistics. XVI. London & New York: Longman, 1981. 270 p.

Bloom H. The Anxiety of Influence: A theory of poetry. 2-nd Ed. New York & Oxford: Oxford University Press, 1997. 157 p.

Bruner J. The Narrative Construction of Reality // Critical Inquiry. 1994. Vol. 18, No. 1. P.1-21.

Carruthers Mary J. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2008. 519 p.

Eco U. The Limits of Interpretation. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 295 p.

Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row Colophon Books, 1980. 182 p.

Iser W. Interaction between Text and Reader // The Reader in the Text. Princeton, New York: Princeton University Press, 1980. P. 106-119.

Iser W. The Act of Reading: A theory of esthetic response. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p.

Kalogirou Tz. & Economopoulou V. Building bridges between texts: From Intertextuality to intertextual reading, learning / Theoretical challenges, and classroom resources // Investigação e Ensino: Número temático (Dezembro), Portugal, 2012. P.180-187.

Kristeva J. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. New York: Columbia University Press, 1980. 319 p.

Rossington M. & Whitehead A. Theories of Memories. A Reader. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 328 p.

Savitri G. Intertextuality as Discourse Strategy: The Case of No-Confidence Debates in Thailand / Nelson D. (ed.) // Working Papers in Linguistics and Phonetics, 9. 2002. P. 35-55.

Ventola E. Semiotic spanning at conferences: Cohesion and coherence in and across conference papers and their discussions // Coherence in Spoken and Written Discourse / Ed. by W. Bublitz, U. Lenk, E. Ventola. Amsterdam: Benjamins, 1999. P.101-123.

Reference

Gudkov, D. B., Krasnyh, V. V., Zaharenko, I. V. and Bagaeva, D.V. (1997). Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnyh vyskazyvaniy [Some features of the functioning of precedent statements], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser.9. Philology], 4, p. 106-118. [in Russian].

Karaulov, Yu. N. (1986). Rol' pretsedentnogo teksta v strukture i funktsionirovanii yazykovoy lichnosti [The role of the precedent text in the structure and functioning of the linguistic personality], *Nauchnye traditsii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury* [Scientific traditions and new directions in teaching the Russian language and literature], *Russkiy yazyk*, Moscow, Russia, p. 105-123. [in Russian].

Kosharnaya, S. A. (2002). *Mif i yazyk: Opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira [Myth and language: experience of linguocultural reconstruction of the Russian mythological picture of the world]*. Publishing House of Belgorod State University, Belgorod, Russia, 287 p. [in Russian].

Ozhegov, S. I. (1991). *Slovar' russkogo yazyka: 70000 slov [Russian dictionary: 70,000 words]*, in N. Yu. Shvedova (ed.), 23-rd ed., *Russkiy yazyk*, Moscow, Russia, 917 p. [in Russian].

Panchenko, A. A. (2004). Otnoshenie k detyam v russkoy traditsionnoy kul'ture [Attitude to children in Russian traditional culture], *Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland]*, 3, p. 31-39. [in Russian].

Sorokin, V. G. (2001). *Pir [The Feast]*, Ad Marginem, Moscow, Russia, 382 p. [in Russian].

Toporkov, A. L. (1992). Perepekanie detej v ritualah i skazkah vostochnyh slavyan ["Baking" children in the rituals and fairy tales of the Eastern Slavs], *Fol'klor i etnograficheskaya deistvitel'nost' [The folklore and the ethnographic reality]*, St. Petersburg, Russia, p. 114-118. [in Russian].

Allen, G. (2000). *Intertextuality*. Routledge, London & New York, UK & USA, 238 p.

Allen, G. (2003). *Roland Barthes*. Routledge, London, UK, 163 p.

Barthes, R. (1974). *The pleasure of the text*. Translated by Richard Miller, with a Note on the Text by Richard Howard, Hill and Wang, New York, USA, p. 5-67.

Barthes, R. (1977). *Image. Music. Text*. Fontana Press, London, UK, 217 p.

Beaugrande, R.-A. de, Dressier, W. (1981). *Introduction to text linguistics*, XVI, Longman, London & New York, UK & USA, 270 p. [In English].

Bloom, H. (1997). *The Anxiety of Influence: A theory of poetry*. 2-nd ed., Oxford University Press, New York & Oxford, USA & UK, 157 p. [In English].

Bruner, J. (1994). The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*, 18 (1), p. 1-21. [In English].

Carruthers, Mary J. (2008). *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. 2-nd ed., Cambridge University Press, Cambridge, New York, UK, 519 p. [In English].

Eco, U. (1990). *The Limits of Interpretation*. Indiana University Press, Bloomington & Indianapolis, USA, 295 p.

Halbwachs, M. (1980). *The collective memory*. Harper & Row Colophon Books, New York, USA, 182 p.

Iser, W. (1980). *Interaction between Text and Reader, The Reader in the Text*. Princeton University Press, Princeton, New York, USA, p. 106-119.

Iser, W. (1978). *The Act of Reading: A theory of esthetic response*. Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA, 239 p. [In English].

Kalogirou, Tz. & Economopoulou, V. (2012). Building bridges between texts: From Intertextuality to intertextual reading and learning, Theoretical challenges and classroom resources, *Investigação e Ensino: Número temático (Dezembro)*, Portugal, p. 180-187.

Kristeva, J. (1980). *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. Columbia University Press, New York, USA, 319 p.

Rossington, M. & Whitehead, A. (2007). *Theories of Memories. A Reader*. Edinburgh University Press, Edinburgh, UK, 328 p.

Savitri, G. (2002). Intertextuality as Discourse Strategy: The Case of No-Confidence Debates in Thailand. Working Papers in

Linguistics and Phonetics, in Nelson D. (ed.), 9, p. 35-55.

Ventola, E. (1999). Semiotic spanning at conferences: Cohesion and coherence in and across conference papers and their discussions, *Coherence in Spoken and Written Discourse*. Ed. by W. Bublitz, U. Lenk, E. Ventola, Benjamins, Amsterdam, Netherlands, p. 101-123. [In English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Кошарная Светлана Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ».

Kosharnaya Svetlana A., Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian language and Russian literature, «BelSU».

Татьяна Григорьянова, кандидат филологических наук, доцент, Университет Экономики, Братислава.

Tatjana Grigorjanová, PhD in Philology, Associate Professor, University of Economics in Bratislava.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-3

Прюво Жан
Бузинова Л. М.
Седых Н. В.

Гастрономический дискурс Франции: опыт
лингвосомиотического анализа

доктор филологических наук, профессор
университет Сержи-Понтуаз (Франция)
E-mail: pruvost.jean0943@orange.fr

кандидат филологических наук, доцент
Заведующий кафедрой иностранных языков и речевой коммуникации
Международный университет в Москве
E-mail: rluda@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2721-3482

магистр
ассистент кафедры
немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-1182-9212

*Статья поступила 10 января 2019 г.; Принята 12 февраля 2019 г.;
Опубликована 31 марта 2019 г.*

Аннотация: В статье описываются характеристики гастрономического дискурса на основе анализа региональных кулинарных терминов в контексте их употребления в рецептурных текстах французской лингвокультуры. Представлены конвенциональные способы номинации кулинарных реалий и способов обработки пищевых продуктов. Выдвигается гипотеза о непосредственной корреляции гастрономических номинантов и национально-культурных параметров коммуникации. Намечаются перспективы дальнейшего исследования гастроллингвистических структур. **Введение и теоретические обоснования.** Кулинарный дискурс обладает достаточным количеством релевантных признаков для выявления менталитетных свойств обобщённого представителя национальной культуры. Гастрономическая номинация непосредственным образом связана с идентификационными механизмами языкового мышления, операциональными моделями репрезентации гастрономического универсума, аксиологическими ориентирами лингвокультуры. Гносеологическим основанием для расшифровки одного из механизмов кулинарного смыслопорождения выступает номинативная структура гастропрагматонимов. Как целостно оформленный конструкт рецептурный текст является семиотической системой, с константными содержательными параметрами. Кулинарный формат высказывания коррелирует с

лингвоментальными характеристиками, в рамках которых могут быть выделены сущностные национально-культурные признаки. **Основная часть.** Показано, что гастрономический дискурс и кулинарная терминология любой нации обладает значительным лингвокультурным потенциалом номинативных свойств. Почти образцовым материалом для исследования лингвокультурных признаков терминологии выступает безэквивалентная лексика, в частности неперебиваемые языковые единицы из области кулинарной деятельности. Рассмотрены национального кулинарного мировоззрения, которое объединяет в себе языковую картину мира и автохтонную гастрономию, увязанную в рамках системы когнитивных категорий и семиотических алгоритмов. Центральным элементом формирования концептуальной картины мира выступает метафорический механизм номинации, в котором отражаются сущностные стороны ментальности, в частности французского глуттонимического восприятия реальности. На первое место выдвигается важность гастрономического коммуникативного события, как одного из важнейших сторон функционирования рецептурного продукта. Подчеркивается важность кулинарной автохтонной компетенции реципиента текста. **Заключение.** Делаются выводы о том, что процессы потребления всё чаще рассматриваются как феномен дискурса – текст. Текст и дискурс выступают базовой средой для формирования глуттонимического мировоззрения и коммуникации. Утверждается, что все уровни языковой и дискурсной организации в рамках глуттонимической тематики обладают релевантным семиотическим потенциалом для выявления национально-культурных признаков, в частности французского кулинарного дискурса и терминологии. Выявлены основополагающие архетипы коллективного бессознательного французской нации, коррелирующие с гастрономической мифологией и дискурсом. Также было обнаружено, что интерпретационное поле лексем «еда-пища» / «герас», синонимов, квалификативов, паремий и фразеологии вербализуется во французском языке при помощи субстанционального (вещного) типа номинации с преобладанием перцептивного признака. Утверждается, что во французском языке и дискурсе к преобладающим механизмам гастрономической коммуникации можно отнести обилие прагматических номинативных и словообразовательных моделей. В рамках выдвинутой гипотезы проецируются векторы будущих исследований в русле текстологической значимости кулинарного дискурса, которые позволят расширить эпистемологический диапазон аналитической лингвистики.

Ключевые слова: дискурс; коммуникация; терминология; гастрономический семиозис; коннотация глуттонимов; кулинарный уровень дискурсной экзистенции

Для цитирования: Прюво Ж., Бузинова Л. М., Седых Н. В. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосемиотического анализа // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики.* 2019. Т. 5, № 1. С. 27-39. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-3

Pruvost J.
Lyudmila M. Buzinova
Natalia V. Sedykh

**French gastronomic discourse: experience of linguistic and
semiotic analysis**

Doctor of Philology, Professor
University of Cergy-Pontoise (France)
E-mail: pruvost.jean0943@orange.fr

Candidate of Philology, Associate Professor
Head of the Department of Foreign Languages and Speech Communication
International University in Moscow
E-mail: rluda@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2721-3482

Assistant Lecturer, Department of German and French Languages
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-1182-9212

Received 10 January 2019; Accepted 12 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract: The paper describes the characteristics of gastronomic discourse based on the analysis of regional culinary terms in the context of their use in the recipe texts of the French lingvoculture. Conventional methods for the nomination of culinary realities and food processing methods are presented. A hypothesis is put forward about the direct correlation of gastronomic nominees and national-cultural parameters of communication. Prospects for further research of gastro linguistic structures are outlined. **Introduction and theoretical justification.** Culinary discourse has a sufficient number of relevant features to identify the mental properties of a generalized representative of the national culture. The gastronomic nomination is directly connected with the identification mechanisms of language thinking, operational models of the representation of the gastronomic universe, axiological reference points of lingvoculture. The epistemological structure of gastropragmatonyms serves as an epistemological basis for deciphering one of the mechanisms of culinary sense-generating. As an integrally constructed construct, a recipe text is a semiotic system, with constant meaningful parameters. The culinary format of the utterance correlates with the linguistic characteristics within which the essential national cultural characteristics can be distinguished. **Main part.** It is shown that the gastronomic discourse and culinary terminology of any nation has a significant linguocultural potential of nominative properties. An almost exemplary material for the study of linguocultural signs of terminology is unequivocal vocabulary, in particular, untranslatable language units from the field of culinary activity. The national culinary worldview, which combines the linguistic picture of the world and autochthonous gastronomy, linked within the framework of the system of cognitive categories and semiotic algorithms, is considered. The central element in the formation of the conceptual picture of the world is the metaphorical mechanism of nomination, which

reflects the essential aspects of the mentality, in particular, the French gluttonymic perception of reality. The importance of a gastronomic communicative event, as one of the most important aspects of the prescription product, comes to the fore. The importance of culinary autochthonous competence of the recipient of the text is emphasized. **Conclusion.** It is concluded that consumption processes are increasingly viewed as a phenomenon of discourse – a text. Text and discourse are the basic environment for the formation of a gluttonic world view and communication. It is argued that all levels of linguistic and discursive organization within the framework of gluttonic topics have a relevant semiotic potential for identifying national and cultural characteristics, in particular, French culinary discourse and terminology. The fundamental archetypes of the collective unconscious French nation, correlating with gastronomic mythology and discourse, are revealed. It was also found that the interpretational field of food-to-food / repas lexemes, synonyms, qualifications, paronyms and phraseology is verbalized in French with the help of a substantial (real) type of nomination with a predominantly perceptual attribute. It is argued that in French and discourse the abundance of pragmatic nominative and word-building models can be attributed to the prevailing mechanisms of gastronomic communication. Within the framework of the proposed hypothesis, the vectors of future studies are projected in line with the textological significance of culinary discourse, which will expand the epistemological range of analytical linguistics.

Key words: discourse; communication; terminology; gastronomic semiosis; connotation of gluttonyms; culinary level of discourse existence.

How to cite: Pruvost, J., Buzinova, L. M. and Sedykh, N. V. (2019). French gastronomic discourse: experience of linguistic and semiotic analysis. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 27-39. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-3

Человек в процессе аксиологической активности сознания формирует свои представления об окружающей действительности и о моделях удовлетворения своих потребностей, органичной частью которых является, в частности деятельность, связанная с потреблением пищи. В результате чего у личности конструируется система гастрономических предпочтений, коррелирующая с арсеналом языковых номинантов, обслуживающих данную область человеческой экзистенции. Сюда включаются вкусовые репрезентации, категории глуттонимии, а также кулинарные концепты, которые входят в когнитивное пространство этнокультурных представлений о мире потребления и трофической (управляющий питанием и жизнедеятельностью организма) мифологии нации.

Современная научная литература уделяет относительно пристальное внимание изучению гастрономического дискурса и кулинарной терминологии [1; 2; 4; 12; 19]. Несмотря на активное эпистемологическое отношение к данному типу дискурса, разработанность гастропроблематики остаётся недостаточной и требует дополнительных исследований.

Французская нация неотделима от культуры питания, по крайней мере, начиная со времён Людовика XIV, который содержал возле себя огромное количество поварской братии и практически ввёл моду на гастрономические изыски не только при своём дворе, но и на парижских улицах.

Говорить о французской кухне достаточно сложно, так как её разнообразие и высокое качество признано, и, кажется, хорошо изучено во

всём мире. В соответствии с исследовательскими задачами нашей работы, а также в рамках логико-методологической процедуры, обозначаемой термином «редукция», мы предлагаем подразделить французскую кухню и соответствующий дискурс на три подвида / подтипа. Во-первых, данная категоризация реально существует в мире французской гастрономии, во-вторых, это поможет сделать анализ кулинарного дискурса и терминологии более доступным и релевантным [3; 5; 7; 8; 9].

Предлагается подразделить французскую кухню на три уровня дискурсной экзистенции:

1. Региональная кухня (*cuisine régionale / de terroir*). Название говорит само за себя: речь идёт о разнообразии гастрономических пристрастий французов через призму исторических регионов Франции. Каждый регион обладает неповторимым «вкусом», отражающимся в кулинарных номинантах рецептов и терминологии.

2. Буржуазная кухня (*cuisine bourgeoise*). Данный тип кулинарного искусства связан с определёнными социокультурными гастрономическими традициями, манифестирующимися в специфике дискурсной вербализации, коррелирующей с общефранцузскими густативными предпочтениями на всей территории Французской республики.

3. Высокая кухня (*haute / grande cuisine*). Термин «высокая кухня» появился во Франции не так давно, и его семантика взаимодействует с категорией «высокая мода», которая, как и кухня входит в общенациональное нематериальное достояние французской культуры. Данный тип кухни предназначен для гурманских изысков.

Во Франции существует также новейшее направление креативной гастрономии — молекулярная кухня, синестезирующая кулинарные традиции и здоровый образ жизни. В нашей работе

не будет рассматриваться дискурс молекулярной кухни, который мы планируем проанализировать в дальнейших исследованиях. В последующих разделах рассматриваются приведённые выше аспекты гастрономического семиотического пространства французской лингвокультуры через призму рецептурной терминологии и соответствующих вкраплений в обыденный дискурс носителей французского языка [15; 10].

Кулинарное достояние Франции зиждется, прежде всего, на богатом разнообразии продуктов местного сельскохозяйственного производства, что отражает калейдоскоп территориальной идентичности страны. Во французском языке существует термин «*métiers de bouche*» (букв. ‘ремёсла для рта’), который очень трудно точно перевести на иные языки. Примерным эквивалентами могут быть словосочетания «гастрономические ремёсла» или «профессии общественного питания» («общепита» в советские времена), но они лишь частично отражают специфику французского набора профессий, обслуживающих весь комплекс кулинарно-гастрономической области деятельности в современной Франции.

В своих воспоминаниях величайший повар XX века Огюст Эскоффье пишет: *Le sol français a le privilège de produire naturellement et en abondance les meilleurs légumes, les meilleurs fruits et les meilleurs vins qui soient au monde. La France possède aussi les plus fines volailles, les viandes les plus tendres, les gibiers les plus variés et les plus délicats. Sa situation maritime lui fournit les plus beaux poissons et crustacés. C'est donc tout naturellement que le Français devient à la fois gourmand et bon cuisinier* (Французская земля имеет привилегию рождать естественным образом и в изобилии лучшие в мире овощи и фрукты и лучшие в мире вина. Франция также располагает самыми изысканными

птицепродуктами, самым нежным мясом, самой разнообразной и вкусной дичью. Её статус морской державы позволяет поставлять самую лучшую рыбу и ракообразных. Следовательно, самым натуральным образом, каждый Француз становится с рождения чревоугодником и хорошим поваром) [16]. Как видим, несмотря на обилие языковых средств, употребляемых в превосходной степени (*privilege, meilleur, les plus beaux etc.*), яркие оттенки французского урапатриотизма (*sol français, la France, le Français*), приведённое выше высказывание, по сути, и по форме соответствует действительности, так как по своему географическому положению, климатическим особенностям и геологическим характеристикам Франция предоставляет широчайшие возможности для производства разнообразнейших продуктов питания.

Самой очевидной иллюстрацией приведённых размышлений служит тот факт, что во Франции производится более тысячи сортов сыра. Данное разнообразие распространяется также на хлебобулочные изделия, овощеводство и виноградарство. Иностранные рестораторы приезжают во Францию на самые большие в мире рынки и гипермаркеты свежих продуктов. При этом следует отметить, что успехи в кулинарном искусстве достигаются, прежде всего, в результате креативного и бережного взаимодействия человека и природы, благодаря способности французов адаптироваться к окружающей среде, которые, «общаясь» с плодородной землёй, проявляют свои высокие человеческие качества, чувственность и компетенции, опираясь на традиции предков, передающиеся от поколения к поколению [11].

Так, один из аутентичных французских концептов «*terroir*» (букв. ‘почва, земля; местный колорит’) вербализуется посредством следующих выражений французского языка: *goût du /*

de terroir (букв. ‘вкус почвы’ = особенности характера, воспитания, свойственные людям данной местности, провинции; специфика привкуса местного вина); *sentir le terroir* (букв. ‘пахнуть почвой, землёй’ = обладать особым привкусом, о вине; носить отпечаток данной местности). Как видим, данный концепт обозначает в первую очередь сельскохозяйственные качества конкретного земельного пространства. В широком смысле он указывает на культурную специфику конкретного региона и его обитателей, среди которых – кулинарную доминанту местных умений и навыков, практики и традиций. По мысли французского писателя, философа и журналиста Жана-Франсуа Ревеля: *le culte du terroir, l'attribution des qualités d'un vin aux seules propriétés intrinsèques du sol, combinées à celles de l'exposition, est un préjugé moderne (...): le principal facteur de la qualité d'un vin, ce n'est pas le sol, c'est l'homme* (Куль «территории», приписывание качеств вина только лишь внутренним особенностям почвы в купе с солнечной экспозицией, относится к современным предрассудкам <...> центральным фактором качества вина выступает всё-же на земля, а человек) [17].

Франция не является единственной страной в мире, где реализуются концепты «терруарная кухня» и «региональные блюда», тем не менее, эта страна стремится к защите собственных локальных кулинарных идентичностей, используя систему под названием «*appellation d'origine contrôlée*» (зарегистрированное место наименования происхождения) не только, когда речь идёт о вине, но и большинстве наименований кулинарных продуктов местного производства [13]. Данная структура управляется Национальным институтом происхождения и качества (*Institut nationale de l'origine et de la qualité*). Данный «знак качества», интегрированный в европейскую систему

защиты прав производителя и потребителя, отвечает за идентификацию продукта с точки зрения аутентичности его географического «исходника» и соответствующих этому качеству характеристик производства. Сам термин «**appellation d'origine contrôlée**» стал лингвокультурным или филологическим феноменом и часто не переводится на другие языки, а транслитерируется, например, с использованием кириллицы в виде укороченной языковой формы (**апелласьон**) или полной гибридной формы (**апелласьон контроля по происхождению**).

Во французском языке и культуре с недавнего времени существует ещё один

термин «**patrimoine rural**» (букв. 'сельское достояние'), который соотносится с вышеприведенными лексемами региональных «сокровищ», обозначающих не только кулинарные уникальные понятия, а также и монументы, пейзажи, компетенции, технологии [18]. Всё это говорит о том, насколько плотно региональные кулинарные шедевры включены в объекты национальной идентичности и исторического семиотического кода Франции. Рассмотрим рецептурную и терминологическую стороны кулинарного дискурса, ставших настоящими эмблемами французских регионов [14; 6].

1. La sauce Nantua (Соус Нантуа = неотъемлемая часть лионской гастрономии).

La sauce Nantua de Nolo Frères est une béchamel au lait frais entier bio allongée avec du beurre et de la chair d'écrevisses relevée d'une pointe de piment de Cayenne. Les écrevisses utilisées sont de la variété à pattes rouges (Astacus astacus) , cuites dans un court-bouillon et décortiquées. Les coffres et les pincés sont broyés avant d'être mélangés à du beurre dans une proportion de 50/50. Ainsi est obtenu le beurre d'écrevisses qui donne sa couleur et cette saveur incomparable à cette sauce (et en aucun cas la tomate).	Соус Нантуа Ноло Фрэр относится к соусам бешамель из цельного свежего био молока, сдобренного маслом и тушками раков, приправленного кончиком Кайенского перца (сильно выраженный жгучий вкус). Используемые для блюда раки, относятся к разновидности ракообразных (<i>Широкопалый речной рак</i>) с красными лапками, сваренные в коротком бульоне и очищенные. Панцири и саклешни размельчаются, а затем смешиваются с маслом в пропорции 50/50. Таким образом, получается раковое масло, которое придаёт неповторимый цвет и вкус этому соусу (ни в коем случае не использовать помидоры для этой цели).
Fabrication de la sauce Nantua: Jeter 12 écrevisses dans de l'eau en ébullition, puis laisser cuire 5 minutes. Les retirer, les décortiquer et réserver la chair. Piler les carapaces et les têtes au mortier et les mettre dans une casserole avec 100 g de beurre. Lorsque le beurre se clarifie (devient moussieux) , mouiller d'un verre d'eau . Laisser bouillir 2 minutes puis passer dans un linge pour en extraire le liquide . Le laisser refroidir et le mettre au réfrigérateur pour qu'il durcisse: le beurre surnage alors sur un liquide . Faire fondre 40 g de beurre dans une casserole, y verser 40 g de farine en remuant pendant 2	Приготовление соуса Нантуа: Поместить 12 раков в кипящую воду и варить 5 минут. Достать из воды, очистить и сохранить мякоть. Размельчить панцирь и головы в ступке и поместить их в кастрюлю с 100 граммами масла. Когда масло начнёт осветляться (пениться), добавить 1 стакан воды. Дать покипеть 2 минуты, затем поместить в полотенце, чтобы убрать жидкость. Дать остыть и поместить в холодильник для затвердевания: масло плавает на поверхности жидкости. Расплавить 40 граммов масла в кастрюле, насыпать туда 40 граммов муки, помешивая в течение 2

minutes, puis verser 50 cl de lait et le liquide du beurre d'écrevisses. Porter à ébullition en fouettant , assaisonner, ajouter 10 cl de crème fraîche épaisse et laisser réduire d'un tiers . Ajouter encore 10 cl de crème , laisser bouillonner 2 minutes puis incorporer le beurre d'écrevisses en noisettes , en fouettant au coin du feu . Recouvrir les quenelles de cette sauce et mettre au four à 200° (th.7) pendant 15 minutes. Servir aussitôt avec un riz créole légèrement parfumé en décorant le plat avec les queues d'écrevisses.	минут, затем добавить 50 сантিলитров молока и жидкость ракового масла. Довести до кипения, взбивая, приправить, добавить 10 сантिलитров сметаны и дать увариться на треть. Добавить ещё 10 сантилитров сливок, дать прокипеть 2 минуты, затем инкорпорировать раковое масло в шариках, взбивая возле огня. Покрыть полученным соусом кнели (фрикадельки) и поместить в печь 200 гр. на 15 минут. Подавать сразу же со слегка приправленным креольским рисом, украсив блюдо хвостиками раков.
---	--

2. Le poulet basquaise (курица по-баскски).

C'est un plat qui sent bon l'été et les vacances. Normalement on le réalise avec des piments doux, spécialité du pays basque , mais hors cette région, je ne suis pas sûre que vous en trouviez facilement.	Это блюдо имеет запах лета и каникул. Обычно его готовят со сладкими перцами, выращиваемыми в стране Басков, есть сомнения, что можно найти подобный продукт в другом месте земного шара.
Etape 1 Hacher l'oignon et l'ail. Couper les tomates en morceaux et détailler les poivrons en lanières . Etape 2 Faire chauffer 4 cuillères à soupe d'huile dans une cocotte . Y faire dorer les oignons, l'ail et les poivrons . Laisser cuire 5 min. Etape 3 Ajouter les tomates à la cocotte , saler, poivrer. Couvrir et laisser mijoter 20 min. Etape 4 Dans une sauteuse , faire dorer dans l'huile d'olive les morceaux de poulet salés et poivrés. Etape 5 Lorsqu'ils sont dorés, les ajouter aux légumes, couvrir, ajouter le bouquet garni (tubulure de poireau, des tiges de persil, 1 feuille de laurier, 1 branche de thym, des feuilles de céleri et de la ficelle alimentaire) et le vin blanc et c'est parti pour 35 min de cuisson.	Этап 1 Измельчить лук и чеснок. Разрезать помидоры кусочками и перцы ленточками. Этап 2 Разогреть 4 столовые ложки растительного масла в чугунной кастрюле. Там же поджолотить лук, чеснок и перцы. Готовить 5 минут. Этап 3 Поместить помидоры в кастрюлю, подсолить, поперчить. Накрыть и томить 20 минут на медленном огне. Этап 4 В сотейнике поджолотить на оливковом масле кусочки посоленной и поперченной курицы. Этап 5 Когда кусочки курицы подрумянились, добавить к ним овощи, сбор трав (букет гарни = трубочку лука-порея, веточки петрушки, один лавровый лист, веточку тимьяна, листья сельдерея и пищевую нить) и белое вино и можно начинать 35 минут готовки.

3. Le camembert (камамбер = Нормандия).

L'élégance de son goût , c'est d'abord la qualité du lait utilisé pour sa fabrication. Les vaches de race normande élevées dans des prairies où	Элегантность его вкуса состоит, прежде всего, в том, что для изготовления используется специальное нормандское молоко. Коровы
---	---

elles pâturent plusieurs mois de l'herbe fraîche, apportent une qualité particulière au lait. Moulé à la louche, le Camembert au lait cru est ensuite placé durant deux semaines en hâloir. Il n'est emballé qu'au 13e jour, lorsque sa croûte présente ce bel aspect fleuri. Pour la Crèmerie Royale, 35 jours minimum d'affinage sont nécessaires afin qu'il soit fait à cœur et délivre pleinement ses arômes. Créé à l'époque de la révolution française dans le village de Camembert, il est le fruit de la rencontre d'une fermière et d'un prêtre fuyant Paris et la Terreur. Ce prêtre transmet son savoir-faire lié à la fabrication d'un autre très grand fromage le Brie. De cette rencontre naquit le Camembert, le fromage emblématique de la France et de ses spécialités culinaires. Sa fameuse boîte ronde en bois sera inventée plus tard, vers 1880, afin de faciliter son transport en train vers Paris notamment.	нормандской породы вскармливаются на лугах несколько месяцев, где питаются свежайшей травой, что и придаёт будущему сыру неповторимый вкус. Хорошо сложенный Камамбер из сырого молока, затем помещается на 2 недели в сушильню. Сыр упаковывают только на тринадцатый день, когда корочка представляет собой красивый цветущий вид. Минимум 35 дней необходимы для кондиции (букв. 'доведённый до сердцевины' = слегка текучий) и полной отдачи своих ароматов. Этот сыр был создан во времена Великой Французской революции в селении под названием Камамбер. Это плод встречи фермерши и священника, бежавшего из Парижа от Террора. Этот священник передал фермерше секрет приготовления другого великого сыра – Бри. Так и родился Камамбер, сыр – эмблема Франции и её кулинарных специалитетов. Знаменитая круглая деревянная упаковка была придумана позже в 1880 году для доставки сыра на поезде в Париж.
---	--

4. **La tomme de Savoie** (савойский сыр = регион Савойя, юго-восточная область французских Альп).

Tomme de Savoie est l'appellation d'origine d'un fromage produit en France dans la région alpine de Savoie.	Савойский Том – контролируемое наименование сыра, производимого во Франции в регионе альпийской Савойи.
La tomme de Savoie est un fromage à pâte pressée non cuite, d'un poids moyen de 1,6 kg. L' emprésurage s'effectue entre 30 et 35 °C à partir d'une présure issue de la caillette du veau puis, après brassage, la tomme est moulée puis salée. La croûte, toujours grise, est couverte de moisissures jaunes ou rouges et elle est parfois percée de trous, au même titre que la pâte.	Речь идёт о массивном сыре, который не варится предварительно, весом около полутора килограммов. Сычужная закваска осуществляется при температуре 30-35 градусов, на базе сычужного фермента, выделяемого из коровьего сычуга. После смешивания том помещается в формы и солится. Корочка всегда серого цвета покрыта жёлтой или красной плесенью, иногда – делаются отверстия, также как и в исходном молочном продукте.

Sa période de consommation optimale s'étale de juin à octobre après un affinage de 10 semaines, en caves avec des soins de frottage et retournement pour que la croûte fleurie se développe. Mais elle est aussi excellente de mars à décembre. Sa pâte, blanche à jaune pâle, est collante et dégage une odeur de cave ou de mois. Elle fond dans la bouche, et développe un goût de noisette. Les tommes fabriquées avec du lait issu de bêtes pâturant l'été sont plus parfumées.	Оптимальное употребление этого сыра простирается от июня до октября (также великолепен сыр с марта по декабрь), после десяти недельного созревания в подвальном помещении с обязательны заботливым протираанием и переворачиванием для корректного образования цветущей корочки. Его пульпа белого цвета с бледной желтизной приятно прилипает к нёбу и имеет ненадоедливый запах погреба и плесени. Том тает во рту и развивает ореховый вкус. Сыра, сделанные из молока животных, пасущихся на склонах Альп летом, имеют более душистые характеристики.
---	--

Отметим, что все вышеприведённые рецепты и описания содержат:

1. Специальную терминологию регионов происхождения продукта (*Astacus astacus; linge; piment doux basquais; vache de race normande; Camembert; tomme de Savoie*). Дискурсные фрагменты включают в себя не только вкусовые и цветовые номинанты (*relever; couleur; saveur; moussoux; épaisse; saler; poivrer; arômes; gout de noisette*), но и дескрипции эстетики потребления (*sentir bon l'été et les vacances; élégance de son goût; bel aspect fleuri*). Иными словами, очень важное место занимает не только сам факт приготовления блюда, но и эстетический аспект действия и восприятия.

2. Манифестируется предельное внимание к ингредиентам и трепетное отношение к исходным местным продуктам (*consommation optimale de juin a octobre; soins de frottage; retournement; excellente de mars à décembre; lait issu de*

bêtes pâturant l'été sont plus parfumées; fromage emblématique; fruit de la rencontre d'une fermière ...; tubulure de poireau; tiges de persil; bouquet garni).

3. Точные указания на назначение и качество кухонной утвари (*sauteuse; ficelle alimentaire; boite ronde en bois; cocotte; hâloir; mortier*).

4. Использование терминов разговорной стилистики, а также терминов для описания человеческих качеств (*je ne suis pas sûre que vous en trouviez facilement moulée à la louche; c'est parti pour ...*).

Отметим ещё одно распространённое явление в номинативной системе французского языка в области гастрономии. Речь идёт о регионализмах, обозначающих одни и те же кулинарные объекты при помощи разных номинантов. Нижеследующая таблица отражает сегменты оригинальных наименований продуктов питания в зависимости от географического региона Франции:

Регион	Номинант	Регион	Номинант
Париж, север Франции	Pain au chocolat	Юго-запад Франции, Тулуза	Chocolatine
Париж	Baguette	Юг Франции	Flûte
Тулуза	Cassoulet	Юг, граница с Испанией	Moungétade
Тулуза	Saucisse de Toulouse	Лиль	Fricadelle
Юг Франции	Soupe au chou	Овернь (центр)	Potée Auvergnate

		Франции, горный район)	
Западное побережье Франции	Bar (синеротый окунь)	Лазурный берег Франции	Loup (зубатка)

Это лишь небольшой перечень региональных номинантов, «конкурирующих» с общепринятыми названиями. Глагол «конкурировать» взят в кавычки, но на самом деле в том, что касается некоторых номинантов, речь идёт о реальной лингвистической конкуренции. Так, во всей Франции до сих пор ведутся споры о том, как называть знаменитый «хлеб в шоколаде»: **pain au chocolat** или **chocolatine**. Юго-запад Франции называет эту замечательную деликатесную выпечку «шоколатин», тогда как вся остальная республика – «пэношокола». Доходит до того, что представители региональной общественности пишут президентам запросы о внесении местного названия в общепользовательские словари.

Как видим региональные названия, отражающие локальную специфику гастрономии, продолжают оставаться на острие жизненно важных интересов французов. Рецептурный гастрономический дискурс и кулинарная терминология обладают специфическим арсеналом не только лингвокультурных средств, но и характерной прагматикой коммуникативных построений.

Таким образом, этнокультурность французской кухни и гастрономической коммуникации отличается рядом специфических черт, которые могут быть выявлены на всех уровнях лингвокультурного функционирования. Языковой материал для исследования может быть категоризирован в рамках эволюции трёх составляющих: региональная, буржуазная, высокая кухни. Провинциальная кухня Франции выполняет креативную функцию общенациональной гастрономии. Рецептурная и терминологическая составляющая выступает неотъемлемой

частью национального достояния французской гастрономии. Кулинарные регионализмы представляют собой бесценный материал для исследования этнокультурной составляющей гастрономического дискурса Франции.

В плане постановки исследовательских задач целесообразно наметить перспективы дальнейшего изучения этноконнотационного потенциала кулинарного дискурса и терминологии. Предлагается детально рассмотреть корреляции между высокой кухней и высокой модой. В рамках кросскультурного анализа языкового гастрономического материала представляется конструктивным выявление доминантных признаков коммуникативного поведения представителей различных лингвокультур.

Список литературы

- Барт, Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 314 с.
- Земскова, А.Ю. Специфика глоттонического (гастрономического) дискурса [Электронный ресурс] // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: материалы Пятой всерос. электрон. науч.-практ. конф., Самара, янв.-дек. 2007 г. / Самар. гос. акад. культуры и искусств. Самара, 2008. С. 191-194. URL: http://www.acis.vis.ru/8/1/1_7/zemskova.htm (дата обращения 03.01.2019).
- Захаров, С.В. Лингвосомиотика англосаксонской институциональной глоттонии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2008. 20 с.
- Олянич, А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиот. характеристики // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. / РАН, Ин-т языкознания. М., 2003. С. 167-201.

Пастуро, М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. М.: Мол. гвардия: Классик, 2001. 239 с.

Рестораны всего мира [Электронный ресурс] // All-Restoran.RU = Все рестораны: сайт о ресторанах, кафе и барах. Секреты приготовления блюд и рецепты. М., 2007-2009. URL: <http://all-restoran.ru/world> (дата обращения 17.11.2018).

Похлёбкин, В.В. Кулинарный словарь. М.: Центрполиграф, 2002. 503 с. (Классики кулинарного искусства).

Похлёбкин, В.В. Занимательная кулинария: советы и рекомендации всемирно известного кулинара. М.: Центрполиграф, 2003. 236 с.

Похлёбкин, В.В. Национальные кухни наших народов. М.: Центрполиграф, 2004. 329 с.

Седых А.П., Феоктистова Е.Е. Ключевые национальные концепты во французской лингвокультуре // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 55-61.

Седых А.П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В.В. Путина и А. Меркель) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» - Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). – С.57-68.

Седых А.П. Глюттонимия и национальный характер русских и британцев: моногр. / А.П. Седых, А.М. Амагов, Л.Р. Ермакова. Белгород: ИД «Белгород», 2013. 232 с.

Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: Академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128 с.

Alliot D. Larlèpém-vous Louchébem? L'argot des bouchers. P.: Éditions Horay, 2009.

Ducasse A. Grand Livre de Cuisine d'Alain Ducasse: Best Of. P.: Éditions Alain Ducasse, 2010.

Escoffier Georges Auguste Souvenirs culinaires. P.: Mercure de France, coll. «Le Temps retrouvé», 2011. 256 p.

Revel J-F. Un festin en paroles: Histoire littéraire de la sensibilité gastronomique de

l'Antiquité à nos jours Broché. P.: Tallandier, 2007. 336 p.

SuperCook: кулинария, кухни народов мира и множество разных полезных сведений [Электронный ресурс]: рос. электрон. журн. / гл. ред. М. Г. Румянцев. М., 2010. Режим доступа: <http://supercook.ru> (дата обращения 15.10.2018).

Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin / New-York: Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.

References

Bart, R. (2000). Mifologii [Mythology], Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 314 p. [in Russian].

Zemskova, A. Ju. (2008). Spetsifika glyuttonicheskogo (gastronomicheskogo) diskursa [Specificity of gluttonic (gastronomic) discourse], Vuz kul'tury i iskusstv v obrazovatel'noi sisteme regiona: materialy Pyatoy vseros. elektron. nauch.-prakt. konf., Samara, janv.-dek. 2007 g. / Samar. gos. akad. kul'tury i iskusstv. Samara, pp. 191-194, available at: http://www.acis.vis.ru/8/1/1_7/zemskova.htm (Accessed 3 January 2019) [in Russian].

Zakharov, S. V. (2008). Lingvosemiotika anglosaksonskoy institutsional'noy glyuttonii [Lingvosemiotics of Anglo-Saxon Institutional Gluttonia]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Volgogr. gos. un-t. Volgograd. [in Russian].

Olyanich, A. V. (2003). Gastronomicheskiy diskurs v sisteme massovoy kommunikatsii: semantiko-semiot. kharakteristiki [Gastronomic discourse in the system of mass communication: semantic-semiot. specifications]. Massovaya kul'tura na rubezhe XX-XXI vekov: chelovek i ego diskurs: sb. nauch. tr. RAN, In-t yazykoznaniya. Moscow, pp. 167-201. [in Russian].

Pasturo, M. (2001). Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola [The daily life of France and England in the time of the Knights of the Round Table]. Moscow, Mol. gvardiya: Klassik, Russia. [in Russian].

Restorany vsego mira [Restaurants around the world] // All-Restoran.RU = Vse restorany: sait o restoranah, kafe i barah. Sekrety prigotovleniya blyud i retsepty. M., 2007-2009,

available at: <http://all-restoran.ru/world>
(Accessed 17 November 2018). [in Russian].

Pokhlyobkin, V. V. (2002). Kulinary slovar' [Culinary Dictionary], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia. [in Russian].

Pokhlyobkin, V. V. (2003). Zanimatel'naya kulinariya: sovety i rekomendatsii vsemir. izvest. kulinara [Interesting cooking: tips and tricks of the world famous cook], Moscow, Tsentrpoligraf, Russia. [in Russian].

Pokhlyobkin, V. V. (2004). Natsional'nye kukhni nashih narodov [National cuisines of our peoples], Moscow, Tsentrpoligraf, Russia. [in Russian].

Sedykh, A. P. and Feoktistova E. E. (2010). Klyuchevye natsional'nye kontsepty vo frantsuzskoi lingvokul'ture [Key national concepts in French linguoculture]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Vol. 1, Irkutsk, pp. 55-61. [in Russian].

Sedykh, A. P. (2012). Ideologicheskie elementy frazeologii politicheskogo rukovoditelya (na materiale diskursa V.V. Putina i A. Merkel') [The ideological elements of the phraseology of the political leader (based on the discourse of V.V. Putin and A. Merkel)]. Politicheskaya lingvistika, GOU VPO Ural. gos. ped. un-t., Vol. 1(39), Yekaterinburg, pp. 57-68, Russia. [in Russian].

Sedykh, A. P. (2013). Glyuttonimiya i natsional'ny kharakter russkih i britantsev [Gluttonymia and the national character of the Russians and the British]: monogr, A.P. Sedykh, A.M. Amatov, L.R. Ermakova. Belgorod: ID «Belgorod», Russia. [in Russian].

Sedykh, A. P., Buzinova L. M. (2019). Frantsuzskaya yazykovaya lichnost': Akademicheskii i khromaticheskii diskurs [French language identity: Academic and Chromatic Discourse], Moscow, LENAND, 128 p. [in Russian].

Alliot, D. (2009). Larlépém-vous Louchébem? L'argot des bouchers. Paris, Éditions Horay, France. [in French].

Ducasse, A. (2010). Grand Livre de Cuisine d'Alain Ducasse: Best Of. Paris, Éditions Alain Ducasse. [in French].

Escoffier, G. (2011). Auguste Souvenirs culinaires. Paris, Mercure de France, coll. «Le Temps retrouvé», France. [in French].

Revel, J-F. (2007). Un festin en paroles: Histoire littéraire de la sensibilité gastronomique de l'Antiquité à nos jours Broché, Tallandier, Paris, France. [in French].

SuperCook: kulinariya, kuhni narodov mira i mnozhestvo raznyh poleznykh svedenij [cooking, cuisines of the world and a lot of different useful information]: ros. ehlektron. zhurn. Ed. M. G. Rumyancev. Moscow, 2010. Available at: <http://supercook.ru> (Accessed 15 October 2018). [in Russian].

Wierzbicka, A. (1991). Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter, USA. [in English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Прюво Жан, доктор филологических наук, профессор

Pruvost Jean, Doctor of Philology, Professor

Бузинова Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент

Lyudmila M. Buzinova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Седых Наталья Викторовна, ассистент

Natalia V. Sedykh, Assistant Lecturer

УДК 81.42

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-4

Лю Фанбин

Лингвокультурная коннотация чёрного цвета
в китайском и русском языках

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», пр. Ленина, д. 76, г. Челябинск 454091, Россия

E-mail: info@susu.ru

ORCID: 0000-0002-9050-5605

*Статья поступила 15 января 2019 г.; Принята 12 февраля 2019 г.;
Опубликована 31 марта 2019 г.*

Аннотация. В условиях глобализации связь между каждой нацией, каждой культурой становится более тесной. Обмен и сотрудничество между странами становятся более широкими. Это в свою очередь предопределяет необходимость более глубокого познания взаимосвязей и взаимодействий представителей разных культур, имеющих зачастую абсолютно разные взгляды, черты характера и ментальность, которые в конечном итоге формируют национальные языки и речь. Цвет имеет огромное значение в нашей жизни. Человек живет в цветовом мире, но взаимоотношения человека с цветом – это одна из самых больших загадок. В цветообозначениях могут быть закодированы самые глубокие и сложные когнитивные процессы. Развитие межкультурных контактов, в частности – между представителями русской и китайской культур, является одним из приоритетных направлений двусторонних взаимоотношений между Россией и Китаем, а их результатом – полное и точное понимание полученной в процессе общения информации, что определяет взаимовыгодное и успешное развитие межкультурных связей в долгосрочной перспективе. В данной статье представлены результаты исследования лингвокультурной коннотации черного цвета в китайском и русском языках, определены основные сходства и различия прямых, символических и метафорических значений слов в языковой картине каждого языка, проведено ранжирование лексем с корнями **чёрн-** в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (хэй) в китайском языке по отрицательному и положительному признаку.

Ключевые слова: лингвокультурная коннотация; дискурсивное значение; русский язык; китайский язык; черный цвет

Для цитирования: Фанбин Л. Лингвокультурная коннотация чёрного цвета в китайском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 40-51. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-4

Liu Fangbing

Linguocultural connotation of the black color in Chinese and Russian languages

Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Education “South Ural State University (National Research University)”, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454091, Russia.

E-mail: info@susu.ru

ORCID: 0000-0002-9050-5605

Received 15 January 2019; Accepted 12 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract. In the context of globalization, the connection between each nation, each culture is becoming closer. The exchange and cooperation between each state is becoming wider. This, in turn, predetermines the need for a deeper knowledge of the relationships and interactions of representatives of different cultures, who often have completely different views, character traits, mentality, etc., which ultimately shape the speech and language of each culture. Color is of great importance in our lives. A person lives in a color world, and color is closely related to each of us, but the relationship between a person and color is one of the biggest mysteries. With the help of color terms, the deepest and most complex human thinking and various aspects of life can be shown. The development of intercultural communications, in particular between representatives of the Russian and Chinese cultures, is one of the priority areas of bilateral cooperation, and its result is an accurate understanding and transmission of the information received. In turn, this determines the mutually beneficial and successful development of bilateral relations in the long term. This article presents the results of a study of linguocultural connotations of black in Chinese and Russian, identifies the main similarities and differences of direct, symbolic and metaphorical meanings of words in the language pattern of the world of each language, ranks lexemes with root chyorn- (black) in Russian and lexemes expressed with hieroglyph 黑 (Hey) in Chinese by negative and positive traits.

Keywords: linguocultural connotation; discursive meaning; Russian; Chinese; black

How to cite: Fangbing, L. (2019). Linguocultural connotation of the black color in Chinese and Russian languages. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 40-51. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-4

Введение

Лингвокультурная коннотация определяет дискурсивное значение лексем с архисемой "чёрный" то есть слов с корнями **чёрн-** в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке. Архисема таких слов в обоих языках одинаковая и несет значение цвета *сажи* и *угля* (Ожегов, 1988). *Чёрный*, как и белый, по сути, цветом не является, он ахроматичен, то есть лишен цвета. Такая точка зрения рождается из данных научного

эксперимента, с помощью которого И. Ньютон разложил солнечный свет на основные цвета радуги, определив белый цвет как совокупность всех цветов, а *чёрный* цвет как противоположный белому. Однако, именно как противоположность белому человечество воспринимало *чёрный* ещё задолго до открытия И. Ньютона (Пастуро, 2017: 8).

Изначальная оценка *чёрного* во многих культурах была парадоксальной, поскольку с одной стороны его считали цветом печали и траура, мрака и

зловещей бездны, колдовским и загадочным, но с другой стороны — цветом плодородия, богатства. Черный цвет считался также деловым, практичным и элегантным (Пастуро, 2017: 25).

Согласно китайской философии, нашим миром движет жизненная энергия, которая может принимать различные формы, правильней будет сказать «5 движущих сил» или «5 стихий»: *металл, дерево, вода, огонь, земля* (Чжуншу, 1990: 56). Согласно данному учению считается, что *чёрный* 黑 символизирует север, поэтому в Китае его связывают с чем-то сокровенным и таинственным. Поэтому в китайской культуре *чёрный* 黑 цвет имеет не только отрицательное значение, но и положительное. Так, например, лексемы, обозначенные иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке, с одной стороны, актуализируются в значениях *почётность* и *суровость*, а с другой — *скупость*, *жадность* и *зло* (Лю, 1985: 1-7). Тем самым *чёрный* цвет в китайской культуре имеет двойственную смысловую направленность.

При актуализации положительных или отрицательных коннотативных значений дискурсивные значения слов с

корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке, формируются развитием метафорических и символических значений, которые зачастую характеризуются приращением нецветовых значений.

В христианской символике цвета устанавливается основная оппозиция *чёрного* и *белого* цветов. Белый воспринимается как добро или цвет Христа, а *чёрный*, в свою очередь, воспринимается как зло и является цветом тьмы. В христианской культуре также, как и во многих религиях говорится о том, что мир изначально был создан из тьмы (Zuffi, 2012: 136). В Библии свет веры и христианства часто противопоставлялся *тьме, невежеству* (Демаков, 2016: 112). Ахроматическое поле цвета, изменяющееся от *белого* (свет), и, по мере уменьшения освещенности, до *чёрного* (тьма), способствовало формированию лексем с отрицательной лингвокультурной коннотацией:

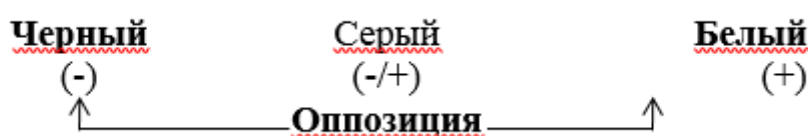
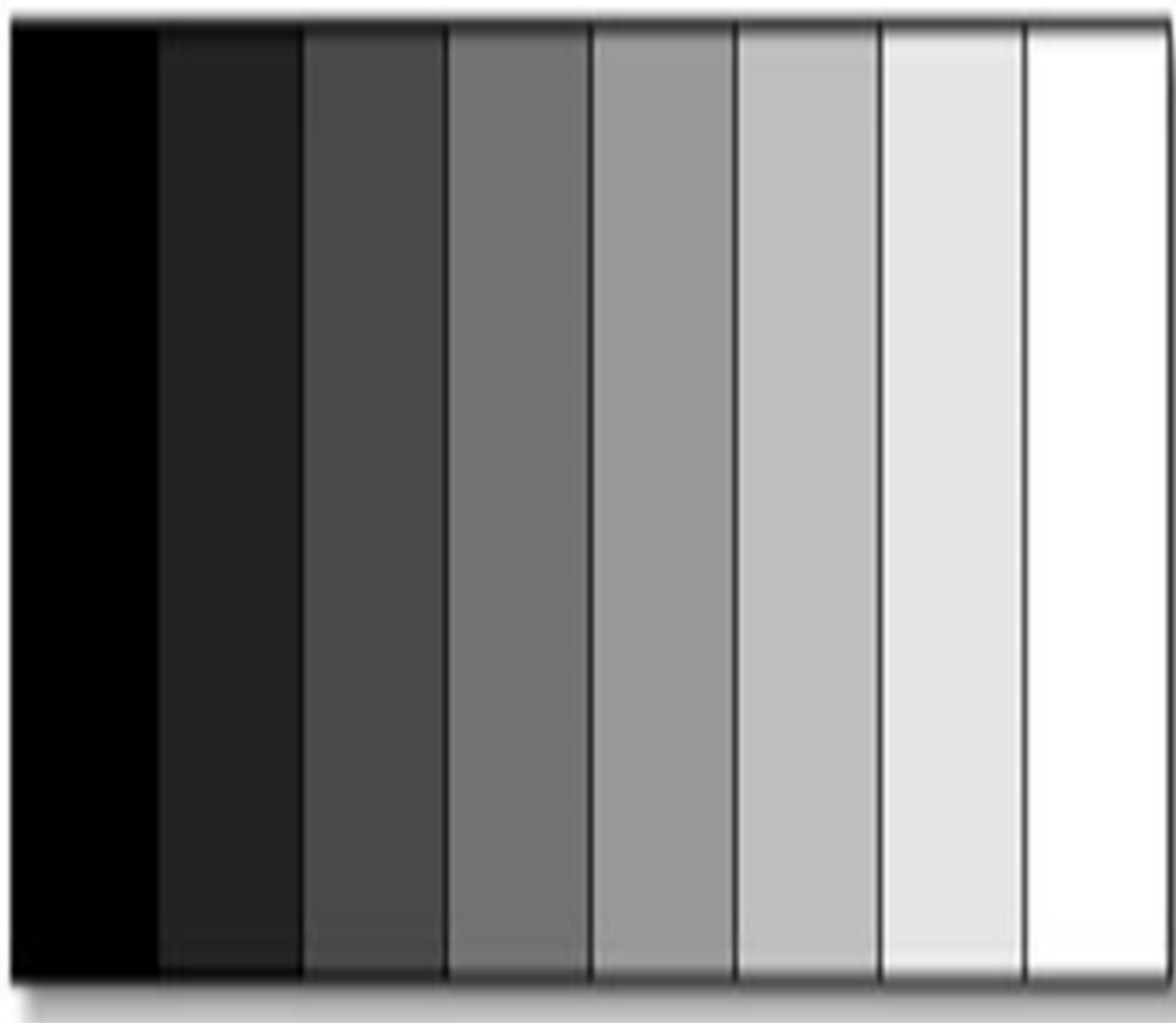

Рис. 1 – Ахроматическое поле цвета
Pic. 1 – Achromatic color field

Близкие к нейтральным прямые дискурсивные значения лексем с архисемой "чёрный" — слов с корнями *чёрн-* в русском языке и обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке, ассоциируются, как было отмечено ранее, с цветом *сажи* и *угля* [Ожегов, 1988]. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

чёрный, как уголь, чёрный, как сажа

—

в часто встречающихся сочетаниях со словами *вечер, туча, лицо, кожа и волосы*. Так, например, в произведениях великих русских писателей А.С. Пушкина и А.Н. Толстого довольно-таки широко используется лексико-семантический потенциал слов с корнями *чёрн-*:

- «Волосы его, недавно **чёрные**, как смоль, совершенно поседели» (Пушкин, 2014: 219);

- «Не понравился мне, помню, один: взъерошенный весь, (...) старик, **чёрный** лицом, как земля, глядит дико» (Толстой, 1927).

С другой стороны, **чёрный** цвет наводит людей на мысль о *грязи*, что было использовано М. Горьким в пьесе «Мещане»:

- «Он — с работы. Лицо у него **чёрное**, закопчённое дымом...» (Горький, 1975). Здесь **чёрное** лицо — это грязное лицо. В выражении актуализировано прямое значение прилагательного **чёрный**. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

чёрная печь (баня, изба) — конструктивно не предусматривает наличие дымохода, поэтому легко загрязняется дымом.

По преимуществу нецветового характера **чёрный** актуализируется в значении *низший*:

чёрная работа — как правило грязная, тяжёлая физическая работа, к которой не предъявляются особые навыки и знания. Такую работу (*чёрную*) обычно выполняли прислуги. В дореволюционной России, низшие слои населения назывались **чёрными**.

Лексемы с корнями **чёрн-** в русском языке и обозначенные иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке актуализируются прежде всего в значении «*тёмный*»:

- «Костёр был потушен, и лес не казался таким **чёрным**, как прежде...» (Толстой, 1964).

Выражение *чёрный лес* употребляется здесь в значении *тёмный*. Связано это с тем, что в "*чёрных*" лесах растут исключительно одни дубы, причем очень высокие. А весной появившиеся листья настолько плотно закрывают небо, что ни один лучик не проходит сквозь них, скрывая лес и делая его темным. Аналогичным образом данная лексема раскрывается и в китайском языке:

- 昏天黑地 (*хунт иен хэй ди*) дословно — беспросветное небо, черная земля или беспросветный мрак (辞源, 1915);

- 月黑风高 (*юэ хэй фон гао*) дословно — черная ночь с сильным ветром, штормовая погода (об опасной обстановке или ситуации) (辞海, 1936-2009).

Отрицательная лингвокультурная коннотация

Переносные дискурсивные метафорические и символические значения лексем с корнем **чёрн-** в русском языке и лексемы, обозначенной иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке, актуализируются в выражениях со словами *печаль*, *грусть*, *горе*, и часто ассоциируются со смертью. В китайской лингвокультуре истоки формирования отношения людей к **чёрному** цвету восходят к буддизму — официальной государственной религии Китая. Буддизм занимал особое место во время правления династии Тан 唐朝 которая определила **чёрный** 黑 цвет — как символ зла (刘钧杰, 1958: 1-7). Данная лексема актуализируется в выражениях со словами *опустошение*, *печаль* и *несчастье* (Конзе, 2003):

чёрные мысли — грустные, негативные мысли;

чёрная судьба — горькая, несчастная судьба;

背黑锅 (*бэй хэй гоу*) дословно — нести на спине **чёрный** котёл (отдуваться за чужую вину или нести ответственность за чужие проступки) (新华字典, 2004);

чёрное время — тяжёлое время, связанное с трудностями и невзгодами;

чёрные страницы истории — тяжёлое время, видеть только **чёрные** стороны жизни;

в чёрном расположении духа — о сильно расстроенном человеке;

чёрный день — трудный день.

В художественной литературе широко используется лексико-семантический потенциал слов с корнями *чёрн-*, определяющих отрицательную лингвокультурную коннотацию. Например, А. Блок изображает внутренний мир человека, используя слово *чёрный*:

- *На дне твоей души, безрадостной и чёрной, Безверие и грусть...* (Блок, 1914).

Аналогичным образом и в китайском языке прилагательное *чёрный* 黑 актуализируется в значениях: *злой, корыстный, алчный*, что возможно проследить в наиболее часто употребляемом фразеологизме:

黑心肠 (хэй син чжан) дословно — чёрное сердце (алчная, корыстная душа).

С отрицательной коннотацией *злостный* и *коварный* прилагательное *чёрный* актуализируется в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского:

- «Настасья Филипповна будто бы в высшей степени знает, что Ганя женится только на деньгах, что у Гани душа *чёрная, алчная...*» (Достоевский, 1988). Говоря о *чёрной* душе, подразумевают человека алчного, криводушного. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

чёрный год — неблагоприятный год;

чёрное слово — бранное слово;

чёрная зависть — осознанно желаешь человеку чего-то плохого (часто, не только желаешь, но и делаешь ему зло — из зависти);

чёрная неблагодарность — причинение в разных формах зла, отсутствие признательного «спасибо».

Отрицательную коннотацию лексем, раскрываемых в значениях *горе, траур* прилагательное *чёрный* актуализирует в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохова:

- «Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой *чёрное* небо и ослепительно

сияющий чёрный диск солнца» (Шолохов, 2007: 768).

Так описывается картина, в которой Герой романа Григорий Мелехов, потеряв Аксинью навсегда, в горе сидит над свежей могилой. *Чёрный* здесь не столько цвет, а сколько символ горя и смерти. Не случайно во многих культурах, в том числе и в русской, *чёрный* цвет — это цвет траура, и цвет скорби по ушедшим.

Переносные дискурсивные значения лексем с корнем *чёрн-* в русском языке ассоциируются с мифическими героями, например, *чёртом, колдуном* и *бабой-ягой* [Костомаров, 1988]. В древности на Руси суеверно полагали, что *чёрт, колдун* и *баба-яга* могут превращаться в *чёрную кошку* (Забылин, 2013). Издавна известно, что не следует отправляться в дальнюю дорогу, если вам на пути встретилась черная кошка. А.С. Пушкин по дороге к собранию декабристов, увидев *чёрную кошку*, вернулся обратно, что и спасло ему жизнь, т.к. остальных представителей данного собрания арестовали на месте, а некоторых казнили. Согласно старинным народным приметам, *чёрная кошка*, пробежавшая между двумя людьми, вызывает между ними размолвку и ссору. По этому поводу в русском языке есть поговорка:

- *Вороних лошадей (сплошной чёрной масти) для жениха и невесты не запрягают — плохая примета* (Лаврентьева, 2006: 29).

Анализируя русские традиции, можно выделить, что представители русской культуры настороженно относятся к пятнице, выпадающей при этом на тринадцатое число. Такую пятницу русские называют *чёрной* (Костомаров, 1988). Связано это с тем, что в средние века у россиян в суеверных представлениях *чёрный* имел значение *колдовской, чародейский* и был связан с *нечистой силой* [Короткова, 2002]:

чёрная сила — нечистая сила;

чёрная книга — колдовская книга;

чёрная магия – волшебство, чародейство, нечистая сила

Однако в китайской лингвокультуре символика мистицизма не прослеживается. Тем не менее в процессе социального развития лексема, обозначенная иероглифом 黑 (хэй) символизировала такие негативные понятия и значения, как *нечестный* и *безобразный*. Например, в древнем Китае одной из пяти попыток было клеймение лица, которое оставалось до конца человеческой жизни:

抹黑 (мо хэй) — имеет смысл "мазать грязью" (клеймение лица).

Дискурсивное значение прилагательных *черный* в русском и китайском языках часто употребляется в значениях *незаконный* и *закрытый*:

чёрный рынок и 黑市 (хэй шы) — незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля;

黑钱 (хэй чжэн) — чёрные деньги, нажитые незаконным путем (взятка);

洗黑钱 (си хэй чжен) — отмывание чёрных денег;

чёрная биржа — неофициальная, спекулянтская биржа;

чёрные списки — тайно составленные списки неугодных властям лиц для расправы над ними;

чёрный нал — уход от налогов и неуплата налога;

чёрный воронок — машина, сопровождающая арестанта под конвоем (Ожегов, 1988; Осипов, 2003).

黑社会 (хэй шыа хуэй) — чёрное общество (общество, связанное с преступлениями и криминалом, общество бандитов).

黑话 (хэй хуа) — чёрная речь (язык для общения между преступниками)

黑户 (хэй ху) — чёрный гражданин (проживающий без регистрации)

с чёрного хода — действовать в обход законных путей.

Когда говорят о входе в помещение, то слово «чёрный» актуализируется в значениях *не главный*, *не парадный*:

- «Она встретила меня на кухне; я ведь почти всегда к ней хожу через **чёрный** вход...» (Достоевский, 1965);

- «Парадный подъезд был закрыт. Ленька поднялся по **чёрной** лестнице и позвонил...» (Пантелеев, 1970).

В словосочетании *чёрный строй* следует отметить коннотативное значение *контрреволюционный*, *крайне реакционный*. Во время культурной революции в Китае термин *чёрный* 黑 также символизировал *восстание*. В этот период времени появляется большое количество слов с иероглифом 黑:

黑五类 (хэй ву лэй) дословно — чёрная пятерка или пять черных категорий, дискредитировавших слои населения, к которым относились: помещики (地主), кулаки (富农), контрреволюционеры (反革命分子), преступники (坏分子), правые (右派分子), в том числе их сыновья и дочери. Они подвергались дискриминации во всех областях гражданских свобод, социального обеспечения, обучения и принятия на работу. После проведенных реформ Китай полностью отверг Культурную революцию, а символика *чёрной пятерки* 黑五类 больше не использовалась.

В китайском языке лексема *чёрный* 黑 актуализируется в значениях *плохое влияние* или *плохой*, и также может выступать в оппозиции к другому цвету. Лексико-семантический потенциал лексем, обозначенных иероглифом 黑 (хэй), широко используется в китайском народном творчестве, в частности в пословицах:

- 近朱者赤 (цзин джу джыа чшы) , 近墨者黑 (цзин мо джыа хэй) — ближе к "киновари" (красная краска) становится красным, ближе к туши становится *чёрным* (с кем поведёшься, от

того и наберёшься — от пчёлки медку, от жучка навозцу) (汉语大词典, 1993);

- 天下乌鸦一般黑 (тиен ся вуй и бэн хэй) дословно — все вороны в мире одинаково черны;

- 黑白不分 (хэй бай бу фэн)» — не отличать чёрного от белого (не может различать хороший и плохой);

- 颠倒黑白 (диен дао хэй бай) — называть белое чёрным или принимать белое за чёрное (передергивать факты) (中文大辭典, 1968).

В дореволюционной России голосование осуществлялось не при помощи бюллетеней, а при помощи чёрных и белых шаров (Оксман, 1979: 23), которые опускались в урну. Белый шар — это голос «за», а чёрный (иначе вороной) — это голос «против». Поэтому «чёрный шар» (вороной шар) — это избирательный шар, означающий голос «против»:

- «Я человек не серьёзный, как Вам известно, меня едва даже не забаллотировали в Союзе писателей, и Вы сами положили мне чёрный шар» (Чехов, 1898). Если все шары во время выборов оказывались чёрными, то в этом случае говорили «прокатить на вороных», что обозначало «провалить выборы». В современном русском языке:

кинуть чёрный шар — проголосовать против.

Перечисленные значения определили отрицательную лингвокультурную коннотацию лексем с корнями чёрн- в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (хэй) в китайском языке.

Положительная лингвокультурная коннотация

Прилагательное чёрный имеет не только отрицательные значения. Известно, что православные священнослужители делятся на два рода: белое духовенство и чёрное духовенство. Первым можно вступать в брак, при этом не требуется строго отстаивать

религиозные предписания, а вторым — чёрное духовенство, нельзя, так как они дают обет безбрачия на всю жизнь и обязательно чтут, и отстаивают религиозные предписания. В данном случае лексема с корнем чёрн- актуализируется в значении строгий.

Высокий статус чёрного в европейской культуре закрепляется также благодаря технологическому достижению — изобретению книгопечатания (McDermott, 2006). Чёрно-белая печать превратилась в своеобразный эстетический эталон и способствовала развитию явления, которое называлось чёрно-белое воображение. Связано это было с тем, что изображения передавались чёрным цветом либо его оттенками, а всё остальное оставлялось на воображение читателю.

В современном обществе с развитием науки и техники чёрный 黑 всё больше проникает во все отрасли экономики. Так, например, продукты современных технологий сосредотачиваются, как правило, исключительно на использовании чёрного: телевизоры, аудиосистемы, видео камеры, различного вида инструменты, в дизайне которых используется чёрный 黑. Дизайнеры при создании новой идеи, будь то одежда, или жилое помещение, активно используют чёрный цвет, так как он символизирует «благородство» и «торжество» (现代汉语词典, 2009).

Чёрный мундир и чёрный смокинг — одежда для особых случаев. Чёрный рояль символизируют высокий класс. Писателем и сценаристом Г.Ф. Шпаликовым в песне «Громко лаяли собаки...», написанной в 1958 г. рояль сопоставляется со словом элегантный:

- «Громко лаяли собаки в затуманенную даль... Я пришел к тебе во фраке, элегантный, как рояль...». Классический фрак по сегодняшний день остаётся традиционно чёрного цвета.

Ранее уже упоминалось о том, что в древнем Китае, люди определяли четыре стороны света в четырёх цветах, и *чёрный* 黑 цвет является символом севера, представителем воды, одним из пяти стихий. Аналогичным образом данная лексема раскрывается и в русском языке. Так, например, особое значение *чёрный* цвет имел у восточных славян и ассоциировался с севером. Чернигов (*Чёрная Русь*), располагался к северу от Киева — центра Киевской Руси и имел стратегически важное значение (Вернадский, 1943). В то время у *чёрного* цвета не было ни положительного, ни отрицательного значения.

С развитием китайской культуры и цивилизации *чёрный* 黑 цвет стал употребляется в значениях: *благородный*, *серьёзный* и *уважаемый*. Например, основатель династии Цинь 秦朝 (цин чжоу) считал, что вода играет важную роль в пяти стихиях, поэтому в эпоху циньской династии стремились носить одежду исключительно *чёрного* цвета, при этом носили её только представители высших сословий (Переломов, 1962). А вот во время династии Западная Хань весь год представители всех сословий носили исключительно *чёрную* одежду.

Также в китайском языке *чёрный* стал употребляться в значениях *лицеприятный* и *честный*. Например, в национальной традиционной культуре Китая — пекинской музыкальной драме, актёр с *чёрным* гримом играл героя — человека честного и лицеприятного. Например: Бао Чжэн, Гуань Юй, Чжан Фэй, Ли Куи (包拯, 关羽, 张飞, 李逵).

В русском языке ярким примером символического значения прилагательного *чёрный* является Георгиевская лента, сочетающая в себе *чёрный* и желтые (оранжевые) цвета. В

книге «Государственные символы России. Герб, флаг, гимн» отмечается:

- Сочетание *чёрного* и *жёлтого* (оранжевого) цветов стало, по сути, знаком для русской армии. Именно такой была лента ордена Святого Георгия. *Чёрный* и *золотой* цвета символизировали *порох* и *огонь*... (Пчелов, 2002: 126).

В России ношение Георгиевской ленты является знаком патриотического отношения человека к своей родине. В настоящее время георгиевская лента является символом победы над фашистской Германией.

Прилагательное *чёрный* в китайском и русском языках актуализируются в значениях *плодородный* и *здоровый*:

黑土地 (хэй ту ди)» дословно — *чёрная* почва.

Когда китайцы говорят о *чёрной* земле, то часто подразумевают поля с густо-зелёной пшеницей, золотистой соей и белым рисом. По отношению к человеку данная фраза обретает значения: *смуглая кожа*, *блестящие черные волосы*, что характеризует здорового и красивого человека.

Перечисленные значения определили *положительную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (хэй) в китайском языке.

При анализе лингвокультурной коннотации лексем с корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (хэй) в китайском языке осуществлено ранжирование значений по сходству и различию, а также по положительному и отрицательному признаку. Результаты исследования представлены в виде круговых диаграмм, приведенных на рис. 2.

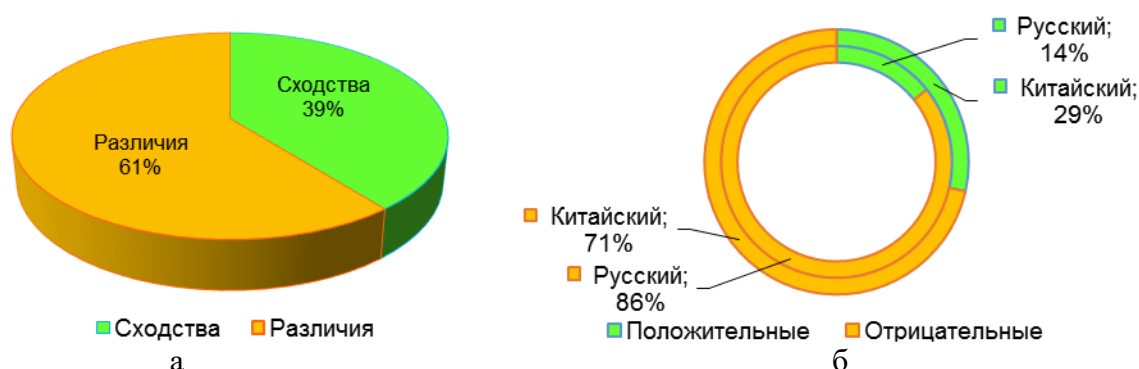

Рис.2 – Результаты анализа лингвокультурных коннотаций чёрного цвета в русском и китайском языках:

а – сходства / различия; б – положительные / отрицательные

Pic.2 – The results of the analysis of linguocultural connotations of black in Russian and Chinese:

а – similarities / differences; б – positive / negative

Таким образом, объем понятия, символическое и метафорическое значение слов с корнями *черн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке, отражает не только особенности физического воздействия этого цвета на органы чувств человека, но и многовековую историю русского и китайского народов, их культурные ценности и развитие философского мировоззрения, эстетических идеалов. В русском языке речевые значения лексем с корнем *черн-* определяются этимологией и несут в себе преимущественно отрицательную лингвокультурную коннотацию, а в китайском – положительную.

Проведенное исследование позволило установить, что лингвокультурная коннотация слов с корнями *черн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*), имеют больше различий, чем сходств.

Список литературы

- Блок, А.А. Жизнь моего приятеля. Серебряный век: Блок. Стихотворения, 1914.
Вернадский, Г.В. Древняя Русь / Г.В. Вернадский. – М.: Изд-во ЛЕАН, 1943.

Горький, М. Город желтого дьявола. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. "Библиотека Всемирной литературы", М.: «Художественная литература», 1975.

Демаков С. И., Бушуева Е. Н. Великие таинства, сокрытые в малых словесах. Книга о методах святоотеческих толкований Библии, о языке православных символов и о символическом подтексте евангельских притч. — 2-е изд.— Вятка, 2016. — С. 189.

Достоевский, Ф.М. Идиот. Собрание сочинений в 15-ти томах. Том 6. Л., "Наука", 1988.

Достоевский, Ф.М. Подросток. Библиография произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем 1917 – 1965, М.: «Книга», 1968.

Забылин, М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. 2013

Лаврентьева, Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия. Изд-во «Молодая гвардия», 2006.

Митрополит Иларион (Алфеев). Книга «Православие». Том 2: Глава V. Таинства и обряды. Пострижение в монашество.

Осипов, Б. И. Словарь современного русского города / Б. И. Осипов. – М., 2003.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд.– М., 1988.

Оксман, Ю. Г. Комментарии: И.С. Тургенев. Месяц в деревне. Воспроизводится по изданию: И. С. Тургенев

/ Ю. Г. Оксман. К. И. Тюнькин. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979.

Пантелеев, Л. Повесть «Ленька Пантелеев». Собрание сочинений в четырех томах. Л.: «Детская литература», 1970.

Пастуро, М. Чёрный. История цвета, 2017. — 168 с.

Переломов, Л. С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221—202 гг. до н. э.) / Л. С. Переломов. — М.: Изд-во восточ. лит. 1962.

Пчелов, Е.В. Государственные символы России – герб, флаг, гимн: Учебное пособие. – М.: “ТИД “Русское слово – РС”, 2002. – 136 с.: ил

Пушкин, А.С. Капитанская дочка: избранная проза / А. С. Пушкин. - Санкт-Петербург: Лениздат, 2014. - 319 с.

Толстой, А.Н. Завещание Афанасия Ивановича. изд.: ГИЗ, 1927 г.

Толстой, Л.Н. Хаджи-Мурат. Собрание сочинений, том. 14, М., «Художественная литература», 1964.

Чехов, А.П. Письмо Л. А. Авиловой (10 июля 1898) г. Мелихово.

Шолохов, М. А. Тихий Дон в 2 т. / М.А. Шолохов. – М.: Эксмо, 2007. Т.1-704 с., Т.2.-768 с.

McDermott, J.P (2006) *A social history of the chinese book*, Hong Kong, Hong Kong University Press, p. 11.

Stefano Zuppi (2012), *Color in Art*, pp. 268–269.

刘钧杰. 颜色词的构成 [J]. 语言教学与研究, 1985, (7) : 1-7. (Лю Цзюньцзе, образование цветных слов[J]. Преподавание и исследование языка, (7) : 1-7.)

辞源, 商务印书馆, 3094页 (1915) (Цыюань “Источник слов”. Издательство: Коммерческая пресса The Commercial Press. №1, 3094 с.)

辞海, 舒新城(1936) 第一版(Цыхай “Море слов”. Шу Синьчэн. изд. №1)

新华字典, 商务印书馆 (2004) (Синьхуа цзыдянь “Синьхуа словарь” Издательство: Коммерческая пресса The Commercial Press. изд. № 10)

罗竹风. 汉语大词典, 上海, (1993) (Ханьюй дацзыдянь (Большой словарь китайского языка) / Гл. ред. Ло Чжунфэн. Т. 1-12. Шанхай)

中文大辭典.台北, (1968) Чжунвэнь да цыдянь (Большой словарь китайского языка в 38 томах). Тайбэй.

新版现代汉语词典》编委会(2009), 现代汉语词典, (Сяньдай ханьюй цыдянь “Современный китайский словарь”. Редакция журнала “Новое издание современного китайского словаря”).

References

Blok, A. A. (1914). *Zhizn moego priyatelya [The life of my friend]*. Serebryany vek: Blok. Stikhotvoreniya. [in Russian].

Vernadskiy, G. V. (1943). *Drevnyaya Rus' [Ancient Russia]*. LEAN. Moscow, Russia. [in Russian].

Gor'kiy, M. (1975). *Gorod zheltogo d'yavola [The city of the yellow devil]*. Rasskazy. Ocherki. Vospominaniya. P'esy. Biblioteka Vsemirnoy literatur, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia. [in Russian].

Demakov, S. I. & Bushueva, E. N. (2016). *Velikie tainstva, sokrytye v malykh slovesakh [Great mysteries hidden in small words]*. Kniga o metodakh svyatootecheskikh tolkovaniy Biblii, o yazyke pravoslavnykh simvolov i o simvolicheskom podtekste evangel'skikh pritch. 2-e izd. Vyatka. [in Russian].

Dostoevskiy, F. M. (1988). *Idiot [Moron]*. Sobranie sochineniy v 15-ti tomakh. Tom 6. L., "Nauka", Moscow, Russia. [in Russian].

Dostoevskiy, F. M. (1968). *Podrostok [Teenager]*. Bibliografiya proizvedeniy F.M. Dostoevskogo i literatury o nem 1917 – 1965, «Kniga». Moscow, Russia. [in Russian].

Zabylin, M. (2013). *Russkiy narod, ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poehziya [Russian people, its customs, rituals, traditions, superstitions and poetry]*. [in Russian].

Lavrent'eva, E. V. (2006). *Povsednevnyaya zhizn' dvoryanstva pushkinskoy pory [The daily life of the nobility of the Pushkin time]*. Primety i sueveriya, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia. [in Russian].

Mitropolit Ilarion (Alfeev). *Pravoslavie [Orthodoxy]* Tom 2: Glava V. *Tainstva i obryady. Postrizhenie v monashество*. [in Russian].

Osipov, B. I. (2003). *Slovar' sovremennogo russkogo goroda [Dictionary of the modern Russian city]*. Moscow, Russia. [in Russian].

Ozhegov, S. I. (1988). *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]*. Ed by N. YU. Shvedovoy. 20-e izd. [in Russian].

Oksman, YU. G. (1979). *Kommentarii: I.S. Turgenev. Mesyats v derevne. Vosproizvoditsya po izdaniyu: I. S. Turgenev [Comments: I.S. Turgenev. A month in the village. Reproduced by: I. S. Turgenev]*. Ed. YU. G. Oksman & K. I. Tyun'kin. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t. 2-e izd. ispr. i dop. Nauka. Moscow, Russia. [in Russian].

Panteleev, L. (1970). *Povest' Lyon'ka Panteleev [The story Lyonka Panteleyev]*. Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh. Detskaya literatura, Leningrad, USSR. [in Russian].

Pasturo, M. (2017). *Chyornyy. Istoriya tsveta [The black. History of color]*. [in Russian].

Perelomov, L. S. (1962). *Imperiya Tsin' — pervoe tsentralizovannoe gosudarstvo v Kitae (221-202 gg. do n. er.) [Empire Qin – the first centralized state in China (221-202 BC)]*. Vostok, Moscow, Russia. [in Russian].

Pchelov, E. V. (2002). *Gosudarstvennye simvoly Rossii – gerb, flag, gimn [State symbols of Russia – coat of arms, flag, anthem]* Uchebnoe posobie. TID. Russkoe slovo – RS, Moscow, Russia. [in Russian].

Pushkin, A. S. (2014). *Kapitanskaya dochka: izbrannaya proza [Captain's daughter: selected prose]*. Lenizdat, Saint Petersburg, Russia. [in Russian].

Tolstoy, A. N. (1927). *Zaveshhanie Afanasiya Ivanovicha [The will of Afanasy Ivanovich]*. GIZ, Moscow, Russia. [in Russian].

Tolstoy, L. N. (1964). *Khadzhi-Murat*. Sobranie sochineniy, tom. 14, Khudozhestvennaya literatura. Moscow, Russia. [in Russian].

Chekhov, A.P. *Pis'mo L. A. Avilovoy (10 iyulya 1898) [Letter to L. A. Avilova]* g. Melikhovo. [in Russian].

Sholokhov, M. A. (2007). *Tikhiy Don [And Quiet Flows the Don]* v 2 t. Eksmo, Moscow, Russia. [in Russian].

Sholokhov, M. A. (2007). *Tikhiy Don [And Quiet Flows the Don]* v 2 t. Eksmo, Moscow, Russia. [in Russian].

McDermott, J. P (2006). *A social history of the Chinese book*. Hong Kong, Hong Kong University Press, China.

Stefano Zuppi (2012). *Color in Art*, pp. 268–269. [in English].

Liu Yujie. (1985). The composition of color words [J]. *Language Teaching and Research*. (7): 1-7. [in Chinese].

Ciyuan (1915). [Tsyyuan' Istochnik slov], The Commercial Press, China. [in Chinese].

Ci Hai, Shu Xincheng (1936). First Edition (Цыхай “Море слов”. Шу Синьчэн.), No1. [in Chinese].

Xinhua Dictionary, The Commercial Press. (Sin'khua tszydyan' "Sin'khua slovar'" Izdatel'stvo: Kommercheskaya pressa The Commercial Press izd # 10). [in Chinese].

Luo Zhufeng (1993). *Chinese Dictionary*, Shanghai (KHan'uyj datsydyan' (Bol'shoj slovar' kitajskogo yazyka) ed. Lo CHzhufehn. T. 1-12. Shankhaj). [in Chinese].

Chinese Dictionary (1968). Taipei. (CHzhunvehn' da tsydyan' Bol'shoj slovar' kitajskogo yazyka v 38 tomakh) [in Chinese].

The New Edition of Modern Chinese Dictionary (2009). Editorial Board, Modern Chinese Dictionary. (Syan'daj khan'uyj tsydyan'" Sovremennyy kitajskij slovar". Redaktsiya zhurnala" Novoe izdanie sovremennogo kitajskogo slovary"). [in Chinese].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Лю Фанбин, аспирант.

Liu Fangbing, Post-graduate student.

УДК 811.111:81'373.72

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-5

Федуленкова Т. Н.

Анализ вариантности двухкомпонентной английской
фразеологии с глаголом HAVE

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
ул. Горького, 87, г. Владимир 600026, Россия

E-mail: fedulenkova@list.ru

ORCID: 0000-0002-5039-5827

Статья поступила 11 января 2019 г.; Принята 5 февраля 2019 г.;

Опубликована 31 марта 2019 г.

Аннотация. В статье с точки зрения вариантности анализируются глагольные фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом *have*, которые имеют грамматическую структуру двухкомпонентного сочетания слов (глагол + существительное), так как представляют собой одну из многочисленных групп в поле современной английской фразеологии с названным глаголом. **Актуальность** работы состоит в назревшей необходимости исследования роли вариантности в наиболее распространенной двухкомпонентной фразеологии английского языка. В работе анализируется **проблема** функционирования варианта ФЕ. **Исследование** проводится на языковом материале современных лексикографических источников. Основной **метод** экстракции фразеологических единиц из языкового континуума и их структурно-семантического анализа – это метод фразеологической идентификации, предложенный основателем английской фразеологии профессором А.В. Куниным. В качестве дополнительных методов исследования привлекается ряд непарадигмальных методов и методик лингвистики, в том числе описательный метод с его процедурами, методы дефиниционного, фразеологического и контекстуального анализа. В **результате** исследования выявляются основные виды вариантов анализируемых фразеологических единиц: простые фразеологические варианты и комплексные фразеологические варианты и их подвиды – субстантивно-квантитативные, адъективно-квантитативные и глагольно-квантитативные варианты – и определяются функции вариантов изучаемых фразеологических единиц. В результате анализа приходим к **выводу**, что как простое, так и комплексное варьирование компонентного состава изучаемой фразеологии не оказывает заметного влияния на значение фразеологизма, сохраняя его идентичность.

Ключевые слова: английский язык; глагольные фразеологические единицы; компонент; вариант

Для цитирования: Федуленкова Т. Н. Анализ вариантности двухкомпонентной английской фразеологии с глаголом HAVE // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики.* 2019. Т. 5, № 1. С. 52-61. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-5

Tatiana N.
Fedulenkova

Analysis of variability of two-component English phraseology with
the verb HAVE

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs,
87 Gorky St., Vladimir 600026, Russian Federation
E-mail: fedulenkova@list.ru
ORCID: 0000-0002-5039-5827

Received 11 January 2019; Accepted 5 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract. In the article, the verbal phraseological units (PU) with the component *have*, which have the grammatical structure of a two-component combination of words (a verb + a noun), are analyzed in terms of variability, because they represent one of numerous groups in the field of modern English phraseology with the verb mentioned. The pertinence of the work stems from the imminent need of a research of the role of variability within the most widespread two-component phraseology of English. The paper also analyzes the problem of functioning of phraseological variants. The research is carried out on the language material of modern lexicographic sources. The main method of extraction of phraseological units from a language continuum and of their structural-semantic analysis is the method of phraseological identification, offered by the founder of the English phraseology professor A.V. Kunin. A number of non-paradigmatic methods and techniques of linguistics are also employed as additional methods of the research, including a descriptive method with its procedures, methods of the definitional, phraseological and contextual analysis. As a result of the research, a set of main types of variants of the analyzed phraseological units have come to light: simple phraseological variants and complex phraseological variants and their subspecies – substantive-quantitative, adjectival-quantitative and verbal-quantitative PU variants – and a number of functions of PU variants are described. The analysis leads to the conclusion that both simple, and complex variation of the component structure of the studied phraseology has no noticeable impact on the meaning of a phraseological unit, keeping its identity.

Key words: English; verbal phraseological units; component; variant.

How to cite: Fedulenkova, T. N. (2019). Analysis of variability of two-component English phraseology with the verb HAVE”, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 52-61. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-5

Введение

Данное исследование посвящено изучению глагольной фразеологии современного английского языка, в состав которой входит функционально ведущий компонент *have*. Выбор объекта исследования обусловлен, во-первых, многочисленностью такой фразеологии: только в «Англо-русском фразеологическом словаре»

зафиксировано 484 фразеологизма с глаголом *have* (Кунин, 1998), и, во-вторых, широкой распространенностью и коммуникативной востребованностью названных единиц в разных языках (Якимов, 2004). Актуальность работы заключается в том, что назрела необходимость детального описания двухкомпонентной фразеологии, как наиболее активной структуры в разного

рода контекстах (Fedulenkova, 2012: 324). Научная новизна состоит в самом выборе предмета исследования и в выявлении различного рода вариантности в избранном поле английской фразеологии.

Основной метод извлечения фразеологических единиц из языкового континуума, а также их структурно-семантического анализа – это метод фразеологической идентификации, предложенный профессором А. В. Куниным, основателем английской фразеологии как науки (Кунин, 1970: 38).

В качестве дополнительных методов исследования привлекается ряд непарадигмальных методов и методик лингвистики (Комарова, 2018: 564-586), в том числе описательный метод с его процедурами, методы дефиниционного, фразеологического и контекстологического анализа (Кунин, 2005: 42-53; Piirainen, 2004: 46; 2008: 243).

Анализируя собранный языковой материал, обращаем внимание на тот факт, что в основной своей массе двухкомпонентные фразеологизмы имеют один или чаще – несколько вариантов, не нарушающих их тождества. Безвариантные фразеологизмы данной структурной организации представлены в современном английском языке единичными случаями:

have an accident – to lose control of the bowels or the bladder (Spears, 2007: 217) – обделаться (о детях) (букв. потерять контроль над кишечником или мочевым пузырем) (здесь и далее пер. мой – Т.Ф.);

have a cow – to become angry, excited or agitated (Ayto, 2010: 77) – рассердиться, выйти из себя;

have a heart – to be compassionate; to be generous and forgiving (Spears, 2007: 214) – быть милосердным, щедрым;

have kittens – to get extremely upset (Spears, 2007: 223) – очень сильно нервничать.

have a stroke – to experience sudden unconsciousness or paralysis due to an interruption in the blood supply to the brain (Spears, 2007: 216) – перенести приступ, припадок, удар, паралич;

Have a blimp! – sl. Have a good year (A reference to the Goodyear blimp, which is famous for being at notable events) (Spears, 2007: 212) – Хорошего года!

Результаты исследования и их обсуждение

Простые варианты

К простым вариантам можно отнести лишь **глагольные варианты**, представленные единственной фразеологической единицей анализируемого поля *to have the floor*, в которой варьированию подвергается только один компонент структуры – глагол: *have/ hold/ get/ take*, то есть данная фразеологическая единица функционирует в современном английском языке в форме четырех глагольных вариантов: *to have the floor / to hold the floor / to get the floor / to take the floor*. Все рассматриваемые варианты имеют одинаковое сигнификативное значение и при этом каждое устойчивое выражение имеет свой оригинальный оттенок, диктуемый конкретным денотатом. Так, фразеологизм *to have the floor* – to have the exclusive right to address the audience (Spears, 2007: 153) – означает «обладать эксклюзивными правами для обращения к аудитории», фразеологизм *hold the floor* – to speak in a public meeting, etc. for a long time, often stop others from speaking (Warren, 1997: 120) – означает «выступать на публичном собрании и т.п. в течение длительного времени, часто прерывая речи других выступающих», фразеологизм *get the floor* – to receive official permission to address the audience (Spears, 1991a: 125), – означает «получать официальное разрешение обратиться к публике», фразеологизм *take the floor* – to speak in a debate or assembly (Ayto, 2010: 133) – означает «выступать в дебатах, на ассамблеях». Ср. иллюстрации:

а) *The last time you **had the floor**, you talked for an hour.* (Spears, 2007: 153) – В прошлый раз, когда вам предоставили слово, вы говорили целый час.

б) *When I **get the floor**, I'll make a short speech.* (Spears, 1991a: 125) – Когда мне предоставят слово, я буду говорить коротко.

в) *The American delegation **held the floor** for three quarters of an hour, putting forward their proposals.* (Warren, 1997: 120) – Американская делегация выступала три четверти часа, выдвигая свои предложения.

г) *The chairman **took the floor**.* (Rundell, 2002: 539) – Председатель взял слово.

В отличие от простых глагольных вариантов ФЕ, субстантивные и адъективные варианты проявляют себя лишь в сочетании с квантитативными изменениями компонентного состава фразеологизмов в изучаемом фразеологическом пространстве современного английского языка.

Комплексные варианты

1. **Субстантивно-квантитативные варианты** представлены следующим рядом ФЕ, в котором варьированию подвергается субстантивный компонент *a bite / a snack*, а также варьируется количественный состав фразеологизма путем его расширения переменным компонентом с предлогом *of something*: *have a bite / have a snack / have a bite of something* – [to take] a small amount of food that you eat between meals (Rundell, 2002: 1353) – перекусить, закусить, заморить червячка, сравним:

а) *You'll **have a bite** with us.* 'No, thank you, no.' (Cronin, 2018) – Вы не закусите с нами. – Нет, благодарю вас.

б) *I **had a quick snack** in the canteen.* (Wilson, 1985: 572) – Я перекусил в столовой.

в) *I haven't **had a bite of food** since morning.* (Hornby et al. 1999: 94) – С утра у меня маковой росинки во рту не было.

В случае (б) появляется также окказиональный (Fedulenkova, 2013: 447) адъективный вариант *quick*, который пока еще не зафиксирован в фразеографических источниках в качестве нормативного варианта рассматриваемого фразеологизма.

2. **Адъективно-квантитативные варианты** представлены следующими рядами фразеологических единиц:

1. Ряд первый, в котором наблюдается квантитативная вариантность за счет расширения компонентного состава фразеологизма посредством варьирующегося, в свою очередь, адъективного компонента *good/strong*: *have a case / have a good (strong) case* – to prove that one is right (Hornby, Gatenby, Wakefield, 1999: 145) – быть правым в чем-либо, правда на чьей-либо стороне, например:

а) *When Dr. Ratner, a Chicago professor, describes the United States as one of the unhealthiest countries in the world he certainly **has a case**.* (Кунин, 1998: 130) – Когда чикагский профессор доктор Ратнер утверждает, что здравоохранение в Соединенных Штатах стоит на низком уровне, то у него, безусловно, есть основания так говорить.

б) *The strikers **have a good case**, but it does not necessary mean their claim will be justified.* (Кунин, 1998: 130) – Дело забастовщиков правое, но это отнюдь не значит, что их требования будут удовлетворены.

в) *He **has a strong case**.* (Hornby, Gatenby, Wakefield, 1999: 145) – Правда на его стороне.

(2) Ряд второй, в котором наблюдается квантитативная вариантность за счет расширения компонентного состава фразеологизма посредством группы компонентов *on one* и посредством варьирующегося, в свою очередь, адъективного компонента *big/shocking*, вариация которого усложняется предложным сочетанием *a bit of*, выполняющим в данном случае роль

адъективного компонента ФЕ: *have a head / have a big (shocking) head / have a bit of a head* – to have a hangover (Spears, 19916: 172) – *разг.* голова болит с похмелья, например:

1. *Dick had a head that Monday morning and he had to stay at home.* (Spears, 19916: 172) – В то утро в понедельник у Дика голова болела с похмелья и ему пришлось остаться дома.

2. *He's got a big head and can't go to work.* (Spears, 19916: 172) – У него голова болит с похмелья и он не может идти на работу.

3. *Hullo! You are not looking your usual self this morning. – I'm not surprised! We had our Regimental Re-union Dinner last night, and I'm, not used to that kind of thing. I've a shocking head on me as the result!* (Кунин, 1998: 367) – Привет! Что-то ты на себя не похож с утра. – Не удивительно! Вчера у нас была встреча однополчан. Выпили, конечно, немало. А я к этому делу не имею привычки. Вот голова и раскалывается с похмелья.

4. *I've a bit of a head this morning.* (Wilson, 1985: 288) – У меня сегодня голова болит (с похмелья).

3. **Глагольно-квантитативные варианты (А)**, в которых, наряду с глагольным варьированием *have/ get/ take*, квантитативное расширение компонентного состава ФЕ *at something* подчеркивает направленность попытки на совершение какого-либо действия: *have/ get/ take a crack (at something)* – to try to do something although you are not certain that you will succeed (Walter, 2001: 83) – попытаться, попробовать силы, рискнуть, отважиться (сделать что-либо), ср.:

а) *'Care for a dance?' 'I am not much good, but I don't mind having a crack if you don't mind.'* (Кунин, 1998: 183) – Может быть, потанцуем? – Я плохой танцор, но готов рискнуть, если вы не против.

б) *He didn't win the tennis championships, but he plans to have another crack at it next year.* (Walter, 2001: 83) – Он не выиграл чемпионаты по

теннису, но планирует попробовать еще раз в следующем году.

в) *Don't worry, you'll all get a crack at using the camera.* (Walter, 2001: 83) – Не беспокойтесь, вы все попробуете поработать с камерой.

г) *Dave Nelson and Denis Langevin went together, making the fourth team to take a crack at the blocked drift.* (Carter, 1959) – Дейв Нельсон и Денис Лангевин пошли вместе в четвертой партии, пытавшейся пробить ход в заваленный штрек.)

4. **Глагольно-квантитативные варианты (Б)**, в которых, наряду с глагольным варьированием *have/ get*, квантитативное расширение компонентного состава ФЕ *into one's head* детализирует локацию сосредоточения идеи: *have ideas / get ideas (into one's head)* – to have false or dangerous ideas, hopes, etc., especially when they lack proof (Long, 1996: 174) – вынашивать ложные или опасные идеи, надежды и т.п., особенно когда они лишены основания, сравним:

а) *She has some pretty strange ideas about how to bring up children.* (Rundell, 2002: 708) – У нее какие-то очень странные идеи о том, как воспитывать детей.

б) *... he gets tipsy at the mess, and, in short, 'gets ideas' of all sorts.* (Кунин, 1998: 407) – ... утоляя голод, он не забывает утолять и жажду, и бог знает какие идеи рождаются у него в голове.

в) *He told his mother not to get ideas into her head. The fact that he had come home early did not mean that he had lost his job.* (Long, 1996: 174) – Он сказал своей матери не забивать голову дурными мыслями. Тот факт, что он пришел домой рано, не означал, что его уволили с работы.

5. **Глагольно-квантитативные варианты (В)**, в которых, наряду с глагольным варьированием *have/ hold*, квантитативное расширение компонентного состава ФЕ *in one's hands*

конкретизирует сторону с преимуществом позиции, положения: *have the cards / hold (all) the cards (in one's hands)* – to be in a strong position when you competing with someone else, because you have all the advantages (Walter, 2001: 59):

1. *A successful hostess needs to have a gift for making people feel comfortable. Well, it's you who **has the cards**.* (Maugham, 2005) – Успешная хозяйка должна обладать талантом заставлять людей чувствовать себя как дома. Ну, тебе и карты в руки.

2. *You will have to do as he says; he is **having all the cards in his hands**.* (Gulland, Hinds-Howell, 1994: 255) – Вам придется сделать все, что он скажет: в его руках все карты.

3. *Roger **held the cards**, you know; he had an established reputation and people have an enormous respect for established reputations, even if they suspect that the holder of them isn't really much good.* (Snow, 1981) – У Роджера завидное положение: он пользуется репутацией прекрасного врача. А для людей такая репутация значит очень много, даже если они и понимают, что она не совсем заслужена.

4. *There isn't much hope of him getting custody of the children – as far as the law goes, she **holds all the cards**.* (Walter, 2001: 59) – У него мало шансов на то, чтобы получить опеку над детьми – что касается закона, то все шансы у нее.

5. *Well, what else is there for me to do? You **hold all the cards in your hands**.* (Dreiser, 2018) – Что же мне остается делать? Все преимущества на вашей стороне.

6. **Глагольно-квантитативные варианты (Г)**, в которых, наряду с варьированием глагольного компонента *have / get*, наблюдается и квантитативное варьирование посредством внедрения адъективного компонента *big* в структуру фразеологизма, выполняющее функцию интенсификации неприятия участника коммуникации: *have the bird / get the (big)*

bird – to be booed, be jeered (this phrase first appeared in early 19th century theatrical slang as *the big bird*, meaning 'a goose'; this was because the hissing of geese could be compared to the audience's hissing at an act or actor of which it disapproved.) (Ayto, 2010: 30) – быть освистанным, быть осмеянным (эта фраза впервые появилась в начале 19 в. в театральном сленге как *большая птица*, означающая *гусь*, это потому что шипение гусей можно сравнить с шипением аудитории на игру или актеров, которых они не одобряют). Сравним:

а) *Eddie had once been the top of the bill. And then one evening, he **had got the bird*** (Sinclair, 2012: 36) – Когда-то Эдди был ведущим актером. А потом однажды вечером его освистали.

б) *He offered to give a talk on his travels in India, but he **got the bird!*** (Gulland, Hinds-Howell, 1994: 65) – Он предложил провести беседу о своих путешествиях по Индии, но его осмеяли.

Кроме того, в словаре *Longman Dictionary of English Idioms* зафиксирован еще один вариант рассматриваемого фразеологизма, который представляет собой лексико-грамматический вариант со структурой пассивного залога – *to be given the bird*:

в) *... the singer was so bad she **was given the bird**.* (Long, 1996: 24) – ... певица была такой плохой, что ее освистали.

Использование данной ФЕ в пассивном залоге расширяет диапазон типов зависимости компонентов ФЕ от константно-вариантной до трансформационной зависимости, сохраняя при этом тождество ФЕ.

7. **Глагольно-квантитативные варианты (Д)**, в которых, наряду с варьированием глагольного компонента *have / get*, наблюдается и квантитативное варьирование посредством внедрения предложной фразы *a fit of* в структуру фразеологизма, выполняющей функцию градации эмоционального состояния

субъекта: *have/ get the blues, have (a fit of) the blues* – to become sad or depressed – пребывать в печали или депрессии, хандрить, находиться в унынии, меланхолии, быть в угнетенном состоянии, ср.:

а) *You'll have to excuse Bill. He has the blues tonight.* (Spears, 1991a: 124) – Вам придется извинить Билла. Он сегодня находится в угнетенном состоянии.

б) *I get the blues every time I hear that song.* (Spears, 1991a: 124) – Меня одолевает уныние каждый раз, когда я слышу эту песню.

в) *You look like you really have a fit of the blues. What's wrong?* (Spears, 1991b: 40) – Похоже, у тебя в самом деле приступ хандры. В чем дело?

Фразеологизм *to be in the blues* употребляется в том же значении, что и ФЕ *have/ get the blues, have (a fit of) the blues* и вполне вписывается в понятие их структурно-грамматического варианта, так как сохраняет внутреннюю форму фразеологизма и его инвариант *the blues*:

г) *Steve was in the blues because of his illness.* (Hornby et al., 1999: 101) – Стив пребывал в депрессии из-за болезни.

8. Глагольно-квантитативные варианты (Е), в которых наряду с глагольным варьированием *have/ carry*, квантитативное расширение компонентного состава ФЕ за счет переменного компонента, вводимого предлогом *with somebody, something* указывает на вектор распространения влияния субъекта или объекта номинируемого действия: *have/ carry weight (with somebody, something)* – to be important, influential, convincing, effective, etc. (Cowie, Mackin, McCaig, 2000: 94) – быть важным, влиятельным, убедительным, эффективным и пр. Сравним:

а) *Not only do men talk more, but what they say often has more weight.* [14: p. 480] – Мужчины в самом деле не только

больше разговаривают, но и то, что они говорят, часто является более убедительным.

б) *If such representations are to carry weight they will have to avoid bias and be of high intellectual standard.* (Cowie, Mackin, McCaig, 2000: 94) – Если такие представления нацелены на эффективность, то они должны будут избегать предвзятости и иметь высокий интеллектуальный уровень.

в) *El Tiempo is Colombia's leading newspaper and its opinions carry considerable weight in the country.* (Sinclair, 2012: 480) – Эль Темпо – это ведущая газета в Колумбии и ее комментарии имеют большой вес в стране.

г) *... considerations that had great weight with me.* (Hornby, Gatenby, Wakefield, 1999: 1138) – ... соображения, которые оказали очень сильное влияние на меня.

д) *She disapproved – disapproved violently – of what the reviewer had said: it was pernicious rubbish, she knew, and carry no weight with any thinking person.* (Hartley, 1983) – Она осуждала – осуждала яростно – то, что сказал журналист: она знала, это был пагубный вздор, прозвучавший неубедительно для любого думающего человека.

В рассматриваемом случае адъективные и служебные компоненты а) *more*, в) *considerable*, г) *great* и д) *no* не выполняют роль квантитативных вариантов, они являются окказиональными вклиниваниями и служат для уточнения значения ФЕ, для градации влияния кого-либо/ чего-либо.

Заключение

Результаты анализа двухкомпонентной глагольной фразеологии современного английского языка с глаголом *have* могут быть сформулированы в следующем виде:

- исследование выявляет простые и комплексные варианты фразеологических единиц изучаемого поля;

• простые варианты сводятся к варьированию глагольного компонента фразеологических единиц;

• комплексные варианты изучаемых фразеологических единиц представлены субстантивно-квантитативными, адъективно-квантитативными и глагольно-квантитативными вариантами;

• квантитативное варьирование фразеологических единиц выполняет следующие функции:

а) указывает на направленность попытки совершения какого-либо действия,

б) детализирует локацию сосредоточения идеи,

в) конкретизирует сторону с преимуществом позиции, положения,

г) интенсифицирует неприятие коммуниканта,

д) осуществляет градацию эмоционального состояния субъекта,

е) подчеркивает вектор распространения влияния действия.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что и простое, и комплексное варьирование компонентного состава изучаемого участка английской фразеологии не оказывает заметного влияния на значение фразеологической единицы и сохраняет ее идентичность.

Список литературы

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.

Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. М.: Высш. шк., 1970. 344 с.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1998. 944 с.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.

Якимов А. Е. Структурно-семантический анализ глагольно-субстантивных фразеологических единиц

фразеосемантического поля «психологическая деятельность». Кострома: КГУ, 2004. 215 с.

Ayto, J. (ed.) (2010). *Oxford Dictionary of English Idioms*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Carter, D. (1959). *Fatherless Sons*, Foreign Languages Publishing House, Moscow, Russia. [Online], available at: <https://books.academic.ru/book.nsf/60528070/Fatherless+sons> (Accessed 19 January 2019).

Cowie, A. P., Mackin, R. and McCaig, I. R. (2000). *Oxford Dictionary of English Idioms*, OUP, Oxford, New York, UK, USA.

Cronin, A. J. ([1964] 2018). *A Song of Sixpence*, New English Library, Moscow, Russia. [Online], available at: <http://librebook.me/a-song-of-sixpence> (Accessed 19 January 2019).

Dreiser, Th. (2018). *The Stoic*. [Online], available at: <https://royallib.com/book/drayzer-teodor/stoik.html> (Accessed 19 January 2019).

Fedulenkova, T. (2012). “English Verbal Phraseological Units of Biblical Origin: Frequent Structural Models”, *Naukovi Pratsi Kamyanets-Podil'skogo natsional'noho universitetu imeni Ivana Ogienka: Filologichny nauki* [Scientific Works of the Kamyanets-Podolsky National University named after Ivan Ogienko: Philological Sciences], KPNU, Kamyanets-Podolsky, Ukraine, 30, 324–327.

Fedulenkova, T. (2013). “Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. By Anita Naciscionne. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2010. P.p. xiii, 292. With 10 figures and 20 illustrations”, *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, The University of Vermont, Vermont, USA, 30, 447–450.

Gulland, D. M., Hinds-Howell, D. G. (1994). *The Penguin Dictionary of English Idioms*, Penguin Books Ltd, London, UK.

Hartley, L. P. (1983). *A Perfect Woman*, Chivers Press, Bath, UK. [Online], available at: <http://en.academic.ru/> (Accessed 19 January 2019).

Hornby, A. S., Gatenby, E. V. and Wakefield, H. (1999). *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*, Oxford University Press, London, UK.

Long, H. (ed.) (1996). *Longman Dictionary of English Idioms*, Longman Group UK Limited, Harlow, London, UK.

Maugham, W. S. (2005). *Selected Short Stories*, Manager, Moscow, Russia. [Online], available at: <https://www.libex.ru/detail/book544800.htmlz> (Accessed 19 January 2019).

Piirainen, E. (2004). "Cognitive, Cultural and Pragmatic Aspects of Dialectal Phrseology" *Dialectologia et Geolinguistica*, 12, 46–67.

Piirainen, E. (2008). "Phraseology in a European Framework: A Cross-linguistic and Cross-cultural Research Project on Widespread Idioms", in Granger, S. and Meunier, F. (eds.) *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective*, Benjamins, Amsterdam, Holland, 243–258.

Rundell, M. (ed.) (2002). *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*, Bloomsbury Publishing Plc, Macmillan Publishers Ltd, Oxford, UK.

Sinclair, J. (ed.) (2012). *Collins Cobuild Idioms Dictionary*, HarperCollins Publisher, Glasgow, UK.

Snow, C. P. (1981), *Death under Sail*, Amazon, New York, USA. [Online], available at: <https://www.fantasticfiction.com/s/c-p-snow/death-under-sail.htm> (Accessed 19 January 2019).

Spears, R. A. (1991a). *American Idioms Dictionary*, National Textbook Company, Lincolnwood, Illinois, USA.

Spears, R. A. (2007), *McGraw-Hill's American Idioms*, McGraw-Hill, New York, Chicago, San Francisco, USA.

Spears, R. A. (1991b), *NTC's Dictionary of American Slang*, National Textbook Company, Lincolnwood, Illinois, USA.

Walter, E. (ed.) (2001). *Cambridge International Dictionary of Idioms*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Warren, H. (ed.) (1997). *Oxford Learner's Dictionary of English Idioms*, Oxford University Press, Oxford, UK. [in English].

Wilson, E. A. M. (1985). *The Modern Russian Dictionary for English Speakers*, Pergamon Press, Oxford, UK.

References

Komarova, Z. I. (2013). *Metodologiya, metod, metodika i tehnologiya nauchnyh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific

research in linguistics], FLINTA, Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya. Teoreticheskiy kurs* [English phraseology. Theoretical course], Vysshaya Shkola, Moscow, Russia. [in Russian].

Kunin, A. V. (1998). *Anglo-russkiy frazeologicheskii slovar'* [English-Russian phraseological dictionary], Russkiy yazyk, Moscow, Russia. [in Russian].

Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A Course of Phraseology of Modern English], Feniks, Dubna, Russia. [in Russian].

Yakimov, A. E. (2004). *Strukturno-semanticheckiy analiz glagol'no-substantivnykh frazeologicheskikh edinits frazeosemanticeskogo polya "psihologicheskaya deyatel'nost'"* [Structural-semantic analysis of verbal-substantive phraseological units of the phraseological-semantic field "psychological activity"], KGU, Kostroma, Russia. [in Russian].

Ayto, J. (ed.), (2010). *Oxford Dictionary of English Idioms*, Oxford University Press, Oxford, UK. [in English].

Carter, D. (1959). *Fatherless Sons*, Foreign Languages Publishing House, Moscow, Russia. [Online], available at: <https://books.academic.ru/book.nsf/60528070/Fatherless+sons> (Accessed 19 January 2019). [in English].

Cowie, A. P., Mackin, R. and McCaig, I. R. (2000). *Oxford Dictionary of English Idioms*, OUP, Oxford, New York, UK, USA. [in English].

Cronin, A. J. ([1964] 2018). *A Song of Sixpence*, New English Library, Moscow, Russia. [Online], available at: <http://librebook.me/a-song-of-sixpence> (Accessed 19 January 2019). [in English].

Dreiser, Th. (2018). *The Stoic*. [Online], available at: https://royallib.com/book/dreyzer_teodor/stoik.html (Accessed 19 January 2019). [in English].

Fedulenkova, T. (2012). "English Verbal Phraseological Units of Biblical Origin: Frequent Structural Models", *Naukovi Pratsi Kamyants-Podil'skogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogienka: Filologichny nauki* [Scientific Works of the Kamyants-Podolsky National University named after Ivan Ogienko: Philological Sciences], KPNU,

Kamyanets-Podolsky, Ukraine, 30, 324–327. [in English].

Fedulenkova, T. (2013). Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. By Anita Naciscionne. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2010. P.p. xiii, 292. With 10 figures and 20 illustrations”, *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, The University of Vermont, Vermont, USA, 30, 447–450.

Gulland, D. M. and Hinds-Howell, D. G. (1994). *The Penguin Dictionary of English Idioms*, Penguin Books Ltd, London, UK.

Hartley, L. P. (1983). *A Perfect Woman*, Chivers Press, Bath, UK. [Online], available at: <http://en.academic.ru/> (Accessed 19 January 2019).

Hornby, A. S., Gatenby, E. V. and Wakefield, H. (1999). *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*, Oxford University Press, London, UK.

Long, H. (ed.) (1996). *Longman Dictionary of English Idioms*, Longman Group UK Limited, Harlow, London, UK.

Maugham, W. S. (2005). *Selected Short Stories*, Manager, Moscow, Russia. [Online], available at: <https://www.libex.ru/detail/book544800.htmlz> (Accessed 19 January 2019).

Piirainen, E. (2004). Cognitive, Cultural and Pragmatic Aspects of Dialectal Phrseolog, *Dialectologia et Geolinguistica*, 12, pp. 46–67.

Piirainen, E. (2008). Phraseology in a European Framework: A Cross-linguistic and Cross-cultural Research Project on Widespread Idioms in Granger, S. and Meunier, F. (eds.) *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective*, Benjamins, Amsterdam, Holland, pp. 243–258.

Rundell, M. (ed.) (2002). *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*,

Bloomsbury Publishing Plc, Macmillan Publishers Ltd, Oxford, UK.

Sinclair, J. (ed.) (2012). *Collins Cobuild Idioms Dictionary*, HarperCollins Publisher, Glasgow, UK.

Snow, C. P. (1981). *Death under Sail*, Amazon, New York, USA. [Online], available at: <https://www.fantasticfiction.com/s/c-p-snow/death-under-sail.htm> (Accessed 19 January 2019).

Spears, R. A. (1991a). *American Idioms Dictionary*, National Textbook Company, Lincolnwood, Illinois, USA.

Spears, R. A. (2007). *McGraw-Hill's American Idioms*, McGraw-Hill, New York, Chicago, San Francisco, USA.

Spears, R. A. (1991b). *NTC's Dictionary of American Slang*, National Textbook Company, Lincolnwood, Illinois, USA.

Walter, E. (ed.) (2001). *Cambridge International Dictionary of Idioms*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Warren, H. (ed.) (1997). *Oxford Learner's Dictionary of English Idioms*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Wilson, E. A. M. (1985). *The Modern Russian Dictionary for English Speakers*, Pergamon Press, Oxford, UK.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Федуленкова Татьяна Николаевна, профессор, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.

Tatiana N. Fedulenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Correspondent Member of RANH.

УДК 1751

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-6

Чистова С. С.

Метафорическое моделирование действительности в альбоме рок-группы Muse «Drones»

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал
Российского государственного профессионально-педагогического университета
(г. Екатеринбург), Красногвардейская 57, Нижний Тагил 622031, Россия.

E-mail: loir@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9736-1595

*Статья поступила 15 января 2019 г.; Принята 20 февраля 2019 г.;
Опубликована 31 марта 2019 г.*

Аннотация: Рок-поэзия на современном этапе развития представляет собой актуальный материал для изучения. Высокая степень образности и метафоричность британской рок-поэзии позволяет представить ее как одну из основных моделей концептуализации британского национального сознания. Статья посвящена изучению концептуальных метафор и метафорических моделей в концептуальном альбоме британской рок-группы Muse «Drones» 2015 г. При помощи методики исследования концептуальных метафор в дискурсе адресанта коммуникации было обнаружено и классифицировано по субсферам и типам тринадцать концептуальных метафор, обладающих яркой образностью и высоким прагматическим потенциалом. Также был проведен количественный анализ частотности употребления метафор различных субсфер, что позволило выявить доминирующие и наименее частотные концептуальные образы альбома. Выявленные метафоры и метафорические модели позволяют описать концептуальное пространство альбома, а также позволяют сделать определенные выводы об особенностях британской рок-поэзии на современном этапе.

Ключевые слова: метафора; метафорическая модель; концепт; дискурс; рок-поэзия

Для цитирования: Чистова С. С. Метафорическое моделирование действительности в альбоме рок-группы Muse «Drones» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 62-72. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-6

Sophia S. Chistova

**Metaphoric modelling of reality in the rock-album “Drones”
by Muse**

Nizhniy Tagil State Socio-pedagogical Institute, Branch of the Russian State Vocational
Pedagogical University (Yekaterinburg), 57 Krasnogvardeiskaya St., Nizhniy Tagil 622031,
Russia

E-mail: loir@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9736-1595

Received 15 January 2019; Accepted 20 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract: Rock poetry is an important and relevant subject in modern linguistic research. The striking imagery and vivid metaphoric character of British rock poetry makes it one of the main models for representing British national identity. The article studies conceptual metaphors and metaphor models in the album «Drones» (2015) by the British rock-band Muse. With the help of the method of analyzing metaphors in the discourse of the communication addresser, we were able to identify thirteen conceptual metaphors. These metaphors, which have vivid imagery and high pragmatic potential, were classified according to their subspheres and types. Also, the quantitative analysis of the metaphors of different subspheres allowed to reveal dominant and less frequent conceptual images of the album. The metaphors and metaphorical models form the conceptual field of the album, which is described in the paper. Besides the analysis allowed us to draw conclusions about the peculiarities of the modern British rock poetry.

Key words: metaphor; metaphorical model; concept; discourse; rock-poetry.

How to cite: Chistova, S. S. (2019). Metaphoric modelling of reality in the rock-album “Drones” by Muse, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 62-72, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-6

Введение

Рок-культура представляет собой особое культурное направление, возникшее в Великобритании и США в 60-е гг. XX в., и наиболее полно сформировавшееся во второй половине XX века. Рок-культура как социокультурный феномен включает в себя не только музыку и идеологию, но представляет собой образ жизни.

Рок-дискурс – это «сложная материальная основа рок-культуры, текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» (Арутюнова, 2005: 136). Поэтический рок-текст – это результат поэтического мышления рок-авторов, которое является как индивидуально-маркированным, так и обусловленным принадлежностью к данной субкультуре.

Теоретический обзор

Изучение рок-дискурса долгое время находилось на периферии научного знания и рассматривалось только в связи с молодежной субкультурой. Однако в настоящее время исследованием рок-поэзии занимаются такие науки, как лингвистика, музыкология, социология и культурология. Лингвистика изучает такие аспекты рок-дискурса, как

интертекстуальность в рок-текстах (Ю. В. Доманский, Е. А. Козицкая, Э. Дж. Куэлин, Т. Хуттунен), креолизованный характер рок-текстов (М. Б. Ворошилова, Ю. Е. Плотницкий), эстетику рок-текстов (И. А. Буйнов), архетипические образы в рок-текстах (О. Э. Никитина).

Постановка проблемы

Исследование поэтических рок-текстов непосредственно связано с изучением изобразительно-выразительных средств, которыми они наполнены. Так, одним из основных изобразительных средств в рок-поэзии выступает концептуальная метафора, которая является своеобразным ключом к пониманию авторской картины мира. В рок-поэзии могут содержаться как авторские, так и стертые метафоры, могут создаваться новые, переосмысленные автором метафоры, иногда весь текст может прочитываться как одна метафора. Кроме того, учитывая то, что индивидуальный опыт художника является неотъемлемой частью коллективного опыта познания мира, следует отметить, что анализ поэтических текстов важен для понимания метафорической картины

мира всего национального языкового сознания.

В данной работе мы обратимся к изучению концептуальных метафор в британском рок-дискурсе, который характеризуется повышенной концептуальностью, акцентом на интеллигентность, игрой слов и оттенком абсурдности. Также Т. А. Сибеева отмечает, что в «существующих на сегодняшний день исследованиях по англоязычной рок-поэзии авторы традиционно выделяют проблему одиночества, противопоставления себя окружающему враждебному миру, свободы и любви» (Сибеева, 2012: 117).

Метафоричность является одной из возможностей создания экспрессии, использование метафор приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом. Этим свойством метафоры объясняется частотность использования метафор британскими рок-поэтами. При анализе метафоры важно охарактеризовать ее роль в процессе познания мира и конструирования на основе этого познания языковой картины мира. Таким образом, метафора в данном случае понимается не только как средство создания образности, но и как одно из средств создания языковой картины мира.

Методы исследования

Выделяют четыре методики исследования метафоры (Чудинов, 2001: 65): методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии; методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии; методика исследования концептуальных метафор в дискурсе адресанта коммуникации; методика сопоставительного исследования когнитивных структур общего уровня категоризации. В нашем исследовании мы используем методику исследования концептуальных метафор в дискурсе адресанта коммуникации и ограничимся

изучением дискурса британской группы Muse, а именно их альбома «Drones» 2015 г., что позволит выявить общие и частные закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые в данном альбоме для создания нужных эмотивных ассоциаций и концептов. Модель описания концептуальных метафор, предложенная А. П. Чудиновым вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, позволяет проанализировать систему эмоционально-оценочных образов, лежащих в основе метафор альбома, а также описать их прагматический потенциал.

Научные результаты и дискуссия

«Drones» является седьмым студийным альбомом группы, который Muse выпустили в 2015 году – в нем музыканты вернулись к своему раннему звучанию, наполнив песни такими серьезными тематиками, как природные стихии, третья мировая война и технический прогресс. «В этой пластинке совсем нет любви – лишь паранойя и страх», – описал свое творение М. Беллами (Чугункина, 2015). Альбом получил премию Grammy за «Лучший рок-альбом». Альбом «Drones» является концептуальным альбомом и состоит из 12 композиций общей длительностью немногим более 52 минут, которые повествуют о судьбе главного-героя, протагониста. Разочаровавшись в любви, он решает пойти в армию, которая сломала его духовно, превратив в дрона – машину-убийцу.

Метафорическая модель «Человек – это Дрон»

6. Субсфера «Социум». Метафора игры.

Концептуальная метафора «Человек – это пешка»

Данная метафора представляет человека как пешку в руках правительства, которому нужно, чтобы общество безропотно выполняло все

приказы в соответствии с тем, чего требует система. Наглядно это можно увидеть в строках: «*I'm just a pawn / And we're all expendable / Incidentally / Electronically erased / By your / Drones!*» в песне «Reapers». Пешка – элемент игры в шахматы, довольно слабая фигура, которую не страшно потерять, следовательно, с помощью пешек можно вести хорошую борьбу, не боясь лишиться более сильных фигур. Пешка – это расходный материал: «*And we're all expendable*». Быть пешкой – значит, занимать низшее положение в иерархии, быть неспособным на совершение серьезных поступков и самостоятельные размышления. Удел пешки – подчиняться и погибать.

7. Субсфера «Артефакты». Метафора механизма.

Концептуальная метафора «Человек – это запрограммированный механизм».

Герой и общество находятся под контролем правительства, которое манипулирует людьми и держит их в страхе. Наглядно это можно проследить в песне «The Handler»: «*You were my oppressor / And I, I have been programmed to obey / Now, you are my handler*». Человек в этом случае – это механизм, запрограммированный так, чтобы следовать приказам и правилам системы.

Также в песне «Psycho» сержант-манипулятор говорит, что превратит протагониста в дрона, который будет убивать по его приказу: «*I'll turn you into a super drone / And you will kill on my command / And I won't be responsible*». Следовательно, человек и шире – общество – это машина, механизм, работающий по определенной программе: «*Your mind is just a program / And I'm a virus I'm changing the station*».

8. Субсфера «Социум». Криминальная метафора

Концептуальная метафора «Человек – это охотник».

В песне «The Globalist» Глобалист говорит о том, что назначение

величайшего человека в том, чтобы без раздумий уничтожать даже тех, кто ему дорог, что в каждом человеке генетически заложен инстинкт преследовать и убивать, инстинкт охотника: «*It's human nature / The greatest hunter / Will survive them all / With no one left to love*». Личность человека с таким отношением к миру деградирует, человек перестает придерживаться моральных ценностей, и его поступки можно охарактеризовать как антигуманные.

Метафорическая модель «Человек – это Дрон» является центральной в альбоме и объединяет в себе образы пешки, машины и охотника. Таким образом, Дрон предстает перед нами в образе существа, начисто лишённого человеческих качеств, это машина-охотник, чья единственная цель – убивать. У него нет собственного «Я», он является расходным материалом на войне и умирает тысячами, его жизнь не имеет ценности и у него нет инстинкта самосохранения. Это – уже не человек.

Метафорическая модель «Правительство – это злой гений»

1. Субсфера «Социум». Театральная метафора

Концептуальная метафора «Правительство – это кукловод».

В песне «Mersu» появляется образ кукловода, который олицетворяет правительство. Общество, контролируемое властями, находится в состоянии порабощения. Люди словно загипнотизированы и являются марионетками в руках правительства, которое, словно кукловод, дергает за ниточки, указывая людям, как себя вести: «*We're going under / Hypnotized by another puppeteer*».

2. Субсфера «Социум». Мифологическая метафора

Концептуальная метафора «Правительство – это демон».

Силы протагониста и правительства не равны. Герой пытается противостоять власти, но ему не хватает сил. Он просит

о помощи, но «люди в плащах» (правительство) пытаются поглотить его душу, поработить его, представая в образе демона/Сатаны: «*Help me, I've fallen on the inside / And all the men in cloaks / Trying to devour my soul*». Из этого следует, что правительству нужен тотальный контроль над личностью, контроль не только физический, но и духовный. В этой метафоре важно поглощение правительством именно человеческой души, как демоном или молохом в мифологии.

Метафорическая модель «Жизнь – это препятствие»

5. Субсфера «Природа». Фитоморфная метафора.

Концептуальная метафора «Жизнь – это токсичные джунгли»

В песне «Revolt» появляется образ «токсичных джунглей» («*a toxic jungle*»), который, на наш взгляд, концептуализирует идею того, что общество не просто деградирует под натиском дронов, превращаясь в дикие джунгли, оно также отравлено ложью: «*Taste earth's blood and hunger / We live in a toxic jungle / Truth is suppressed to tumbles*». Данный метафорический образ очень удачен, так как джунгли – это опасная, труднопроходимая местность, полная препятствий и тайн. Токсичность этих джунглей, как составляющая образа, усиливает метафорический образ, показывая, что люди не могут жить в таком государстве, оно несет смерть.

6. Субсфера «Артефакты». Метафора строения.

Концептуальная метафора «Жизнь – это лабиринт»

В песне «Revolt» появляется образ лабиринта: «*I can see you're trapped in a maze / Let's find a way to escape*». В лабиринте из-за хаотичности системы поворотов крайне сложно не заблудиться. Так и в жизни протагониста окружающая действительность – это огромный лабиринт, из которого сложно найти выход, но герой надеется сделать это и

справиться с натиском государственной системы.

Таким образом, жизнь в концептуальном пространстве альбома предстает как вечное препятствие (джунгли, лабиринт), которое надо преодолевать с большим риском и трудностями.

Другие концептуальные метафоры:

2. Субсфера «Социум».

Мифологическая метафора

Концептуальная метафора «Беспилотный истребитель – это смерть»

В песне «Reapers» возникает образ жнецов. Название песни является отсылкой к названию разведывательно-ударного беспилотного летательного аппарата «MQ-9 Reaper»: «MQ-9 Reaper (/ˈɡiːrə/, с англ. — «жнец, жатка»; намёк на выражение Grim Reaper — «мрачный жнец», т.е. смерть)». Жнец в мифологии – это дух смерти, который забирает людские души после смерти и сопровождает их в последнем пути. В этом тексте жнецы – это истребители правительства, оружие, которое, как мифологический жнец, собирает урожай мертвых: «*You kill by remote control / The world is on your side / You've got reapers and hawks babe*».

3. Субсфера «Природа». Зооморфная метафора

Концептуальная метафора «Беспилотный истребитель – это ястреб»

Правительство контролирует мир дистанционно, с помощью дронов и специального оружия. Помимо жнецов («reapers»), у него есть ястребы «hawks» – название американского стратегического разведывательно-ударного беспилотного летательного аппарата «RQ-4 Global Hawk». От дронов невозможно скрыться: рано или поздно, как ястребы-охотники, они найдут и убьют тебя: «*You've got reapers sand hawks babe / (you can run but you're never gonna hide) / Now I am radicalized / (you can run but you're never gonna hide)*».

4. Субсфера «Природа». Метафора «Неживая природа»

Концептуальная метафора «Надвигающаяся война – это гром»

В песне «Revolt» возникает образ грома, который является предвестником надвигающейся войны: «*Can you hear a distant thunder?*» Это война протагониста, решившего поднять восстание против правительства и дронов. Гром уже слышится, хотя и отдаленно, значит, пришло время для того, чтобы бороться с разрушительной силой дронов – помощников правительства.

5. Субсфера «Социум». Экономическая метафора

Концептуальная метафора «Свобода – это заём»

В песне «Revolt» говорится о том, что свобода дана людям в залог: «*Our freedom's just a loan / Run by machines and drones*». Свобода в контексте данной песни понимается как ценность, которая находится во власти правительства и остается у людей только до тех пор, пока они выполняют все требования системы. Правительство же выступает в роли своеобразного кредитора, который располагает властью в нужный момент забрать эту свободу. Данная метафора является весьма значимой в контексте западных демократических ценностей. Свобода выступает как высшая ценность, наряду с жизнью, она неприкосновенна и может принадлежать только индивиду. Лишение свободы рассматривается как величайшая трагедия, а тот факт, что свобода выбора, свобода распоряжаться своей судьбой находится в руках у другого лица (в данном случае, банка) рассматривается как покушение на сами устои демократического общества. Таким образом, данной метафорой показывается антигуманный и антидемократический характер общества.

6. Субсфера «Социум». Театральная метафора

Концептуальная метафора «Дроны – это призраки и тени»

Протагонист ищет спасения от правительственных дронов, не желая подчиняться. В песне «Mercy» звучат строки: «*Only seem to run the show / Save me from the ghosts and shadows*», в которых проводится мысль о том, что дроны – это нечто страшное, сравнимое с призраками и тенями, которые поглощают душу человека, делая его подобием безликой машины. Призраки и тени – элементы театрализованного действия, шоу-постановки. Данной метафорой подчеркивается иллюзорность, театральный характер происходящего, действие разворачивается как в драматической пьесе.

7. Субсфера «Артефакты». Метафора механизма

Концептуальная метафора «Враг – это машина»

В песне «JFK» показано, что враг в лице правительства атакует общество нечестными способами: «*On infiltration instead of invasion / On subversion instead of elections / On intimidation instead of free choice / On guerrillas by night instead of armies by day*». Также прослеживается идея того, что враги, которые управляют миром, представляют собой своеобразную машину: «*It is a system which has conscripted / Vast human and material resources / Into the building of a tightly knit / Highly efficient machine*». Представляя врага в образе машины, лишенной человеческих черт, дегуманизируя врага, человек находит в себе силы противостоять ему. Он не испытывает жалости и сострадания к врагу, который не является человеком.

Классифицируем данные метафоры согласно методике А. П. Чудинова по субсферам и типам (табл. 1).

Таблица 1

Субсферы и типы концептуальных метафор в альбоме группы Muse «Drones»

Table 1

Subspheres and types of conceptual metaphors in the album “Drones” by Muse

№	Метафора	Субсфера	Тип метафоры
Метафорическая модель «Человек – это дрон»			
1.	«Человек – это пешка»	социум	метафора игры
2.	«Человек – это запрограммированный механизм»	артефакты	метафора механизма
3.	«Человек – это охотник»	социум	криминальная
Метафорическая модель «Правительство – это злой гений»			
4.	«Правительство – это кукловод»	социум	театральная
5.	«Правительство – это демон»	социум	мифологическая
Метафорическая модель «Жизнь – это препятствие»			
6.	«Жизнь – токсичные джунгли»	природа	фитоморфная
7.	«Жизнь – это лабиринт»	артефакты	метафора строения
Другие концептуальные метафоры:			
8.	«Беспилотный истребитель – это смерть»	социум	мифологическая
9.	«Беспилотный истребитель – это ястреб»	природа	зооморфная
10.	«Надвигающаяся война – это гром»	природа	неживая природа
11.	«Дроны – это призраки и тени»	социум	театральная
12.	«Враг – это машина»	артефакты	метафора механизма
13.	«Свобода – это заём»	социум	экономическая

Таким образом, нами было выделено тринадцать концептуальных метафор. Далее целесообразно рассчитать процентное соотношение

метафор, принадлежащих к разным субсферам и их типам с целью выявления их частотности (см. табл. 2).

Таблица 2

Процентное соотношение субсфер и типов метафор в альбоме Muse «Drones»

Table 2

The percentage ratio of subspheres and types of metaphors in the album “Drones” by Muse

Субсфера	%	Тип метафоры	%
социум	54%	театральная	15,5%
		криминальная	7,7%
		мифологическая	7,7%
		экономическая	7,7%
		живая природа	7,7%
		метафора игры	7,7%
природа	23%	зооморфная	7,7%
		неживая природа	7,7%
		фитоморфная	7,7%
артефакты	23%	метафора механизма	15,3%
		метафора строения	7,7%

Субсфера «Социум» является ведущей в альбоме (54%). Преобладание метафор, относящихся к данной субсфере, объясняется социальным

характером альбома, раскрывающем проблему существования общества в условиях военной диктатуры. Метафоры субсферы «Артефакты» составляют 23%

всех метафор. Концептуальные метафоры этой субсферы, в частности «метафора механизма», составляют одну из основных метафорических моделей со сферой-источником «Машина» и направлены на создание образа государства-машины и человека-машины, они подчеркивают неестественный характер данных сфер-мишеней. Метафоры субсферы «Природа» (23%), несмотря на используемые образы животных, олицетворяют оружие. Метафоры субсферы «Человек» не обнаружены. Это подтверждает высказанную ранее мысль о том, что люди и их состояние не значимо в обществе, описанном в текстах альбома, это общество не ориентировано на человека и не представляется как живой организм.

На первом месте по частотности в альбоме находится «метафора механизма» и «театральная метафора» – 15,5%. Это основные метафоры в альбоме, так как они отражают то, что система в описываемом государстве – это механизм, а люди и дроны – своего рода машины, управляемые руками правительства. «Театральная» метафора свидетельствует о постановочности, абсурдности происходящих событий в альбоме. Их роль состоит в описании ситуации и атмосферы, в которой существует общество. По 7,7%, насчитывают следующие метафоры – «метафора игры», «зооморфная», «мифологическая», «метафора строения» и «экономическая», «живая природа», «фитоморфная», «неживая природа», «криминальная». Они представлены единичными примерами.

Отметим, что метафоры в альбоме «Drones» ориентированы на сферу-мишень. При ориентации на сферу-мишень выстраиваются целые ряды метафорических обозначений. Так, например, человек представляется как дрон (пешка, запрограммированный механизм, охотник), правительство

выступает в образе злого гения (демон, кукловод), жизнь воспринимается как препятствие (токсичные джунгли, лабиринт).

К наиболее часто концептуализируемым сферам-мишеням относятся «человек», «правительство» и «жизнь». Также в рамках выделенных нами метафор есть и такие, которые не являются частотными, но раскрывают важные моменты, связанные с концепцией альбома. Так, дроны – это призраки и тени, которые преследуют людей; надвигающаяся война – это гром, пугающий и выступающий предвестником опасности; оружие – это хищные птицы, несущие смерть, а враг – машина, обезличенный и бездушный механизм, убивающий всё, что не подчиняется его требованиям.

Выводы

Итак, альбом «Drones» – это альбом, тексты которого взаимосвязаны логически, тематически и последовательно. В основе альбома – конфликт главного героя с дронами – автоматизированными бесчувственными существами. По словам Мэттью Беллами, «дроны являются своего рода метафорой, порождением современных передовых технологий, отчуждающих человека от мира чувств и наделяющих его бесконечной потребностью убивать» (Мкртчян, Шепелев, 2016: <http://>). Тема войны в альбоме является одной из основных. В данном случае война – это борьба духовных, чувствующих людей против бездуховных людей-дронов, которые становятся оружием, более угрожающим, действующим в масштабах всего человечества.

Таким образом, альбом «Drones» – это концептуальный альбом о жизни общества, контролируемого правительством антигуманными способами. В текстах альбома поднимаются актуальные для современности темы ограничения свободы общества и отдельного человека; протеста против

тоталитарной системы и превышения полномочий властями. Одну из основных позиций в альбоме занимает тема борьбы с дронами и её влияния на отдельную личность и общество в целом. Абсурдность происходящего и сумасшествие окружающего мира – еще одна из проблем альбома, поднимаемая в том числе и в других текстах британской рок-поэзии (например, Pink Floyd «the Wall»).

Анализ концептуальных метафор и метафорических моделей в альбоме Muse «Drones» позволил обозначить следующие темы и особенности, в той или иной степени характерные для британской рок-поэзии:

- тема протеста;
- абсурдность;
- милитаристский уклон;
- социальная проблематика;
- метафоричность;
- демонизация;
- осмысленность текстов и

тенденция к созданию концептуальных альбомов.

Список литературы

Авдеенко И. А. Проблемы определения понятия «русская рок-поэзия» в литературоведении и языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №8(74). Ч. 1. С. 54–57.

Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Буйнов И. А. Эстетическая концепция рок-поэзии // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2010. №2. С. 11–16.

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 180–190.

Ворошилова М. Б. Звезда по имени Солнце: Креолизованная метафора как инструмент анализа рок-композиции // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2013. Вып. 14. С. 127–134.

Доманский Ю. В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. М.: Intrada, 2010. 230 с.

Ерёмин Е.М. Царская рыбалка, или Стратегии освоения библейского текста в рок-поэзии Б. Гребенщикова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 276 с.

История группы Muse. URL: <https://amdm.ru/akkordi/muse/wiki/> (Дата обращения: 09.12.2018).

Козицкая Е. А. «Чужое» слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. С. 55–62.

Кузлин Э.Дж. Майк Науменко и английские рок-тексты // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2013. Вып. 14. С. 110–118.

Мкртчян Т. Ю., Шепелев А. И. Вербальная репрезентация концепта «war» в рок-дискурсе (на материале альбома группы Muse «Drones») // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2016/01/13883> (дата обращения: 10.12.2018).

Никитина О. Э. Образы птиц в рок-поэзии Б. Гребенщикова: Комментированный указатель // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. С.40–53.

Плотницкий Ю. Е. Пространство англоязычного песенного дискурса / Язык в пространстве и времени: Тезисы и материалы международной научной конференции 29–30 октября 2002 г. Часть 1. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. С. 182–185.

Сибеева Т. А. Вариативность английского языка при изучении языковой картины мира в рок-дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 01. Том 7. С. 113–120.

Хуттунен Т. «Невы Невы»: Интертекстуальное болото Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2007. Вып. 9. С. 283–298.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.

Чугункина В. Лидер Muse Мэттью Беллами: «У нас был выбор – спиться или заниматься музыкой. Выбрали второе» // Hello, 2015. № 6. URL: <https://ru.hellomagazine.com/zvezdy/intervyu-i-video/10228-lider-muse-mettyu-bellami-u-nas-byl-vybor-spitsya-ili-zanimatsya-muzykoy->

vybrali-vtoroe.html (дата обращения 09.12.2018).

Шинкаренкова М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: Дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 314 с.

Lakoff, G. and Johnson, M. (2003), *Metaphors we live by*, University of Chicago Press, Chicago, IL.

Muse. Тексты песен. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/muse.html> (Дата обращения: 09.12.2018).

References

Avdeenko, I. A. (2017). "The problems of definition of the notion "Russian rock poetry" in literary criticism and linguistics", *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8(74), 54-57. [in Russian].

Arutyunova, N. D. (1990). "Discourse", in Yartseva V. N. (ed.), *Encyclopedic Dictionary of Linguistics*, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 136-137. [in Russian].

Buinov, I. A. (2010). "The aesthetic concept of domestic rock poetry", *Vestnik MGPU im. M. A. Sholohova*, 2, 11-16. [in Russian].

Voroshilova, M. B. (2006). "Creolized texts: aspects of study", *Political Linguistics Journal*, 20, 180–190. [in Russian].

Voroshilova, M. B. (2013). "The star called the Sun: Creolized metaphor as a tool for studying rock poetry", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*, 14, 127-134. [in Russian].

Domanskiy, Yu. V. (2010). *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: Text and context], Intrada, Moscow, Russia. [in Russian].

Eryomin, E.M. (2011). *Tsarskaya rybalka, ili Strategii osvoeniya bibleiskogo teksta v rok-poezii B. Grebenshnikova* [Royal fishing, or strategies of citing Biblical texts in the rock poetry by B. Grebenshnikov], Izdatel'stvo BGPU, Blagoveshensk, Russia. [in Russian].

"The History of the band "Muse", available at: <https://amdm.ru/akkordi/muse/wiki/> (Accessed 09 December 2018). [in Russian].

Kozitskaya, E. A. (1998). The "foreign" word in Russian rock poetry, *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*, 1, 55-62. [in Russian].

Quelin A. G. (2013). Mike Naumenko and English rock-texts, *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*, 14, 110-118. [in Russian].

Mkrtchyan, T. Yu. and Shepelev, A. I. (2016). Verbal representation of the concept «war» in rock discourse (based on the album «Drones» of the band Muse), *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Online], 1, available at: <http://human.snauka.ru/2016/01/13883> (Accessed 10 December 2018). [in Russian].

Nikitina, O. Je. (1998). Images of birds in the rock poetry by B. Grebenshnikov: Commented index, *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*, 1, 40–53. [in Russian].

Plotnitskiy, Yu. E. (2002). The area of English song discourse, *Yazyk v prostranstve i vremeni* [The language in time and space], Samara, Russia, 182-185. [in Russian].

Sibaeva, T. A. (2012). Variation of the English language in the study of the language word picture in rock-discourse, *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 01(7), 113-120. [in Russian].

Huttunen, T. (2007). Neva's Nevas: The intertextual swamp of B. Grebenshnikov. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*, 9, 283-298. [in Russian].

Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in the mirror of metaphors: cognitive research of political metaphors (1991-2000)]. UrGPU, Ekaterinburg, Russia. [in Russian].

Chugunkina, V. (2015). The frontman of Muse Matthew Bellamy: We had a choice – to take to drink or to take to music. We chose the latter. *Hello* [Online], 6, available at: <https://ru.hellomagazine.com/zvezdy/intervyu-i-video/10228-lider-muse-mettyu-bellami-u-nas-byl-vybor-spitsya-ili-zanimatsya-muzykoy-vybrali-vtoroe.html> (Accessed 09 December 2018). [in Russian].

Shinkarenkova, M. B. (2005). Metaphoric modelling of fiction in the discourse of Russian rock poetry. PhD Thesis. 10.02.01. The Russian Language, UrGPU, Yekaterinburg, Russia. [in Russian].

Lakoff, G. & Johnson, M. (2003). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, Chicago, IL. [in English].

Muse. The lyrics. Available at: <https://www.azlyrics.com/lyrics/muse.html> (Accessed: 09 December 2018). [in English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Чистова Софья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт

(филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета).

(филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета).

Sophia S. Chistova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Nizhni Tagil State Socio-pedagogical Institute, Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg).

УДК 81-26

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-7

Шунейко А.А.¹
Чибисова О.В.²

Неэгоцентричность как характеристика масонских текстов

¹ Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина, 27, Комсомольск-на-Амуре 381013

Россия

E-mail: a-shuneyko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5467-2214

² Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина, 27, Комсомольск-на-Амуре 381013

Россия

E-mail: olgachibisova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2709-2465

Статья поступила 17 января 2019 г.; Принята 20 февраля 2019 г.; Опубликовано 31 марта 2019 г.

Аннотация: Настоящая статья посвящена специфическим особенностям текстов, составленных масонами только для «внутреннего пользования» или для широкой публики, на протяжении более трех веков. Актуальность темы исследования определяется рядом взаимосвязанных положений теоретического и прикладного характера, которые до настоящего времени в рамках языкознания не получили последовательной интерпретации. Целью исследования является обнаружение и экспликация специфических черт масонских текстов, характеризующих специфику восприятия их авторами масонских доктрин. Осуществление цели достигается при помощи текстового анализа, заключающегося в сегментации текста на самостоятельные в содержательном отношении фрагменты и позволяющего эксплицировать семантику текста или его отдельного сегмента. В результате анализа была сформулирована авторская дефиниция масонских текстов и описаны их центр и периферия, различающиеся между собой степенью полноты и достоверности реализации масонской картины мира. Авторы выделили основную характеристику масонских текстов – их неэгоцентричность, способствующую предельной абстракции категорий лица, места и времени. Благодаря этому масонский текст напрямую практически не координируется с реальным (материальным) планом существования своих авторов и адресатов. В статье приведено большое количество примеров из древних и современных масонских текстов, демонстрирующих тот специфический вид, который семантика трех базовых категорий приобретает в центре масонского текста. Неэгоцентричность текста придает универсальный статус содержащейся в нем информации, которая становится применимой к любой личности, любому времени и пространству.

Ключевые слова: масонский текст; центр; периферия; неэгоцентричность; лицо; место; время

Для цитирования: Шунейко А. А., Чибисова О. В. Неэгоцентричность как

характеристика масонских текстов // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 73-84. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-7

Alexander A. Shuneyko¹
Olga V. Chibisova²

Non-egocentricity as a characteristic of Masonic texts

¹ Komsomolsk-on-Amur State University
27 Lenin St., Komsomolsk-on-Amur 681013
Russia

E-mail: a-shuneyko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5467-2214

² Komsomolsk-on-Amur State University
27 Lenin St., Komsomolsk-on-Amur 681013
Russia

E-mail: olgachibisova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2709-2465

Received 17 January 2019; Accepted 20 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract. The article deals with the specific features of texts compiled by masons only for “internal use” or for the general public for more than three centuries. The relevance of the research topic is determined by a number of interrelated provisions of a theoretical and applied nature, which so far have not received a consistent interpretation within the framework of linguistics. The aim of the research is to detect and explicate specific features of the Masonic texts, which characterize the specificity of their perception of the Masonic doctrines. The goal is achieved through the textual analysis, which consists in segmentation of the text into independent fragments of meaningful content for explicating the semantics of the text or its individual segment. As a result of the analysis, the authors’ definition of Masonic texts was formulated and their center and periphery were described as differing from each other by the degree of completeness and reliability of the realization of the Masonic worldview. The authors identified the main characteristic of Masonic texts – their non-egocentricity, which contributes to the maximum abstraction of the categories of person, place, and time. Due to this, the Masonic text is not coordinated directly with the real (material) plane of its authors and recipients’ existence. The article contains a large number of examples from ancient and modern Masonic texts, demonstrating the specific form that the semantics of the three basic categories acquire in the center of the Masonic text. Non-egocentricity of the text gives the universal status to the information contained in it, which becomes applicable to any person, any time and space.

Key words: Masonic text; centre; periphery; non-egocentricity; person; place; time.

How to cite: Shuneyko, A. A. and Chibisova, O. V. (2019). Non-egocentricity as a characteristic of Masonic texts. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 73-84, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-7

Introduction

The semiotic perception of the term ‘Masonic text’ assumes an object that is voluminous and heterogeneous due to the nature of the signs organizing it. It includes a large number of *non-verbalized texts* (various images, emblems, furnishings and architectural details, elements of masonic attire and the decoration of masonic lodges, gestures, stamps, signs of the lodges, jewelry); *partially verbalized* (rites and rituals) and *verbalized texts*. In this study, attention is focused on verbalized texts, that is, on texts in the linguistic sense of the word: “<...> a result of a speech-making process that has completeness, objectified in the form of a written document, literally processed according to the type of this document” (Halperin, 2007: 18). The remaining types of texts are considered only as a background to emphasize their common features.

The textual heritage of Masons is large and diverse. It includes diplomas and certificates, diaries and memoirs, original and translated books and articles, official and unofficial correspondence, official reports, rituals or acts regulating the work of Masonic lodges, patents and constitutions of various Masonic lodges, minutes of meetings of lodges, speeches and lectures, lists of lodge members, statutes and laws of various hierarchical structures of Freemasonry (Vernadsky, 2001: 11-22), as well as poetic texts of Masons. This diversity, presented here only nominally and at the level of generic characteristics, shows that the texts refer to different genres, and, therefore, it is problematic to detect a single invariant trait in all of them.

Analytical (or actually scientific) identification of the features of an object which seems empirically obvious often presents great difficulties, as Ts. Todorov demonstrated by the example of the concept ‘literature’ (Todorov, 1983). This is also evidenced by numerous studies of textual genres conducted with the methods of various sciences. Among them there are the

following works. P. Petrenz and B. Webber (Petrenz and Webber, 2011) work on developing a stable classification of text genres based on the changing topic-genre distribution. T. V. Shmeleva (Shmeleva, 2018) analyzes the interaction and interpenetration of the genres used in the modern media sphere, as a result of which they are ‘condensed’. C. Pérez-Llantada (Pérez-Llantada, 2009) describes a model for discourse analysis which includes a genre perspective, a textual perspective, and a social perspective. A group of authors proposes their own way (Feldman, Marín, Medero and Ostendorf, 2009) to solve the problem of text classification using part-of-speech histograms and argue that the factored models allow finer-grained genre representing. Methods for automatic text classification by functional styles are developed (Ermakova, Abashev, Nikitin and Ushakov, 2014).

The same difficulties arise in defining the notion of a ‘Masonic text’.

Results and Discussion

In thematic respect, the Masonic text is an independent text (or a segment of a larger text), the content of which is consciously oriented by the author to the value system of Freemasonry. In a different terminological system: a Masonic text is such an independent text, a segment of the text, the entire set of texts (depending on the breadth of the problem) in which the Masonic language picture of the world or its part is consistently implemented. At that the whole language picture or its part neither is subject to a predominantly negative assessment nor is the result of scientific understanding proper. An obvious characteristic can be added here, according to which the source of the textual information, as a rule, is a Mason, but the receiver of information is not necessarily a Mason (the text can be very broadly addressed). An example of such texts are the freemasons’ architectural works, as “central to the process of becoming and being accepted as a freemason is the preparation,

presentation and discussion of short essays or ‘planks’ on a predetermined topic” (Poulet, 2010: 795). At the same time, they are posted on the websites of the Masonic lodges in sections designed for universal access, or issued in special publications, such as “Masonic Research in South Australia”. As one of the publishers of the magazine T. Pope put it: “knowledge that is not recorded is eventually lost” (Pope and Thompson, 1990-1995: 5).

In cases with the production of anti-masonic texts by former Freemasons, their attribution is determined by the evaluation plan implemented in the text, taken into account in the definition. It seems that such a definition can sufficiently perform an identifying function and allows taking into account a wide variety of existing Masonic texts.

However, such a definition, requiring an adequate knowledge of the Masonic picture of the world, is not sufficient and does not reveal the actual linguistic features of the object. In order to supplement and specify it, at the initial stage it is necessary to introduce two clarifying restrictions.

The first is connected with the fact that the Masonic text has the center and periphery, which differ in the degree of completeness and reliability of the Masonic world view. Another difference is the concentration of attention only on it or on other objects associated with it too. In the center the stress is set only on the picture of the world and its full reproduction. The periphery assumes other objects of attention and a fragmentary reproduction of the picture of the world. The semantic content and the communicative purposes of these texts differ significantly. For example, a ceremonial directly implements a picture of the world and only its center. The list of the lodge members can only indirectly indicate it if it contains the positions of brothers, and has a different target (periphery). A specific epistolary document, depending on the primary theme of the story, will occupy an intermediate position between the two.

Thus, in the framework of the classification proposed by A. I. Serkov, – (1) educational Masonic literature; (2) essays written only for “brothers”; (3) works intended “for the public”; (4) pseudo-masonic compositions; (5) Masonic literary criticism (Serkov, 1999: 174) – positions 1 and 2 will relate to the center, 4 and 5 will belong to the periphery, position 3 will occupy an intermediate place, and the above listed texts will be distributed in the center and periphery depending on their specific implementations.

The second restriction is related to the fact that the Masonic text is one of the manifestations of mystical discourse, a feature of which is formulated by Charles W. Morris: “Insofar as discourse is based on analytic implicates, it is analytic formative discourse; and insofar as it is based on contradictory implicates, it is contradictory formative discourse. Mathematical discourse often (or always) is of the former sort, and mystical discourse is often (or always) of the second sort” (Morris, 1971: 412).

Next comes the discussion of the linguistic features of Masonic text’s center as a representative of the mystical discourse.

In order to formulate the linguistic peculiarity of the Masonic text in the above understanding, it is necessary to refer to the idea of egocentric words. In linguistics and semiotics, this term refers to signs (Shuneyko and Chibisova, 2016), which, performing the function of location, carry out and determine coordination between the source of information, text and medium in the personal, spatial and temporal planes; for example, *I – here – now*.

The presence of egocentric words in the text results in the fact that it appears to be defined with a sufficient (more or less high) degree of clarity in spatial, temporal and personal relations. It can be a letter with its special details denoting the author, time and place of writing. Most of the texts contain egocentric words and therefore can be called egocentric texts.

The texts of all functional styles are egocentric. In the artistic text the coordination gets complicated, but still it is present in the overwhelming majority of cases. The egocentric nature of the texts is manifested in the fact that the receiver can always define what time and spatial intervals the reported information relates to and by whom it is produced. Moreover, in one text, as a rule, there are several coordinations, and the markers themselves can be implicit or explicit. For example, the ironic lines of I. Irtenev from "Imitations of the Ancients" "The same old man imparted that Masons are to blame for everything. // For something, comrades, yes, but far from everything" are coordinated with reality in such a way: they have two parties – the author and a generalized image of a person, belonging to the older generation; the same time – the years of perestroika and the single space – Russia.

Masonic texts can be classified as non-egocentric, that is, those for which egocentric words prove to be irrelevant. The latter is shown in the fact that even if such a text exists (because it is hard to imagine a text devoid of designations of a person, adverbial modifiers of place and time), the egocentric words in it do not function as specifiers, they do not clarify the content of the three categories mentioned. The semantics of egocentric words turns out to be extremely abstract (blurred). The information reported in the Masonic text is presented as existing outside the categories of authorship (source, person), time and place. It is placed in a non-localized, metaphysical plane.

Let us illustrate this position with examples of catechisms of various Masonic lodges. One of the definitions of the word "catechism" is given by Dr. John S. Nagy: "A word whose first recorded use was in 1502, rooted in French by way of Latin and originating in Late Greek with the following meaning: to teach by word of mouth. <...>. It is a book or manual of basic instruction giving a brief summary of the basic

principles of a subject, usually by means of rote, formulaic statement or repetition in question and answer form" (Nagy, 2009: V). Note that the genre of the catechism is customary for Masons and is perceived by them as a monument to the preceding esoteric tradition, on which they are oriented. Suffice it to say that the creation of the first one dates back to 1696, this is "The Edinburgh Register House MS". According to H. Carr, the first ten Masonic catechisms also include "The Chetwode Crawly MS." (1700), "The Sloane MS., 3329" (1710), "The Domfries No. 4 MS." (1710), "the Trinity College Dublin MS." (1711), "A Mason's Examination" (1723), "The Grand Mystery of Free-Mason's Discover'd" (1723), "The Whole Institution of Masonry" (1724), "Institution of Free-Masons" (1725), "The Whole Institutions of Free-Masons Opened" (1725) (Carr, 1946: 5). The following is an example from the catechism "The Edinburgh Register House MS": "Q 1. Are you a mason? – Yes" (Carr, 1946: 9); "Q 2. How shall I know it? – You shall know it in time and place convenient / By signs tokens and points of my entry" (Carr, 1946: 10); "Q 3. What is the first point? – Tell me the first point ile tell you the second" (Carr, 1946: 11).

Currently, the catechism tradition is observed on all Masonic sites in sections "Frequently Asked Questions": "What is Freemasonry? – Freemasonry means different things to each of those who join. <...>. Why do Freemasons take oaths? – New members make solemn promises concerning their behaviour both in the Lodge and in society. <...>. Why do you wear regalia? – Wearing regalia is historic and symbolic. Like a uniform, the regalia indicates the rank of the wearer in the organisation" (United Grand Lodge of England).

Catechism texts contain all three groups of egocentric words that name a person, a place, and a time, but the location of textual semantics, thanks to these words, is carried out in a peculiar way.

Place Name: “I: Where might we read about the Almighty Wisdom, Strength and Beauty? – R: It is alluded to by what is held atop a Pillar found on the Porch of King Solomon’s Temple. – I: To what does it allude? – R: To the Heavens Above, where we find Almighty Wisdom, Strength and Beauty when we seek it” (Nagy, 2009: 53). The place in this case is named and characterized, but not localized, because ‘the porch of the Temple of King Solomon’ and ‘Heaven Above’ are extremely abstract areas, which together cover almost the whole space, which is close to ‘everywhere’.

The name of time can be traced in the following poem:

“When is a Man a Mason?

M – When no voice of distress reaches his ears in vain, and no hand seeks his aid without response.

A – When he finds good in every faith that helps any man to lay hold of divine things and sees majestic meanings in life, whatever the name of that faith may be.

S – When he can look into a wayside puddle and see something beyond sin.

O – When he knows how to pray how to love how to hope.

N – When he has kept faith with himself, with his fellowman, with his God; in his hand a sword for evil, in his heart a bit of song – glad to live, but not afraid to die!” (North Raleigh Masonic Lodge)

Time in this case is named and characterized, but not localized, because it is indicated by reference to a relative point, the presence of which can only be manifested through the accomplishment of a specific action. The performance of a specific action in the temporal plane is not localized either. Taken together, this allows perceiving the category of time through the characteristic ‘always’ or ‘at any moment’, provided certain actions are taken.

Face names are most frequent in the catechism: “A Mason is not necessarily a member of a lodge. In a broad sense, he is any person who daily tries to live the Masonic life, and to serve intelligently the

needs of the Great Architect” (The Masonic Trowel). The person in this and other cases is named and characterized, but not localized. General semantics of it: ‘any person who responds to the combination of the listed characteristics’ or ‘anyone’.

It is noteworthy that nonlocalized names of a person, place and time periodically fall into the positions in which they define each other: “33. How is the Meridian found out? A. When the Sun leaves the South, & breaks in at the West End of the Lodge” (The Masonic Trowel).

“40. When will all labour and toil stop? – When there is *not a single will on the Earth* that does not completely surrender to God; when the golden age, which God wants to reestablish in his small chosen people first internally, will spread *everywhere* and appear externally, and when *the realm of nature* itself will be freed from curses and return to the heart of the Sun” (Longinov, 1867: 466). The non-localized relative time in this case is determined through a non-localized place (on the Earth, everywhere, the realm of nature, the heart of the Sun) and a non-localized person (not a single will). This emphasizes the unified invariant characteristic of categories, asserts and increases the degree of abstractness of their implementation.

Thus, the categories of person, place and time in the Masonic text are extremely abstract. Thanks to this, the Masonic text is not directly coordinated with the real (material) plane of its authors’ and recipients’ existence. The absence of this coordination is related straight to the fact that the ideological doctrine of the Masons suggests the concept of internal self-improvement, and it is rather difficult to express the categories of the individual’s spiritual work through specific concepts of traditionally perceived time and space.

The traditional egocentric words ‘I’, ‘here’, ‘now’ in the space of the Masonic text are replaced by ‘everyone’, ‘everywhere’, ‘always’. It should be emphasized that such universal abstractness

in coordination with reality may also be present in segments of non-Masonic texts, for example, the Ten Commandments. But it is in the center of the Masonic text that the universal abstractness becomes a dominant feature and trait that is characteristic of the text as a whole, and not of its component.

Varying the methods of removing temporal, spatial and personal localization in the Masonic text, that is, choosing between (1) eliminating specific coordinates from the text and making them extremely abstract, or (2) replacing specific coordinates in relation to this segment of the story with several coordinates, depends on the tradition in which the text is created, the targeted orientation of the text and the narrative of the author.

Masonic texts almost always contain Masonic symbols, but the coordination of text and Masonic symbols acquires qualitatively and quantitatively different forms.

It is significant that the mere existence of Masonic terminology and symbolism cannot be perceived as an identifier of the Masonic text, since they are also attributes of the historical studies of Freemasonry and anti-masonic writings. Anti-Masonic essays, assuming the outward form (mainly transformed terminology) of the Masonic ones, are all egocentric texts already because their narrative is always localized to describe a certain group of people at a certain time. For example, “The Mystery of the Anti-absurd Society, discovered by a non-participant in it”, by Catherine II (or attributed to her) (Catherine II, 1990) contains attempts to burlesque non-egocentricity: “This society originated at the very time in which the general mind entered the light. Its mystery would be revealed to a very small number of mortals, in retaliation of their hardness, with which they stuck to the direct discourse. The ruling lodge is on the mountain of truth lying north of the jokes' mountain. It has always been there” (Catherine II, 1990: 111). But these attempts directly indicate that parodists are aware of

the presence of these features and are in the context of the narration, which is defined in personal, temporal and spatial terms. “But the initiation into the ‘masters’ is furnished with as extraordinary as silly solemnity. The hall where the ceremony takes place is covered with black materials; the dead heads (skulls) stand on the tables. In the hall they open the coffin of ‘Hiram’, on which with a special ritual a new master is seated. <...>. After a handful of lycopodium (sic!) has been burned in a special pipe, the new master declares that he is already sufficiently enlightened by the light of the ‘third room’” (M.A.G., 1912: 9). The presence of a negative evaluation field is essential for anti-mason texts.

Interestingly, the work of S. Prichard “Masonry Dissected” is widely known as an anti-mason pamphlet, especially since the author himself admits that he “was induced to publish this mighty Secret for the public Good at the Request of several Masons, and it will, I hope, give entire Satisfaction, and have its desired effect in preventing so many credulous Persons being drawn into so pernicious a Society” (Prichard, 1730). At the same time, H. Bogdan casts doubt on the fact that there were Masons who wanted to publish their “mighty Secret” to stop people from enrolling in their “pernicious” society. He claims that “the obvious result of Prichard’s text is the establishment of the three degrees and their related rituals. Since there were no official ritual handbooks at this time – all rituals were supposed to be learned by heart – what better way might there be of implementing a new degree than by making it readily available through its publication?” (Bogdan and Snoek, 2014: 294).

In the Masonic texts themselves, direct nominations of Masonic symbols may be absent, being replaced by their descriptive fixation, or present in single cases. For example: Robert Burns, who was a Mason all of his adult life and Senior Warden of Lodge St. Andrew, Dumfries when he died (Grand Lodge of Scotland), in his poem “A

Man's A Man for A 'That' did not use any direct designations of Masonic symbols. In the article from the Moscow Monthly Edition (No. 4, 1781) "On the main reasons relating to the increment of arts and sciences" there is only one Masonic symbol – liberty (Novikov, 1951: 414–416). But in all these cases, the features of non-egocentricity are represented. Robert Burns did it by representing the surreal modal plan, including dreams in the present about the future, addressed to past experience with the uncertainty of the place: "Then let us pray that come it may, // (As come it will for a' that,) // That Sense and Worth, o'er a' the earth, // Shall bear the gree, an' a' that. // For a' that, an' a' that, // That man to man, the world o'er, // Shall brithers be for a' that" (Grand Lodge of Scotland).

N. I. Novikov did it by stating a general abstract provision "The long-term state gives sciences a chance to come to perfection; they thrive on liberty" (Novikov 1951: 415), supported by an example from history and acquiring the status of a thesis that applies to all times, individuals and spaces. It is noteworthy that the author's category of a person expands so as to include objects from the animal world: "In a state where natural freedom reigns, the elephant is revered as a citizen, and the beaver is an architect" (Novikov, 1951: 415). In the latter case, the Masonic ideas about man as an intermediate link between God and the animal world, natural law as the basis of harmonious coexistence, and extremely abstract (or absent) personal coordinate of the text are realized simultaneously.

Summarizing what has been said about Masonic texts and emphasizing that the findings are the result of analyzing a large number of texts, we can formulate the following definition: a Masonic text in the linguistic sense of the word as a representative of mystical discourse is an independent text (or a segment of a larger text), the contents of which are consciously oriented by the author on the system of

Freemasonry values, which is not subject to a predominantly negative assessment. In terms of language, this orientation is manifested in the fact that the text acquires the stable features of a non-egocentric text, that is, its content is non-localized in personal, temporal and spatial relations.

At the same time, it is essential that in the center of the Masonic text the semantics of the three basic categories takes on a specific form.

Category of person:

1. It can be removed altogether, which happens in the cases traditional for Freemasonry when the narrators are anonymous without individually manifesting themselves or in the cases where the described objects are abstract categories and the actor is not mentioned. In such texts there is neither a narrator, nor a person-subject, that is, the personal coordinate is simply absent. H. F. W. Hard describes the "North Star Program", aimed at helping prospects know what they are getting involved into and lodges realize who they are accepting, as follows: "No specific author is attributed to the North Star Program, so the document takes on the quality of a religious text or some other kind of official document, wherein the contents transcend any one man's pen" (Hard, 2018: 35).

2. It can take a very abstract character, embodying the meaning of 'any person'. According to B. Raschke, the arcanum, created for the work of the Order of the Happy Hermits (1739-1758) runs, that "After a short session one would go for dinner into another of the four hermitages. One would place the members of the Order around the table <...>. One could distinguish the four hermitages according to the four principal divertissements of the Order <...>. During the stay of the court at Fredericwert, one will have one circle or one meeting of the Order every week" (Raschke, 2008: 35).

In the 20th century, the direct verbalization of the egocentric category 'I'

is represented, for example, in the texts of A. Bely, a writer whose oeuvre in its particular part is focused on Freemasonry (Silard, 2015: 204–225): “<...> we go from ourselves, like an insignificant grain of life, to ourselves, as Adam Kadmon, as the universe, where I, you, he is one thing, where father, mother and son is one thing, according to the word of the holy book ‘Dzyan’: ‘Because father, mother, and son became one thing again’ (1st stanza). And this one thing is the symbol of a non-revealing mystery” (Bely, 1994: 39). Such a fact demonstrates the sustainability of translating tradition, the conversion of textual characteristics into verbal forms or their lexicalization, use in linguistic meaning, leveling various speech implementations.

3. In a number of cases, it can be wider than the concept of a person and approaches the meaning of ‘being’, which contains both objects of living nature and elements of deity. For example, A. Bely writes: “Creating yourself? But it is in transforming yourself into the image and likeness of the gods” (Bely, 1994: 46). Or: “God has inspired in man a sense of that which time cannot diminish: man is made in the spiritual image of God” (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 160); “For the Fatherhood of God implies the Brotherhood of Man, and, conversely, he who devotes himself to the service of his fellow creatures proves, through his brotherly relationship, his descent from the Father of All” (Ward, 2008: 5).

The category of time turns out to be not just vague, that is, representing the meaning of “any time”, but also combining in itself real and unreal (mythological time). “Brother first Warden, what time is it?” he replied “very W(orshipful) it is midnight.” – “Since it is midnight,” said the master, “it is time to finish our labours” (Snoek, 2006: 91).

The meaning ‘any time’ can be indicated in the following ways:

1. Through the absence of time coordinates. “Thus we see that the actual point, where participants experience the start or the end of a ceremony, may vary. Yet, none of them would be unable to indicate some point where for them it starts, resp. stops” (Snoek, 2006: 102).

2. Through direct actualization of the meaning ‘at all times, always’. “The Book of Constitutions you are to search *at all times*. Cause it to be read in your Lodge, that all may be aware of the excellent precepts it enjoins (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 112). “For these and many other reasons, one can generally *always* tell a Mason by his character” (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 100).

3. Through the use of definitions *eternal, firm, unshakable, unchanging, continually, imperishable, everlasting, permanent, immutable* for the characteristics of objects relevant to the narrative and circumstances characterizing the actions of these objects, with similar semantics. “The symbolic presence of Hiram Abiff *continually* reminds Master Masons that their craft must always be a creation of Beauty” (Nagy, 2009: 51). “We are again admonished of the uncertainty of life, the *immutable* certainty of death, and the vanity of all human pursuits” (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 171). “There, amid the smiles of *immutable* Love, in that house not made with hands, *eternal* in the heavens – there, my brethren, may we all meet again” (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 214). “Masonry regards death but as the gate of life, and the Master Mason learns to look forward with *firm* but humble confidence to the moment when he will receive his summons to ascend to the Grand Lodge above” (Ward, 2008: 108).

4. Through the combination of the second and third methods. The semantics of the general narrative time of the Masonic text is close or identical to the concept of *eternity*. At the same time, within specific texts, there can appear the differentiation between objects in the sphere of eternity

(these include everything related to *light*) and temporary objects (these include everything related to *darkness*). “We use the Rule to direct all Masons to <...> punctually observe our duty, press forward in the path of virtue, and, neither inclining to the right, nor to the left, in all our actions have *eternity* in view” (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 111). “Masonry uses the Line to <...> to direct our steps to the path, which leads to *immortality*” (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 112). “For on this Book, that oath you took, // and may you break it *never*, // just stand by this*, and this**, and this***, // *forever* and *forever*” (Wisconsin Masonic Handbook, 2004: 130).

The category of space proves to be broader than the abstractly understood real space, since it implies both surreal areas and a statement of facts outside of their coordination with spatial characteristics. It is important here that the inner space of a person and the outer space (the world) turn out to be pointedly isomorphic. Appearing in the descriptions, it contributes to the assertion of uncertainty.

22. Have you a Key of the Lodge? – Yes I have

23. What is its Virtue? – To open & Shut & to Shut & open

24. Where do you keep it? – In an Ivory Box betwixt my Tongue & Teeth, or wthin my heart, where all my Secrets are kept (The Masonic Trowel).

Q. Where shall I find the key of your lodge? – A. Three foot and a half from the lodge door under a perpend esler and a green divot. But under the lap of my liver where all my secret of my heart lie (Carr, 1946: 43).

At the same time, of great importance are the definitions, which belong to single thematic areas or simply identical, for various segments of spatial reality.

Q. What Form is your Lodge? – A. A long Square.

Q. How long? – A. From East to West.

Q. How broad? – A. From North to South.

Q. How high? – A. Inches, Feet and Yards innumerable, as high as the Heavens.

Q. How deep? – A. To the Centre of the Earth (Snoek, 2006: 103).

The interesting thing about this spatial framing is that the rituals express at the same time that each lodge in principle includes the whole world.

This universalism of the center of the Masonic text is directly related to one of the ideological constants of Freemasonry, in accordance with which it stores and transmits some kind of universal divine knowledge, which embraces everything and fixes the provisions that act always, everywhere and for everyone. The linguistic form of the text, clearly manifested through the specifics of the functioning of egocentric words, produces a phantom image of some hypothetically representable primary text. If, for experimental purposes, one accepts the Masonic concept and concedes the existence of this primary text which was dictated by the highest forces and contains general information about everything for all times, then in linguistic terms such text can only be non-egocentric.

Conclusions

Thus, the Masonic text is a text that exists independently or as part of another text, the content of which is focused on the author's positive presentation of the ideological concept of Freemasonry. In terms of language, this orientation is manifested in the fact that the text acquires the stable features of a non-egocentric text.

The center and periphery of the Masonic text are closely interconnected, which is manifested in the fact that the center generates the periphery where its features become less noticeable (dissolve). The periphery, as a rule, is a manifestation of reflection about the center, its adaptation to specific conditions, its arrangement in specific circumstances, or the linguistic fixation of the external organizational structures produced by it. Indicative in this regard, on the one hand, is the correspondence of masons, which includes

thoughts on the basic categories of the picture of the world, that is, reflection, or, on the other hand, the minutes of meetings of the lodges, fixing the sequence of actions. In these cases it is natural that steady egocentric features should appear which are also present in a number of artistic texts, since, in one way or another, the author coordinates the real plane.

Non-egocentricity of the text manifests itself in the fact that the transmitted information is given the status of universal, and the text itself takes on the form of a cliché that, under certain conditions stipulated in it, applies to any person, any time and space, that is, it becomes a matrix superimposed on the variety of existing situations.

References

- Bely, A. (1994). *Simvolizm kak miroponimaniye* [Symbolism as a world view]. Respublika, Moscow, Russia. [in Russian].
- Bogdan H. & Snoek J. A. M. (2014). *Handbook of Freemasonry*. BRILL. 670 p. DOI: 10.1163/9789004273122.
- Carr, H. (1946). *An Examination of the Early Masonic Catechisms*. Bros. Johnson, Wykes & Paine, Leicester.
- Catherine II (1990). *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 384 p. [in Russian].
- Ermakova, L.M. Abashev, M.A. Nikitin, R.V. & Ushakov R.I. (2014), Automatic methods of text genre identification. *Bulletin of Perm University. Maths. Mechanics. Computer science*, 4 (27), 78-83. [in Russian].
- Feldman, S., Marín, M., Medero, J. and Ostendorf, M. (2009). Classifying factored genres with part-of-speech histograms. Proceedings of Human Language Technologies: The 2009 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics, Companion Volume: Short Papers on – NAACL '09; DOI:10.3115/1620853.1620901.
- Grand Lodge of Scotland (2018). [Online], available at: <https://www.grandlodgescotland.com/2018/07/23/robert-burns/> (Accessed 5 February 2019).
- Galperin, I. P. (2007). *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga. [in Russian].
- Hard, H. F. W. (2018). *Brother Can You Spare a Friend?: Documents, Masculinities, and Histories in a Masonic Lodge*. Annandale-on-Hudson, New York. [in English].
- Longinov, M. N. (1867). *Novikov i moskovskiye martinisty* [Novikov and Moscow Martinists]. Moscow, Tipografiya Grachyova i Komp. [in Russian].
- M.A.G. (1912). *Slugi treugol'nika ili masonry i ikh dela* [The servants of the triangle or the Freemasons and their affairs]. St. Petersburg: V.M. Skvortsov: 31 p. [in Russian].
- Morris, C. W. (1971). *Writings on the General Theory of Signs*. Mouton and Co. N. V., Publishers, The Hague.
- Novikov. N. I. (1951). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. 787 p. [in Russian].
- The Masonic Trowel (2014). [Online], available at: http://www.themasonictrowel.com/Articles/Freemasonry/religion_files/early_catechism_of_freemasonry.htm (Accessed 5 February 2019).
- Nagy, J. S. (2009). *Building Hiram. Uncommon Catechism for Uncommon Masonic Education*. Promethean Genesis Publishing.
- North Raleigh Masonic Lodge. [Online], available at: <http://www.jjcrowder743.com/poem.html> (Accessed 5 February 2019).
- Pérez-Llantada, C. (2009). Textual, Genre and Social Features of Spoken Grammar: A Corpus-Based Approach. *Language Learning & Technology*, 13 (1), 40-58.
- Petrenz, P. and Webber, B. (2011). Stable Classification of Text Genres. *Computational Linguistics*, 37 (2), 385-393. DOI: 10.1162/COLI_a_00052. [in English].
- Pope T. and Thompson, R. (1990-1995). *Masonic research in South Australia*. South Australian Lodge of Research.
- Poulet, C. (2010). Recognising and revealing knowers: an enhanced Bernsteinian analysis of masonic recruitment and apprenticeship. *British Journal of Sociology of Education*, 31 (6), 793-812.

Prichard, S. (1730). *Masonry Dissected*. London. [Online]. Available at: http://www.phoenixmasonry.org/masonry_dissected.htm (Accessed 5 February 2019).

Raschke, B. (2008). The Relationships of Androgynous Secret Orders with Freemasonry. Documents on Theordre Des Hermites De Bonne Humeur in Sachsen-Gotha (1739-1758), in *Women's Agency and Rituals in Mixed and Female Masonic Orders*. DOI: 10.1163/ej.9789004172395.i-442.13.

Serkov, A. I. (1999). Masonic reports of G.I. Gazdanov. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 39 (5), 174-185. [in Russian].

Silard L. (2015). Andrei Bely – Rosicrucian (to the problem of symbolism and Rosicrucianism in Russia). *Proc. of the International scientific conference "Fate religious and philosophical quest of Nikolai Novikov and his circle"*, Russian Christian Academy of Humanities, Saint Petersburg, 204-225.

Shmeleva T. V. (2018). 'Condensation of genres' as a Trend in Media Sphere. *Speech Genres*, 4 (20), 270–276. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>. [in Russian].

Shuneyko A. & Chibisova O. (2016). On the Question of the Semiotic Typology of Signs. *Journal of Language and Education*, 2 (6), 43-51. DOI: 10.17323/2411-7390-2016-2-2-43-51. [in Russian].

Snoek, J. (2006). Framing Masonic Ceremonies 87-108. In H. Jungaberle & J. Weinhold (eds.), *Rituale in Bewegung. Rahmungs – und Reflexivitätsprozesse in Kulturen der Gegenwart*, Berlin: Lit: 87-108. English].

Todorov, Ts. (1983). *Ponyatiye literatury [Concept of literature]*. In *Semiotika [Semiotics]*. Moscow: Raduga. 634 p. [in Russian].

United Grand Lodge of England [Online]. Available at: <https://www.ugle.org.uk/about-freemasonry/frequently-asked-questions> (Accessed 5 February 2019).

Vernadsky, G. V. (2001). *Russkoye masonstvo v tsarstvovaniye Yekateriny II* [Russian Freemasonry in the reign of Catherine II]. Moscow: Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova. [in Russian].

Ward, J. S. M. (2008). *The E.A.'s Handbook. The F.C.'s Handbook. The M.M.'s Book*. Celephaïs Press.

Wisconsin Masonic Handbook (2004). Oshkosh Masonic Lodge 27 F & AM.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шунейко Александр Альфредович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Alexander A. Shuneyko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-na-Amure State University.

Чибисова Ольга Владимировна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Olga V. Chibisova, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-na-Amure State University.

**РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS**

УДК 81. 42

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8

**Шабан А. К.
Хомутова Т. Н.**

**Семантика понятия «вежливость» в различных
лингвокультурах: универсальное и культурно-специфическое**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», пр. Ленина, д. 76, г. Челябинск 454091, Россия

E-mail: info@susu.ru

ORCID: 0000-0002-8572-8441

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», пр. Ленина, д. 76, г. Челябинск 454091, Россия

E-mail: info@susu.ru

ORCID: 0000-0001-5244-3960

Статья поступила 10 января 2019 г.; Принята 13 февраля 2019 г.;

Опубликована 31 марта 2019 г.

Аннотация

Статья посвящена понятию «вежливость» в различных лингвокультурах. Актуальность работы обусловлена тем, что в эпоху глобализации возрастает роль исследований, направленных на изучение универсальных и культурно-специфических ценностей, присущих разным лингвокультурам. Вежливость является одной из универсальных ценностей, присущих большинству культур. Однако ее семантический диапазон и средства вербализации могут быть различными в разных лингвокультурах. На основе анализа теоретической литературы в статье уточняется понятие вежливости в целом и в трех культурах в частности (англоязычной, арабской и русскоязычной). Проводится сравнительный анализ семантики вежливости на трех языках, выявляются ее универсальные и культурно-специфические характеристики. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что все три культуры трактуют вежливость как уважение по отношению к другим участникам коммуникации, это универсальная характеристика данного понятия. Вместе с тем, каждая из традиций имеет свое культурно-специфическое понимание этого феномена: в русской традиции вежливость – это моральное качество человека, связанное с речевым поведением и направленное на гармонизацию социального взаимодействия; в арабской традиции вежливость – это мягкость, как внутренняя, интуитивная, так и внешняя, вызванная правилами поведения в обществе; наиболее разработанной теорию вежливости можно признать в

англоязычной традиции, которая рассматривает вежливость как правила поведения, как «лицо», которое надевают участники коммуникации для достижения своих прагматических целей. Культурная специфика в понимании вежливости базируется на культурных ценностях той или иной культуры, таких как отношение к времени и пространству, деятельности, общению и т.д.

Ключевые слова: вежливость; лингвокультура; культурные ценности; универсальное; культурно-специфическое

Для цитирования: Шабан А. К., Хомутова Т. Н. Семантика понятия «вежливость» в различных лингвокультурах: универсальное и культурно-специфическое // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 85-95. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8

Abduljabbar K. Shaban
Tamara N. Khomutova

Semantics of *POLITENESS* in different linguocultures:
Universal and culture-specific characteristics

Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Education “South Ural State University (National Research University)”, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454091, Russia.

E-mail: info@susu.ru

ORCID: 0000-0002-8572-8441

Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Education “South Ural State University (National Research University)”, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454091, Russia.

E-mail: info@susu.ru

ORCID: 0000-0001-5244-3960

Received 10 January 2019; Accepted 13 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract

The article focuses on the notion of politeness in different linguocultures. Politeness seems to be one of the universal cultural values, however, its semantic scope and means of expression may vary from culture to culture. The paper gives an overview of different approaches to politeness with a special emphasis on its treatment in English-speaking, Arabic and Russian cultures. The notion of politeness is specified with a view to a certain culture. A comparative study of the semantic scope of politeness in different cultures results in a set of its universal and culture-specific characteristics. Respect is acknowledged as a universal characteristic of politeness, though its semantic scope may vary in different cultures, which creates a need for its further study. It is argued that cultural specifics of politeness stems from cultural values inherent in a certain culture, such as relations to time and space, activity and communication, etc. Thus, in Russian politeness is more of a moral quality associated with communicative behavior aimed at harmonization of social interaction; in Arabic it is softness, something you should follow due to holy prescriptions and intuition; in English-speaking cultures politeness has a pronounced pragmatic bias, it is a face which a person puts on to achieve different ends.

Key words: politeness; linguoculture; cultural values; universal; culture-specific

How to cite: Shaban, A. K. and Khomutova, T. N. (2019). Semantics of *POLITENESS* in different linguocultures: Universal and culture-specific characteristics. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 85-95.

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8

Введение

В последнее время в лингвистических исследованиях особое внимание уделяется взаимодействию языка и культуры. В настоящей работе мы понимаем под культурой систему ценностей, заложенных в ментальных структурах индивида, существующую только в обществе, обеспечивающую его целостность и передачу системы ценностей от одного поколения к другому (Елизарова, 2001: 34). Разные культуры несут разные ценности. В эпоху глобализации и активного межкультурного общения возрастает роль исследований, направленных на изучение культурных ценностей, присущих той или иной культуре, и культурной специфики средств их вербализации. Одной из универсальных ценностей, присущих большинству культур, является вежливость. Однако семантический диапазон и средства вербализации вежливости в разных языках могут быть различными. Незнание этого может привести к межкультурным конфликтам. Особую роль вежливость и средства ее вербализации приобретают в процессе межкультурной коммуникации, особенно в деловой переписке, где их функцией является достижение перлокутивного эффекта. Этим обусловлена актуальность нашего исследования, которое представляет собой исследование семантики вежливости в различных культурах на материале трех разноструктурных языков (английского, арабского и русского).

Объектом исследования является вежливость как категория межкультурной коммуникации на английском, арабском и русском языках. Предметом исследования являются универсальные и культурно-специфические характеристики вежливости в англоязычной, арабской и русскоязычной лингвокультурах. Материалом нашего исследования

послужили теоретические работы, посвященные вежливости, на трех языках (английский, арабский, русский).

Цель исследования: уточнить семантический диапазон понятия вежливости в различных лингвокультурах, выявить универсальные и культурно-специфические характеристики вежливости на трех языках, знание которых поможет участникам коммуникации в достижении своих прагматических целей. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: 1. Проанализировать современное состояние теории вежливости в различных лингвокультурологических традициях. 2. Провести семасиологический анализ понятия вежливости в трех лингвокультурах с целью выявления его универсальных и культурно-специфических характеристик. 3. Обосновать универсальные и культурно-специфические характеристики вежливости в трех лингвокультурах с помощью лингвокультурологического подхода.

Настоящая работа выполнена в русле лингвокультурологического подхода, в рамках которого использованы общенаучные, лингвистические, культурологические и другие методы и приемы анализа, такие как описательный, логический, семасиологический, лингвокультурологический и др.

Теоретический обзор

В современной лингвистике не существует единого взгляда на категорию вежливости. В своей статье «Различные подходы к определению лингвистической вежливости» Г.Р. Власян выделяет следующие подходы и концепции вежливости: вежливость как речевые максимы, правила (Г.П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич); вежливость как этическая категория (Л. Кастлер, Н.И. Формановская, С.А. Рисинзон);

вежливость как оценка статуса человека (В.Е. Гольдин, В.И. Карасик); вежливость как сохранение лица (Э.Гоффман, П. Браун, С. Левинсон, Р. Сколлон, С. Сколлон), при этом автор отмечает, что, несмотря на универсальность, категория вежливости имеет этнокультурную специфику (Власян, 2010: 38). Как указывалось, выше, одной из целей нашего исследования является выявление этнокультурной специфики вежливости в англоязычной, арабской и русскоязычной лингвокультурах.

1. Понятие вежливости в русскоязычной лингвокультурологической традиции

В русской лингвокультурологической традиции категория вежливости определяется по-разному, но в основе всех определений лежит философское понимание вежливости. Так, по определению философа В.А. Кондрашова, «вежливость является моральным качеством личности человека, которая характеризует его поведение и отношение к другим людям с точки зрения человеческих ценностей, признание человека как высшей ценности для других людей» (Кондрашов, 1999: 32).

В.В. Кобзева также дает определение вежливости как морального качества человека, для которого уважение к людям является повседневной нормой поведения (Кобзева, 2003: 23).

В.И. Карасик также указывает на неразрывную связь вежливости и уважения, но добавляет, что уважение – это «что», а вежливость – это «как», подчеркивая, что вежливость — это внешний характер уважения, способ оценки статуса человека (Карасик, 1991: 114).

По мнению Н.И. Формановской, которая внесла весомый вклад в исследование вежливости в отечественной лингвистике, вежливость — это все то же проявление уважительного отношения к адресату, это социально-

культурный компонент общения, связанный с речью, это моральное качество, характеризующее поведение человека. Вербализацией вежливости является речевой этикет (Формановская, 1984, 2008).

Известный российский исследователь вежливости Т.В. Ларина понимает вежливость как национально-специфическую коммуникативную категорию, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера (Ларина, 2009: 164-171). Она также отмечает, что понятие вежливости в разных культурах различно. В каждой культуре существует свое содержание понятия вежливости, которое отражается в языке. Традиционное понимание вежливости как проявления уважения и внимания, по мнению Т.В. Лариной, неприемлемо в межкультурном аспекте, так как концепты «уважение» и «внимание» имеют разное содержание в разных культурах (Там же). Более того, как пишет Г.Р. Власян, уважение является градуальной величиной и варьирует от максимального уважения, поклонения, до нулевой отметки (отсутствия уважения) и далее — до неуважения, презрения (Власян, 2010: 35). Все это свидетельствует о необходимости детального изучения данного понятия.

Как указывают М.А. Кормилицына и Г.Р. Шамьенова, вежливость является обязательным элементом в гармонизации коммуникативного взаимодействия в различных речевых жанрах (Кормилицына, Шамьенова, 1999). Вежливость связана с речевым поведением общества (Коржевская, 2015: 5).

Наш анализ показал, что различные трактовки вежливости в русскоязычной традиции имеют в своей основе вежливость как проявление уважения, как

такое моральное качество человека, которое связано с речевым поведением, направленным на гармонизацию социального взаимодействия. Это поведение вербализуется с помощью различных языковых средств, так называемых формул вежливости.

2. Понятие вежливости в англоязычной лингвокультурологической традиции

В основе понимания вежливости в англоязычной лингвокультурологической традиции лежат правила речевого поведения и сохранение лица. Вежливость как постулаты речевого общения представлена в пионерских работах Г.П. Грайса (Grice, 1975), Р. Лакофф (Lakoff, 1973, 1995) и Дж. Лича (Leech, 2014).

Принцип кооперации Г.П. Грайса состоит из четырех постулатов, или максим (Grice, 1975):

- Максима качества
 - Не говори того, что ложно
 - Не говори того, для чего нет достаточных оснований.
- Максима количества
 - Говори информативно
 - Не говори больше, чем требуется
- Максима релевантности
 - Говори по существу
 - Не отклоняйся от темы
- Максима манеры
 - Будь последовательным
 - Избегай двусмысленности
 - Будь краток
 - Излагай мысли четко

По мнению Г.П. Грайса, эти постулаты могут быть дополнены другими, в частности, вежливостью, которая также является постулатом речевого общения, но имеет иную социальную природу (Grice, 1975). Как считает Г.Р. Власян, постулаты Г.П. Грайса, целью которых является информативность и эффективность, больше подходят для делового общения

(Власян, 2010). Мы разделяем эту точку зрения.

Р. Лакофф предлагает расширить принцип кооперации Г.П. Грайса правилами вежливости, которые предписывают удовлетворять потребности адресата: «излагай свои мысли ясно» и «будь вежлив» (Lakoff, 1973, 1995). Быть вежливым в трактовке Р. Лакофф означает следующее: «не навязывайся», «дай адресату право выбора», «будь дружелюбен».

Еще одним из основателей теории вежливости в англоязычной традиции является Дж. Лич (Leech, 2014). Для Дж. Лича, вежливость - это стратегическое предотвращение конфликтов и проявление уважения к другим. Взгляды Лича служат более глубокой попыткой укрепить доверие и добрую волю, которые обеспечивают сотрудничество между собеседниками в соответствии с принципом кооперации Г.П. Грайса (Grice, 1975). Его концепция вежливости более сосредоточена на адресате, чем на говорящем.

Как указывалось, выше, для Дж. Лича вежливость - это стратегическое предотвращение конфликтов и проявление уважения к другим (Leech, 2014). Но вежливость также служит более глубокой цели: она обеспечивает доверие и добрую волю, необходимые для духа сотрудничества, который лежит в основе принципа сотрудничества Г.П. Грайса (Grice, 1975). Трактовка вежливости Дж. Лича отличается от трактовки Р. Лакофф в том, что он не видит оппозиции между принципом кооперации и вежливостью. Дж. Лич заявляет, что в общении принцип кооперации и принципы вежливости взаимодействуют друг с другом. Более того, он считает вежливость основой, создающей предпосылки для функционирования принципа кооперации (Leech, 2014).

Дж. Лич описывает содержание вежливости в десяти максимах, которые приводятся ниже (Leech, 2014: 91):

(1) Великодушие: «Придавай большое значение желаниям других»

(2) Такт: «Не придавай большого значения своим желаниям».

(3) Одобрение: «Давай высокую оценку качествам других».

(4) Скромность: «Не переоценивай свои собственные качества»

(5) Обязательства говорящего: «Придавай большое значение своим обязательствам перед другими»

(6) Обязательства других: «Не придавай большого значения обязательствам других»

(7) Согласие: «Давай высокую оценку мнениям других».

(8) Сдержанность мнения: «Не переоценивай своего мнения».

(9) Симпатия: «Давай высокую оценку чувствам других».

(10) Чувство сдержанности: «Не переоценивай свои чувства».

Еще одной теорией вежливости, широко известной в англоязычной традиции является теория лица П. Браун и С. Левинсон (Brown & Levinson 1987). Авторы данной теории рассматривают в качестве основной составляющей теории вежливости понятие лица. Они заимствовали это понятие у Э. Гоффмана (Goffman, 1972).

«Лицо» по Гоффману - это позитивная социальная ценность, общественно безопасный образ, с помощью которого каждый член общества хочет заявить о себе. Лицо состоит из двух связанных аспектов: позитивного лица и негативного лица. Позитивное лицо – это положительный образ, который хотят создать участники коммуникации, желание получить положительную оценку и одобрение со стороны участников коммуникации. Негативное лицо – это желание участников коммуникации иметь свободу действий и недопустимость вмешательства со стороны других. Негативное лицо обозначает личное пространство говорящего, совокупность

его мыслей, чувств, информации (Goffman, 1972). Участники коммуникации должны быть заинтересованы в сохранении своего лица и лица остальных участников коммуникации.

Соответственно различают позитивную и негативную вежливость. Первая основана на сближении, вторая на дистанцировании (Brown & Levinson, 1987). Позитивная вежливость состоит в выражении отношения говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент и др.). Цель негативной вежливости состоит в демонстрации уважения личной автономии адресата и связана с побудительными речевыми актами.

По мнению М. Редмонда, теория вежливости, основанная на концепции лица, считается наиболее полной и непротиворечивой, в силу чего используется для проведения кросскультурных исследований (Redmond, 2015). Во-первых, лицо существует в ответ на присутствие других и взаимодействие с другими. Во-вторых, лицо - это конкретный образ, который мы представляем другим. В-третьих, лицо, которое мы представляем, зависит от определенных требований контекста или ситуации. В-четвертых, наше сознание и намерение в отношении лица, которое мы представляем, становится ясным, когда люди теряют веру в наше лицо (угроза для лица). Наконец, лицо отображается через поведение - то, как мы общаемся и взаимодействуем (Redmond, 2015). На наш взгляд, теория лица во многом перекликается с принципами кооперации и вежливости как правил речевого поведения.

Итак, в англоязычной лингвокультурологической традиции понятие вежливости, хотя и рассматривается как проявление уважения, все же более прагматично, утилитарно, нежели в русскоязычной

традиции. Оно связано, прежде всего, с правилами речевого поведения в социальном контексте и основано на принципах вежливости и теории лица, или поведенческого образа, который «надевают» участники коммуникации в той или иной социальной ситуации для достижения цели высказывания.

3. Понятие вежливости в арабской лингвокультурологической традиции

Почтение и преклонение – это главный мотив вежливости в арабской культуре. Он выражается в прославлении и уважении людей и вещей. Так, незнакомых людей можно называть терминами родства «дядя, папа, тетя, мама, сестра», что восходит к культурным ценностям родственных связей, характерным для арабской культуры (الدواخلي: 1950: 281).

В арабской культуре есть два основных фактора, влияющих на поведение: религиозный и социальный. Индивид должен поддерживать баланс между этими двумя разными установками. С одной стороны, религия говорит, что Вы должны показать смирение в общении с другими людьми. С другой стороны, общество настоятельно рекомендует, чтобы индивид показывал чувство собственного достоинства. Конфликт между этими двумя противоположными факторами часто ставит индивида в сложную ситуацию.

Арабская традиция различает индивидуальную и коллективную вежливость. Под индивидуальной вежливостью понимают внутреннюю интуитивную вежливость, присущую умному человеку. Коллективная вежливость – это внешняя вежливость, вызванная правилами поведения в обществе, которым должен подчиняться индивид, например, человек должен быть тактичным, оптимистичным, заботливым и т.д., в зависимости от коммуникативной ситуации. К причинам быть вежливым

относят этикет, тактичность, пессимизм, оптимизм, почитание, прославление и др. (الثبيني: 2013: 1).

Слово «вежливость» в арабском языке происходит от слова «смягчить» и означает «смягчение», как сказал Ибн Фарис (16: 1977 احمد صقر).

В своей книге «Ат-Тахзиб» Аль-Азхари определяет вежливость (смягчение) как то, с помощью чего человек достигает своей цели мягко, чтобы не шокировать адресата используется нежная речь, которая скрывает свою сущность, а не выражает грубый реальный смысл (عبد السلام محمد 1964: هارون).

В риторике Аль-Замахшари упоминается использование метафоры для придания речи более вежливого тона: метафорически можно сказать, что он нежен с ..., что он смягчает свое сердце (409: 1979 محمد باسل عيون السود).

В Священной книге "معجم الفاظ القرآن" в одном из стихов Аллах сказал: «Человек должен быть вежливым, добрым и нежным со всеми, чтобы они его накормили». Священная книга советовала людям быть нежными в их отношениях с другими в течение жизни (الفاظ القرآن الكريم 1981: 19 معجم).

Арабские исследователи интерпретируют «мягкость» или «вежливость» следующим образом:

Доктор Камаль Бишер пишет, что мягкость означает «доброе выражение» (محمد بشر: 1992: 196 كمال).

Доктор Карим Заки Хосам Эддин говорит, что мягкость означает «улучшение речи» (زكي حسام الدين 1985: كريم 17).

По мнению Доктора Ахмеда Мухтара Омара, мягкость означает «лакомство» (احمد مختار عمر 1982: 17).

Доктор Мухаммад Али Аль-Хули считает, что мягкость означает «нежное выражение» (الخولي 1991: 88).

Из приведенных выше определений следует, что вежливость в арабской культуре ассоциируется с уважением,

мягкостью, нежностью, добротой, которые не могут быть чрезмерными, неумеренными, неуместными.

Арабские лингвисты уделяют большое внимание феномену вежливости в арабском языке. Они используют различные средства вербализации этого явления, такие, например, как улучшение речи, смягчение смысла, нежная метафора и перифраз. Вежливость в арабской традиции во многом основана на эвфемизмах (замене слова более вежливым).

Итак, в арабской языковой традиции понятие вежливости основано на уважении, мягкости и эвфемизме в процессе общения между людьми. Основными мотивами быть вежливыми в арабской культуре являются религия и социальные традиции. Участники беседы должны быть нежными и вежливыми.

Научные результаты и дискуссия

Рассмотрев понятие вежливости в англоязычной, русскоязычной и арабской лингвокультурологических традициях, мы можем утверждать, что все три культуры трактуют вежливость как уважение по отношению к другим участникам коммуникации, это универсальная характеристика данного понятия. Вместе с тем, каждая из традиций имеет свое культурно-специфическое понимание этого феномена: в русской традиции вежливость – это моральное качество человека, связанное с речевым поведением и направленное на гармонизацию социального взаимодействия; в арабской традиции вежливость – это мягкость, как внутренняя, интуитивная, так и внешняя, вызванная правилами поведения в обществе; наиболее прагматичной и разработанной теорию вежливости можно признать в англоязычной традиции, которая рассматривает вежливость как правила поведения, как «лицо», которое надевают участники

коммуникации для достижения своих прагматических целей.

Культурная специфика в понимании вежливости базируется на культурных ценностях той или иной культуры, таких как отношение к времени и пространству, деятельности, общению и т.д. Так, по отношению ко времени для полихронной русскоязычной культуры, в которой время воспринимается как неисчерпаемый ресурс, ценится духовная жизнь, рассуждения и размышления, преобладающим является моральный аспект вежливости. Для монокронной англоязычной культуры, где ценится четкое соответствие планам и эффективность результатов, на первом плане находится прагматический аспект вежливости, вежливость рассматривается как инструмент для достижения своих целей. По отношению к общению и деятельности в высококонтекстуальной арабской культуре, ориентированной на традиции, родственные связи, прошлое, вежливость является предписанием, идущим свыше, которое все должны выполнять, в то время как в англоязычной низкоконтекстуальной культуре, ориентированной на будущее, сконцентрированной на решении проблем, вежливость имеет яркую индивидуалистичную прагматическую направленность.

Заключение

В настоящей статье мы представили обзор современного состояния теории вежливости в трех лингвокультурологических традициях: англоязычной, арабской и русскоязычной. Был проведен сравнительный анализ семантики вежливости на трех языках, с помощью лингвокультурологического подхода были выявлены и обоснованы ее универсальные и культурно-специфические характеристики. Подводя итог, отметим, что многообразие подходов к трактовке вежливости свидетельствует о многоаспектном, интегральном характере данной

категории, которая рассматривается с позиций различных наук: философии, этики, культуры речи, коммуникативистики, лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, прагматологии, лингвокультурологии, дискурсологии и т.д. Каждый из подходов вносит свой вклад в познание данной категории, но ни один из них, взятый сам по себе, не дает и не может дать ее исчерпывающего описания. В связи с этим представляется актуальным изучение категории вежливости с позиций современной интегральной парадигмы изучения языка как интегрального рассредоточенного объекта (Хомутова, 2014). Особый интерес представляет исследование культурной специфики данной категории и средств ее вербализации в разных языках и культурах с помощью симультикинга, то есть одновременного отслеживания зависимости когнитивного, языкового, культурного и социального в ее содержании, что будет способствовать успешной межкультурной коммуникации. Эта задача ждет своих исследователей.

Список литературы

- Власян Г.Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости // Вестник Нижневартского государственного университета. 2010. №3. С.29-39.
- Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Союз, 2001. 291 с.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М.; Волгоград: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с.
- Кобзева В.В. Этикет в вопросах и ответах. М.: Гранд, 2003. 283 с.
- Кондрашов В.А. Этика. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.
- Коржевская Р.А. Способы выражения категории вежливости в кросс-культурном аспекте (на материале русского, английского, японского языков): Магистерская диссертация. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 215 с.
- Кормилицына М.А., Шамьенова Г.Р. Категория вежливости в оценочных речевых

жанрах // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. С. 257-266.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Формановская Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984. №6. С.67-72.

Формановская Н.И. Речевой этикет и вежливость // М: Портал "О литературе", LITERARY.RU. Дата обновления: 12 марта 2008. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1205319091&archive=12053242> (дата обращения: 09.01.2019)

Хомутова Т.Н. Интегральная лингвистика дискурса // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции 28-30 мая 2018 г. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. Т.1. С.262-265.

Энциклопедия Кругосвет. Вежливость. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VEZHLIVOST.html (дата обращения: 09.01.2019).

Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 348 p.

Goffman E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // Communication in Face to Face Interaction. Harmondsworth, 1972. P. 5-45.

Grice H. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. N.Y., 1975. P. 41-58.

Lakoff R. The logic of politeness; or minding your p's and q's // Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. 1973. №9. P. 292–305.

Lakoff R. Conversational Implicature // Handbook of Pragmatics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 1-24.

Leech G. The pragmatics of politeness // Oxford studies in sociolinguistics. New York: Oxford University Press, 2014. 341 p.

Redmond M. V. Face and Politeness Theories // English Technical Reports and White Papers. 2015. 2. URL: <https://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?arti>

[cle=1006&context=engl_reports](#)

(дата

обращения 09.01.2019).

ص 16, 1397-1977, مطبعة عيسى الباب
وشركاؤه-القاهرة- الصاحبى لابي الحسين احمد بن فارس بن
زكريا- تحقيق السيد احمد صقر

ص 17, 1402-1982م ط الاولى مكتبة دار العروبة
للنشر والتوزيع الكويت- علم الدلالة- احمد مختار عمر

ص 1 ملخص بحث بعنوان "ظاهرة التلطف في
الاساليب العربية" (دراسة دلالية لتقبل الالفاظ لدى الجماعة
اللغوية) 2-3-2012 د. محمد بن سعيد بن ابراهيم الثبيتي-
الاستاذ المساعد بمعهد اللغة العربية قسم التخصص اللغوي
والتربوي-جامعة ام القرى

ص 88 مكتبة لبنان بيروت 1991- معجم علم اللغة
النظري انكليزي-عربي- تأليف د. محمد علي الخولي

ص 281, 1370-1950م مكتبة الانجلو المصرية
مطبعة لجنة البيان العربي القاهرة- كتاب اللغة تأليف - تعريب
Joseph Vendryes عبد الحميد الدواخلي ومحمد القصاص

ص 347 الدار المصرية للتأليف والترجمة
1384-1964م القاهرة- تهذيب اللغة ابي منصور محمد بن
احمد الازهرى-تحقيق عبد السلام محمد هارون

ص 409, دار صادر بيروت 1399- اساس البلاغة
تأليف ابي القاسم جار الله محمود بن عمر بن احمد الزمخشري
المتوفي سنة 538 هـ تحقيق محمد باسل عيون السود
ص 17, مكتبة الانجلو المصرية القاهرة ط 1985م-

المحظورات اللغوية كريم زكي حسام الدين
ص 196, مكتبة الشباب 1992م القاهرة- دور الكلمة في
اللغة تأليف ستيفن اولمان ترجمة د. كمال محمد بشر

سورة الكهف الاية: 19 دار الشروق القاهرة 1401هـ
معجم الفاظ القرآن الكريم-معجم اللغة العربية

References

Vlasyan, G. R. (2010). Different approaches to the definition of linguistic politeness. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 29-39. [in Russian].

Elizarova, G. V. (2001). *Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam* [Culture and teaching foreign languages]. Soyuz, SPb, Russia. [in Russian].

Karasik, V. I. (1991). *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of social status]. The USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Volgograd Pedagogical Institute, Moscow, Volgograd, Russia. [in Russian].

Kobzeva, V. V. (2003). *Etiket v voprosah i otvetah* [Etiquette in questions and answers], Grand, Moscow, Russia. [in Russian].

Kondrashov, V. A. (1999), *Etika* [Ethics], Feniks, Rostov-on-Don, Russia. [in Russian].

Korzhevskaya, R. A. (2015). *Sposoby vyrazheniya kategorii vezhlivosti v kross-kul'turnom aspekte (na materiale russkogo,*

angliyskogo, yaponskogo yazykov) [Means of expressing politeness in a cross-cultural aspect (in Russian, English and Japanese)]. MA Thesis, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. [in Russian].

Kormilitsyna, M. A. & Sham'enova, G. R. (1999). The category of politeness in evaluative speech genres. *Zhanry rechi*, Kolledzh, Saratov, Russia, 257-266. [in Russian].

Larina, T. V. (2009). *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [The category of politeness and the style of communication: comparison of English and Russian linguocultural traditions]. *Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi*, Moscow, Russia. [in Russian].

Formanovskaya, N. I. (1984). Means of expressing request in Russian (pragmatic approach. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 6, 67-72. [in Russian].

Formanovskaya, N. I. (2008). *Rechevoy etiket i vezhlivost'* [Speech etiquette and politeness] [Online]. Available at <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1205319091&archive=12053242> (Accessed 09.01.2019). [in Russian].

Homutova, T. N. (2018). Integral discourse linguistics. *Proceedings of the international scientific conference on Interaction of languages and cultures*, 28-30 May 2018, Izd. centr YUUrGU, Chelyabinsk, Russia, Vol.1, pp. 262-265. [in Russian].

Ehntsiklopediya Krugosvet [Online]. Politeness. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VEZHLIVOST.html (Accessed 09 January 2019). [in Russian].

Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. [in English].

Goffman, E. (1972). On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Communication in Face-to-Face Interaction*, Harmondsworth, 5-45.

Grice, H. (1975). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*, Vol. 3: Speech Acts, N.Y., USA, 41-58.

Lakoff, R. (1973). The logic of politeness; or minding your p's and q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*, 9, 292-305.

Lakoff, R. (1995). Conversational Implicature. *Handbook of Pragmatics*, John Benjamins, Amsterdam; Philadelphia, 1-24.

Leech, G. (2014). *The Pragmatics of politeness*. Oxford studies in sociolinguistics, Oxford University Press, New York, USA.

Redmond, M. V. (2015). Face and Politeness Theories. *English Technical Reports and White Papers*, 2, [Online]. Available at: https://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=engl_reports, (Accessed 09 January 2019).

Ahmed Saqr (1977). *Al-Sahebi Abi al-Hussein Ahmed bin Fares bin Zakaria - The Investigation*, Press Issa Bab & partners: Cairo, Egypt, p.16. [in Arabic].

Ahmed Mokhtar Omar (1982). *Alam Al-Dalala*, First Edition, Library Dar Al Aruba for Publishing and Distribution, Kuwait, p.17. [in Arabic].

Al-Thubaiti, Mohammed bin Saeed bin Ibrahim (2013). *The Phenomenon of Palliative Arab Methods (a study of the acceptance of verbal language community)*. The Institute of Arabic Language, Umm Al-Qura University, Mecca, Saudi Arabia. [in Arabic].

Al-Kholi, Mohammed Ali (1991). *Dictionary of Theoretical Linguistics English-Arabic*. Lebanon Library, Beirut, Lebanon. [in Arabic].

Al-Dwakhili, Abdul Hamid and Al-Qasas, Mohammed (1950). *The Arabization of the Book of the Language written by Joseph Vendryes*. Anglo-Egyptian Library Press, Committee of the Arabic state, Cairo, Egypt. [in Arabic].

Abdul Salam Mohammad Haroun (1964). *Investigation- Improvement of Language of Abi*

Mansour Mohammed bin Ahmed Al-Azhari. The Egyptian House for Writing and Publishing, Cairo. [in Arabic].

Ayoun Alsood & Mohammed Bassil (1979). *Investigation of Basics Of Rhetoric by Abi al-Qasim Jarallah Mahmood bin Omar bin Ahmad al-Zamakhshari*, Dar Sader, Beirut, Lebanon, p.409.

Karim Zaki Hossam Eddin (1985). *Language Prohibitions*, The Anglo-Egyptian Library, Cairo, Egypt, p.17.

Kamal Mohammed Basher (1992). *Translation of The Role of the Word in Language by Stephen Ullmann*, Youth Library, Cairo, Egypt, p.196.

Dictionary of the Koran (1981). *Surat al-Kahf* verse: 19, Al-Quran - the Arabic language complex, Dar al-Shorouk, Cairo, Egypt.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шабан Абдулджаббар Кадим, аспирант.

Abduljabbar Kadim Shaban, Post-graduate Student.

Хомутова Тамара Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода.

Tamara N. Khomutova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Translation.

РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
SECTION III. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

UDC 821.111

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-9

Elena S. Danilova

The “OLD-SCHOOL PROFESSIONALISM” concept as described in “The Vogue Factor” by K. Clements

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: elenasdanilova@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-1556-3116

Статья поступила 25 января 2019 г.; Принята 25 февраля 2019 г.;
Опубликована 31 марта 2019 г.

Abstract. The article is focused on the components of professionalism as a system of knowledge and values which is inherent to a specific professional community. The linguistic material was obtained from a literary work, namely: “The Vogue Factor” novel by K. Clements published in English. The novel is an insider’s description of the fashion industry realia. The goal of the research is to reveal the linguistic means which represent the “old-school” professionalism concept in the novel under study. The system of knowledge on the profession specifics is considered as a concept which comprises several layers containing information on professional requirements, work arrangements, profession characteristics, personal traits, background knowledge, contemporary trends. Thus, the concept is analyzed in terms of Russian and Post-Soviet linguistics. It is understood to be a mental structure containing data on the results of a person’s activities and the accumulated knowledge of the world. The study of the linguistic material makes it possible to reveal lexical means which represent the concept in the English language. Epithets having a positive connotation prevail among these means. The “old-school” epithet is among the key adjectives used in the novel to describe the traditional values, characteristics and work approaches which are highly appreciated. The article touches upon issues of professionalism which specialists from various spheres are concerned about. This paves the way for further interdisciplinary research.

Key words: “professionalism” concept; context; lexeme; epithet; connotation; realia

How to cite: Danilova, E. S. (2019). The “OLD-SCHOOL PROFESSIONALISM” concept as described in “The Vogue Factor” by K. Clements. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 96-107, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-9

Данилова Е. С.

**Концепт «ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СТАРОЙ ЗАКАЛКИ»
в романе К. Клеменц «The Vogue Factor»**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»)
ул.Победы, 85, г.Белгород 308015, Российская Федерация
E-mail: elenasdanilova@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-1556-3116

Received 25 January 2019; Accepted 25 February 2019; Published 31 March 2019

Аннотация. В центре исследования находятся составляющие профессионализма как системы знаний и ценностей, присущей определенному профессиональному сообществу. Источником языкового материала послужил литературный источник, в частности, роман К. Клеменц «The Vogue Factor», опубликованный на английском языке и представляющий собой инсайдерское описание реалий фэшн-индустрии. Статья направлена на выявление лингвистических средств экспликации концепта «профессионализма старой закалки» в романе К. Клеменц «The Vogue Factor». Система знаний о специфике профессии рассматривается как концепт, состоящий из нескольких слоев, содержащих информацию о профессиональных требованиях, организации труда, признаках профессии, личностных характеристиках, фоновых знаниях, современных тенденциях. Таким образом, концепт анализируется в русле современного российского и постсоветского языкознания, в частности, как ментальная структура, содержащая информацию о результатах деятельности индивида, накопленные знания о мире. Анализ фактического материала позволил выявить лексические средства, актуализирующие исследуемый концепт на английском языке, в том числе эпитеты, имеющие преимущественно положительную коннотацию. Одним из ключевых эпитетов является прилагательное *old-school*, используемое для описания традиционных ценностей, характеристик и подходов к работе, которые, как правило, получают высокую оценку окружающих. В работе освещаются вопросы профессионализма, затрагиваемые специалистами различных сфер, что открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: концепт «профессионализм»; контекст; лексема; эпитет; коннотация; реалии

Для цитирования: Данилова Е. С. Концепт «ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СТАРОЙ ЗАКАЛКИ» в романе К. Клеменц «The Vogue Factor» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 96-107. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-9

Introduction

In the age of high-end technologies, countless gadgets and overwhelming information, people tend to waste more time,

and professionalism seems somewhat depreciated. The so-called “old-school” representatives are increasingly recalled in various aspects, including music,

pedagogics, sports and many other spheres. Thus, people reveal nostalgic feelings of the past times. To some extent they may be motivated by the desire to turn back time, but basically, people tend to miss the times when quality was profound, and due professionalism enjoyed a thorough respect. The novel under study describes the “golden days” of the fashion industry as seen by an insider. The concept described is of interest both in terms of linguistics and culture.

Main part

The goal of the of the article is to analyze the linguistic means used by the writer to reflect the “old-school” approach in fashion and journalism. “The Vogue Factor” novel by K. Clements (2013) has been used as a source of linguistic material, as it deals with the real memories and descriptions of persons involved in the fashion industry and journalism.

Materials and methods

Research by M. Albrecht in the sphere of literature studies (1954), E.S. Kubryakova (1996), Yu.S. Stepanov (2007) and Živilė Nemickienė (2011) in the field of concept, as well as works by J. Evetts (2014) and R. Roiphe (2016) analyzing social and professional aspects, makes the theoretical basis of the study.

The concept of professionalism has already been researched into by a Russian scholar, E. Morozov, in respect to a clerical job (Morozov, 2016). Numerous papers have been devoted to issues of professional culture in sociology, pedagogics and other spheres (Maslova, 2016, Maltseva, 2010). In this paper the concept of professionalism is analyzed on the basis of the novel by K. Clements, “The Vogue Factor” (2014), which served as a source of linguistic material.

Continuous sampling method and methods of contextual and semantic analysis have been used in this research.

Results and discussion

This paper deals with the study of the “old-school professionalism” concept as

explicated in the novel by K. Clements. Thus, a work of literature is analyzed as a source of information about facts of life, people’s characteristics and professional realia. The role of literature in describing reality raises no doubts. M. Albrecht in his work “Literature reflects society” speaks of “relation of literature and society” as a fact repeatedly mentioned by numerous authors, including Plato, Fearing and so on (Plato), (Fearing, 1947). At one time or another literature has been thought to reflect economics, family relationships, climate and landscapes, attitudes, morals, races, social classes, political events, wars, religion and many other more detailed aspects of environment and social life (Albrecht).

The issues analyzed in this paper go beyond contemporary linguistics, as they concern both values, characteristics, professional requirements, trends, realia and the means of language used to explicate these components. The concept of professionalism has been studied by scholars involved in various fields of research, including sociology, HR and so on. Julia Evetts in her work “The Concept of Professionalism: Professional Work, Professional Practice and Learning” analyzes professionalism as a concept in terms of sociology, training and organizing the work process, speaking about the realia changes and shifts in the “professionalism” concept components (Evetts, 2014). William E. Moore provides research findings concerning professional roles and rules (1970), while a study made by a Russian sociologist, A. Angelovsky, specifies several components of professionalism (Angelovsky, 2010). Rebecca Roiphe focuses on the decline in professionalism typical of the contemporary society (Roiphe, 2016).

Professionalism is considered herein as a concept. The latter is described by E.S. Kubryakova as “a multi-dimensional speculative construct reflecting the world cognition process, results of human activity,

human experience and knowledge of the world, which stores information about it”, (Kubryakova, 1996).

Contemporary European authors, among them Živilė Nemickienė, treat concept as a mental structure that represents the knowledge of an individual about a particular segment of the world. Being a part of the world picture, the concept reflects the orientation of values of both the individual person and the entire linguistic community (Nemickienė, 2011). This paper focuses on the “old-school professionalism” concept containing information on the professional details of the fashion industry.

Živilė Nemickienė explains that “the concept is related to the verbal means of expression” (Nemickienė, 2011). Yu. S. Stepanov envisions concept as a structure consisting of various strata, which are the results of cultural life of different epochs (Stepanov, 2007). The study of the linguistic material, namely, the contexts from the novel by K. Clements, has revealed several information strata which can describe various aspects of the “old-school” professionalism. These include data referring to the personal and professional characteristics of people, their values, work approaches, professional requirements, range of their interests and background knowledge. The writer also compares the “old-school” representatives with the young generation and speaks on the trends and realia of professional life today.

In the first place, any professional community should be regarded as a team of people sharing opinions, values and experience. In the novel under study, the author refers to the professional community of the past times described as a “league”:

The Vogue women in those years were in a league of their own (K. Clements, 2013).

Using the word “league” implies that members of the professional community enjoyed a high status. This fact is confirmed by Julia Evetts in her research of the

“professionalism: concept: “professionalism, therefore, requires those working as professionals to be worthy of that trust, to put clients first, to maintain confidentiality and not use their knowledge for fraudulent purposes. In return for professionalism in client relations, some professionals are rewarded with authority, privileged rewards and high status (Evetts, 2014: 32).

Another component of the “professionalism” concept revealed during the study of the novel is the effect of the profession on people’s environment. As the context enables us to conclude, commitment to work implied that the older generations actually lived in what they did. Their job was closely connected with their lifestyles. This may be proved by an example from the novel:

Their style was not just related to fashion, or which designer was hot or not. They lived and breathed Vogue, their taste extending through to their homes, their art, their dinner parties, their holidays (K. Clements, 2013).

The above context actually represents the profession “aura” transferred into real life, involvement of the social environment. Environment matters in shaping any kind of tastes and preferences, which is confirmed by numerous psychologic research. So, one of the most powerful influences of the environment on the person is “that it is the cultural environment that determines what a person in that culture is” (Bickard, 1992). The personality development process “depends on the individual’s belonging to a specific environment” (Leontyev, 1975: 105). Speaking about different art spheres, music and the musicians’ lifestyles could not but influence the taste of their contemporaries. This fact is mentioned by the author in the novel:

Our fashion sense was also strongly influenced by many of the international bands that were touring (K. Clements, 2013).

The novel provides sufficient information on the specific professional community of fashion designers and journalists of the “old-school” generation and their environment. abundance of famous bands and rock musicians mentioned adds to the effect. Moreover, the author has had the opportunity to describe some personal characteristics of the people concerned, as she is actually familiar with these people. Lexemes like “vibrant”, “intelligent”, “impeccable”, “infinite taste”, “a true gentleman” give the reader a sufficient image of a typical professional of the good old days. Let us suggest a few examples to illustrate these characteristics:

I had been transported to a world of infinite taste, mentored by women who were neither snobbish nor judgmental. They were warm, intelligent and wickedly funny (K. Clements, 2013).

The abundance of epithets enables the reader to shape a detailed image of the professionals described.

Karin proved to be a wonderful mentor and colleague. She was elegant and attractive, expensively dressed and wildly materialistic on the outside, but underneath she was witty and generous and quite self-deprecating (K. Clements, 2013).

More lexemes with positive connotation may be found in the following examples.

After my office visit, I was taken to lunch at the uptown Cipriani by Rebecca McGreevy, Lauder’s senior vice president of PR, an impeccable Southern woman in her sixties who was charm personified (K. Clements, 2013).

Lexemes “impeccable” and “charm personified” add to the positive image built by the author.

The high tea arrived, and I helped Mrs. Lauder to arrange some tiny scones with jam and cream on her plate. She was rather frail, certainly, but vibrant (K. Clements, 2013).

All these contexts shape a positive image of the past generation of professionals, in the first place due to their personal characteristics and charisma. Besides, the contexts below contain the epithet “old school”, providing examples that the younger generation should try to follow:

Bernie, as he was known, was a true gentleman, with his shock of white hair and mellifluous voice. He had old-school charm (K. Clements, 2013).

He is a dream to interview: extremely engaged, engaging and old-school polite (K. Clements, 2013).

Once we were dining and she had just stepped off a plane from Los Angeles, looking like a genuine old-school movie star in head-to-toe Calvin Klein (K. Clements, 2013).

As the following example suggests, impeccable manners and good taste are accompanied with positive personal traits:

But I also tried my hardest to fit the layouts, and I was very proud when one day the impeccably mannered art assistant Eric Matthews came to my desk and awarded me The Golden Scalpel Award for Exactitude (K. Clements, 2013).

Another value of the professional community described by K. Clements is team spirit, which is explicated in the following context with the lexemes “team” and “camaraderie”:

With such a varied, smart and opinionated group of people working in one office on tight deadlines, it was natural that things could sometimes be fraught, but the camaraderie among the team was strong and supportive (K. Clements, 2013).

The novel also reveals an important idea of the author, and that is: real professionalism cannot be driven by any mercenary motives.

If you wanted to be rich, it was best not to work at Vogue (K. Clements, 2013).

A truly professional motive is described by the author directly: “wanting to do a great job”:

I like to hope that career success comes from wanting to do a great job, not just making shortsighted decisions in order to keep your job (K. Clements, 2013).

The insight into the profession actually dispels some stereotypes about fashion industry. For instance, those involved in this sphere are frequently considered shallow. Public opinion and mass media tend to describe them as people who only care for good looks. In fact, this stereotype is mentioned and instantly dispelled by the author of the novel under study:

At the core of these stereotypes is a tired belief that all women in fashion are shallow, lazy, pea-brained and self-serving. And yes, there are some. But from what I have observed they never last the distance. It's a very, very tough business (K. Clements, 2013).

Another context supports the idea that fashion industry is a serious sphere, “a tough business”:

Naturally, like everything at Vogue, this move was not taken lightly (K. Clements, 2013).

Some of the descriptions in the novel enable us to see the diligence and hard work that professionals apply each time they work on a new project.

An editor or journalist has to go the extra distance and work out a new angle, a new spin, and in some cases push back and say no, let's think of something else. It is what the reader deserves (K. Clements, 2013).

The above context reveals a specific work approach pursued by the specialists in the sphere concerned. It involves new perspectives, “new angles”, constant development, and it is reader-oriented, which actually implies respect for the reader or the customer.

Speaking about the professional environment, the following example

contains an indirect mentioning that work in always in full swing:

I noticed that the fashion stockroom needed tidying. Note to any future interns reading this book: fashion stockrooms always need tidying (K. Clements, 2013).

An integral component of professionalism is striving for perfection. In the context below it is described with the following lexemes: “to be obsessed”, “every tiny detail”:

Fashion editors feel devastated when their shoots are rejected because they have obsessed over every tiny detail to get to the end result (K. Clements, 2013).

An insider's description of the professional life, among other, reveals major difficulties of the industry. These include the need to balance art and “client expectations”, “commerce and creativity”:

In promotions, you also learned to manage client expectations, while trying to maintain artistic integrity. It was an invaluable introduction to magazine politics and the inevitable dance between commerce and creativity (K. Clements, 2013).

Thus, another component of the professionalism concept described in the novel includes professional requirements, for example, the need to polish skills, artistic integrity and so on. This is true for any sphere where a person may be involved. Rebecca Roiphe in her work “The Decline of Professionalism” describes requirements that lawyers must comply with: “Professionals do have a unique education, approaches and experience” (Roiphe, 2016: 680). Calling these components “unique”, she actually falls in line with K. Clements's idea to call the professional community “a league”, emphasizing that one must meet a very high standard to join it.

According to A. Angelovsky, a profession includes several components: “a prolonged (not a short-term) activity in some field, specific education and skills, specific professional conduct both at work and beyond, forming a professional interest

which is exercised via professional associations and requirements (professional ethics and customs are often formed on the basis of the above component), and striving to achieve a special status” (Angelovsky, 2010: 308).

J. Evetts mentions division of labour as an integral part of professionalism saying that “professionalism in occupations and professions implies the importance of trust in economic relations in modern societies with an advanced division of labour” (Evetts, 32).

Wilbert E. Moore describes “two primary bases for specialization with a profession” including “the substantive field of knowledge that the specialist professes to command” and “the technique of production or application of the knowledge over which the specialist claims mastery” (Moore, 1970: 141).

The fact that there is specialization within fashion industry is described by K. Clements:

Models can have particular attributes that they specialize in – hand models, foot models, models who can smile (K. Clements, 2013).

Job specialization is a sign of profession, in contrast to amateur activity. Moreover, the process of professional training consists of several stages, one of them is apprenticeship. This stage in the author’s career is illustrated with the following context:

I kept quiet for many months, just soaking it all in (K. Clements, 2013).

It is common knowledge that learning is a life-long process. So, the need to acquire background knowledge is unquestionable. The context illustrating this fact reveals a thorough approach of the professionals to every project they did:

If the shoot was to be in Africa, we were encouraged to read Isak Dinesen, Marrakech, Paul Bowles. One Hemingway novel suggestion I remember for a particular shoot was A Moveable Feast. I

ate up all the literary references (K. Clements, 2013).

The author describes this experience using some exaggerations, including the verb “to eat up” instead of “to read”, which shows her great interest in the process. Enthusiastic attitude is also crucial, as well as motivation and competence:

The fashion editors literally wrote philosophies about what they were going to shoot, and why (K. Clements, 2013).

Speaking about background knowledge, a wide range of interests typical of the magazine in question is described:

June’s Vogue had always been very arts focused, with a major amount of excellent editorial devoted to theater, books, film, dance and opera (K. Clements, 2013).

Representatives of various spheres today mention a lack of the above characteristics and a general decline in professionalism. Rebecca Roiphe speaks about the “intellectual and cultural shift” in the late XXth century which is connected with such decline (Roiphe, 2016: 650).

In contrast to the popular idea that everything can easily be done with a click of a computer mouse, real professional approach implies a thorough preparation:

Back then, we used to iron everything to death. Now the art directors just take out every flaw in a photograph in post-production (K. Clements, 2013).

The choice of lexemes in the context below shows how much effort is taken by professionals. Instead of the neutral “work” lexeme, the author uses the verb “labor”:

I think witty copy on a fashion page is a must. I’ve always labored over them (K. Clements, 2013).

Apart from the above components of the professionalism concept described in the novel by K. Clements, there is an adjective – “old-school” – that refers the reader to the past generation directly. The “old-school” lexeme is widely used in various contexts today. Thus, Merriam-Webster’s dictionary describes this lexeme as “1: adhering to

traditional policies or practices an old-school coach; 2: characteristic or evocative of an earlier or original style, manner, or form” (Merriam-Webster). Macmillan Dictionary interprets “old-schools” as “traditional or typical of the early style of something” (Macmillan Dictionary). According to Urban Dictionary, “old-school” is “anything that is from an earlier era and looked upon with high regard or respect”, it “can be used to refer to music, clothing, language, or anything really”, “anything that refers to a previous generation of a subject/idea/object/etc. Typically, they are highly regarded and sometimes the very thing that started it all” (Urban Dictionary).

Throughout the novel the author refers to the “old-school” lexeme as an epithet used to describe the advantages of the older generation. Examples from the novel under study prove that it has a positive connotation, as it is used in combination with the adjectives “marvelous” and “fabulous”:

These were the initial drawings, which he would later work on and perfect to produce the final images. It felt rather old-school and marvelous (K. Clements, 2013).

So, “old-school” appears to be among basic notions to describe the advantages of the older generation:

Clearly I got over it, but Jerry Hall is certainly one-of-a-kind, old-school fabulous (K. Clements, 2013).

All the components of the “old-school” professionalism concept described by K. Clements are described as positive, including competence, striving for perfection, having team spirit. The very fact of choosing the “old-school” epithet shows the author’s respect for the past times. Reference to the past is also given in the example below, and the epithets – “impeccable”, “the best” – illustrate the author’s positive attitude or even admiration for those decades:

Fortunately, we made it back to the boat, and the shoot—with Sarah looking impeccable in fifties style fashion, with slicked-back hair and bright-red lipstick—was one of her best ever for Vogue (K. Clements, 2013).

The fifties-style seems to be an example to follow for the author. It is mentioned both directly, as in the first example below, and indirectly, due to the name of the famous actress of the decade, as in the second one:

It was this fifties-Fellini vibe I was channelling when I started at Vogue (K. Clements, 2013).

The pictures were gorgeous, the model resonating with a vintage glamour not unlike that of Marlene Dietrich (K. Clements, 2013).

Apart from the “old-school” epithet, the author uses the lexeme “vintage” and a direct indication of the time in history in order to refer to past decades.

Since all of the previous contexts contain the idea that past generations used to be highly professional, the meaning of the “old-school” epithet becomes almost equal to the meaning of “good”, “proficient” and so on. The use of epithets with a positive connotation: “grand”, “flamboyant” and comparing the designer products with works of art add to this impression:

If I was asked what the ultimate moment might be in the world of Paris high fashion, I would suggest that Christian Lacroix couture shows came very, very close. They were such an old-world, feminine experience, always held in grand ballrooms with the prerequisite spindly-gold chairs. His sense of fabrics, of clashing and combining color, of texture and pattern, was extraordinary; each exit a work of art with a flamboyant nod to history and costume (K. Clements, 2013).

Continuing to dispel the stereotype of shallowness, the author touches upon the need to respect traditional values. These

values are described with the lexemes “integrity”, “honest”, “intelligent”:

Despite all the changes I see in the industry I think that now, more than ever, it is important that your work has integrity. The mediums have changed and will change again, but honest, intelligent content is still key (K. Clements, 2013).

The old-school generation of professionals is repeatedly compared with the younger generation throughout the novel. The former has set an example to follow, a standard for the younger generation to sustain:

The great couturiers and their ateliers set a standard that is so remarkable (K. Clements, 2013).

A detailed comparison of the old-school and the younger generation may be found in the context below:

These women knew what they were talking about. They had intrinsic good taste but they also possessed cultural references. They knew the history of a designer, and why a particular show was a standout, or a disappointment. They could articulate the reason because they had the knowledge and the language to do so. So much amateur fashion commentary today is subjective: “Oh, I loved the green dress, I’d wear that. The shoes are amazing!” (K. Clements, 2013).

The author focuses on the broad-mindedness of the old generation, while the low degree of competence in the young ones is rendered by means of such attributes as “amateur” and “so-called”. Besides, the conclusion is not made based on the linguistic indicators only. Description of the ability of the professionals “to articulate the reason”, “to have the knowledge and the language to do something” refers to a certain degree of education and proficiency.

The reality seems catastrophic: features like “good taste”, “cultural references”, the ability to “articulate the reason”, the “knowledge”, “the language” all seem to have disappeared. The

professional world has been displaced by amateurs. The same idea is contained in the following context:

A lot of so-called experts are merely airing fatuous personal opinions (K. Clements, 2013).

Another example concerning the interests of the new generation, or rather, a lack of such interests, reveals they do not have any background knowledge:

I feel sad when I hear young girls today —especially teenagers—saying, “I love Givenchy and Balenciaga,” and you know it’s unlikely they have ever read a book about the original designer (K. Clements, 2013).

As linguistic concept is aimed at explicating the reality by means of language, it cannot fail to reflect contemporary social, political or economic issues. The need to strike a balance between fashion requirements and healthcare is a pressing issue these days. This problem is also mentioned by K. Clements when she describes the new reality of fashion backstage.

If you look back at the heady days of the supermodels in the late eighties and early nineties, beauties such as Cindy Crawford, Eva Herzigová and Claudia Schiffer look positively curvaceous compared to the sylphs of today (K. Clements, 2013).

The above phrase compares the previous generation of fashion models to the contemporary one. The miniature size of the latter is denoted with the noun “sylph”.

Dangers of following the fashion trends unreasonably are described below:

The top casting directors are demanding that they be thinner and thinner. I’ve got about four girls in the hospital (K. Clements, 2013).

Apart from the health and social issue, the writer mentions the job requirements and professional environment changing, with more obstacles for the working people:

In today's environment, there is so much more working against the journalist who is trying to do a good job (K. Clements, 2013).

The contexts enable us to see that the financial aspect has penetrated in all spheres of life, including art:

It is impossible to explain to someone who is fixated on reducing costs that the international shows deliver inspiration and expertise, giving an editor a sense of context, history and insider knowledge (K. Clements, 2013).

Thus, the contexts in the novel under study effectively reveal the differences between the “old-school” professional communities and contemporary ones. By means of a linguistic concept, the writer provides direct and indirect characteristics of the “professionalism” features. She touches upon pressing issues and drawbacks of today's realia and implicitly calls the readers to keep up the high standards set by the old generation. Language is only a means to render this appeal, but if used precisely, it can be effective enough to pass on the “old-school” wisdom and values to be sustained and respected.

Conclusion

A comprehensive study of the “professionalism” concept in works by various scholars and the analysis of the contexts from the novel by K. Clements describing old-school professionals enables specific conclusions to be made. First, the knowledge of the “old-school” professional communities, their lifestyles, work patterns and values may be represented in a concept. A concept is understood as a mental structure containing knowledge of a specific sphere of life. This structure is made up of various strata, which reflect information on personal characteristics, professional values, motives, work approaches, environment involvement, dedication, background knowledge and readiness to learn, team spirit, trends and challenges. A study of the linguistic means representing this concept

enables to conclude that old-school professionals are perceived as competent specialists possessing positive personal traits. Professions are considered to be unique, and professionals should enjoy a high status. Professional standards and requirements must be complied with. Involvement in professional activity cannot fail to produce a certain effect on other life spheres, thus making a person's environment an integral part of the “professionalism” concept. Problems of the profession may not be excluded from the concept structure either. In respect to the “professionalism” concept, they include the need to survive in the market conditions and balancing between art and commerce. The author repeatedly compares generations, contemporary realia and trends of today and mentions the amateur approach typical of today.

Among the linguistic means used to verbalize these concept elements are epithets, mainly having a positive connotation when they refer to the past generation, as well as nouns, for example, those describing professional and human values. The metaphoric use of some verbs adds to the expressiveness and makes the description of the author's professional experience more vivid. Apart from lexical means, the author explicates the old-school professionalism concept on the syntactic level, when it is not a separate lexeme that makes the reader imagine the situation or a characteristic, but a whole context describing the actual situation in the industry or in the world. Grammatically, the Past Simple Tense prevails in such contexts, which draws the reader's attention towards the past generations and their experience.

The problems addressed in the novel may be of interest to many researchers in various spheres, as they include the values shift, the correlation between amateur and professional, the commerce and profession balance, new trends, new generation mentality, and previous experience which

may soon be lost. These issues require a joint study of linguists, psychologists, HR specialists, and thus opens perspectives for further research.

References

Albrecht, M. C. (1954). *American Journal of Sociology*, Volume 59, No., pp. 425-436 (12 pages). Chicago: The University of Chicago Press, p.425 [in English].

Angelovsky, A.A. (2010). Analiz ponyatij professiya, professional'noe soznanie, professional'naya deyatel'nost', professionalizm [The analysis of the "profession", "professional consciousness", professionalism". *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN [Russian Academy of Sciences Samara Research Centre Bulletin]*, [online] Volume 5 (2). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatij-professiya-professionalnoe-soznanie-professionalnaya-deyatelnost-professionalizm> [Accessed 23 January 2019]. [In Russian].

Bickhard, M.H. (1992). *How Does the Environment Affect the Person?* In L. T. Winegar & Jaan Valsiner (eds.), *Children's Development Within Social Contexts: Metatheoretical, Theoretical and Methodological Issues*. Erlbaum, p.22. Available at: <https://www.lehigh.edu/~mhb0/EnvtoPerson.pdf>. [Accessed 23 January 2019].

Clements, K. (2014). *The Vogue Factor: The Inside Story of Fashion's most Illustrious Magazine*. San Francisco: Chronicle Books, 208p.

Dictionary Macmillan (MD) (2009-2015) [online] eds.: W. D. Halsey, C. G. Morris ; New York ; London: Macmillan Pub. Co.. – Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>. [Accessed 21 January 2019].

Evetts, J. (2014). The Concept of Professionalism: Professional Work,

Professional Practice and Learning. S. Billett et al. (eds.). *International Handbook of Research in Professional and Practice-based Learning*, Springer International Handbooks of Education, Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht, pp.29-56

Fearing, F. (1947). *Influence of the movies on Attitudes and Behavior*, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. CCLIV. Los Angeles: University of California, pp. 76-78. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/000271624725400112>. [Accessed 18 January 2019].

Kubryakova, E.S. (1996). *Kontsept [Concept]*. In Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z. et al. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [A brief dictionary of cognitive terms]*. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 90-93. [In Russian].

Leontyev, A.N. (1975). *Deyatel'nost, soznaniye, lichnost [Activity, conscious, personality]*. Moscow: Politizdat, p.105. [In Russian].

Maltseva, L.V. (2010). Professionalizm-kak-nravstvennaya-cherta-lichnosti-moral-i-pravo [Professionalism as a moral characteristic of a person (morals and law)]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society; politics, economics, law]*. Volume 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizm-kak-nravstvennaya-cherta-lichnosti-moral-i-pravo> [Accessed 21 Dec. 2018]. [In Russian].

Maslova, T.S. (2016). Professionalizm-i-professionalnaya-kultura-v-sovremennyh-i-sotsiologicheskikh-issledovaniyah [Professionalism and professional culture in contemporary research and sociology]. *Gumanitarniy Yuga Rossii [The Humanitarian Specialist of the South of Russia]*, Volume 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizm-i-professionalnaya-kultura-v-sovremennyh-i-sotsiologicheskikh>

issledovaniyah [Accessed 31 Jan.2019]. [In Russian].

Merriam Webster Online Dictionary (MWOD) (2010-2015) [Online]. Merriam-Webster, Inc. Springfield, MA. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/old-school>

Moore, W.E. (1970). *The Professions: Roles and Rules*. NY: Russels Sage Foundation.

Morozov, E.M. (2016). Kontsept-professionalizma-v-sluzhenii-sovremennogo-pravoslavnogo-svyaschennika [The concept of professionalism in the work of contemporary Orthodox priest]. *Monitoring*. Volume 4 (134). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-professionalizma-v-sluzhenii-sovremennogo-pravoslavnogo-svyaschennika> [accessed 3 Dec. 2018]. [In Russian].

Nemickienė, Živilė. (2011). Concept in modern linguistics: the component of the concept "Good". *Šiauliai: Šiauliai University, Filologija*, 2011 (16).

Roiphe, R. (2016). Decline of professionalism. *The Georgetown Journal of Legal Ethics*. Vol. 29: 649 p. Available at: https://digitalcommons.nyls.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1442&context=fac_articles_chapters [Accessed 21 December 2018].

Stepanov, Yu.S. (2007). *Kontsepty. Tonkaya Plenka Tsivilizatsii [Concepts. A Thin Film of civilization]*. Moskva. Yazyki slavyanskikh kultur [Languages of Slavic Cultures], 248p. [In Russian].

The Republic, in *The Works of Plato*, trans. B.Jowett (4 vols in 1; New York: Dial Press, n.d.) II, 378 p.

Urban Dictionary (1999-2019). [Online] / San Fransisco: Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=old%20school> [Accessed 19 December 2018].

Данилова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Elena S. Danilova, PhD in Philology, Associate Professor, Department for English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University

РАЗДЕЛ IV. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
SECTION IV. APPLIED LINGUISTICS

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-10

Куприева И. А. Гуломалиев Ш. Л.	Специфика углублённого языкового мониторинга англоязычного интернет-дискурса
------------------------------------	---

Частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова» (ИМПЭ им. А.С. Грибоедова), шоссе Энтузиастов, 21, Москва 111024, Россия

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национально-исследовательский университет», ул. Победы, 85, Белгород, 308001, Россия
E-mail: KUPRIEVA@YANDEX.RU
ORCID: 0000-0002-1024-7053

Гуломалиев Ш. Л.
Университет Цукуба, Факультет гуманитарных и социальных наук, Ибараки, Теннодай 1-1-1 305-8571, Япония.
E-mail: SRILLGOZ@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-1024-7053

Статья поступила 15 января 2019 г.; Принята 25 февраля 2019 г.;
Опубликована 31 марта 2019 г.

Аннотация: Настоящее исследование является когнитивно ориентированной научной разработкой, принимающей в расчет лингвистическое и экстралингвистическое знание. Это позволяет иллюстрировать взаимосвязь языка и менталитета нации, а также описывать особенности языкового отражения происходящих в экстралингвистической реальности событий в синхронии и фиксировать ее для последующих исследований в диахронии. В настоящей работе мы исходим из того, что любые экстралингвистические изменения имеют проекцию в языковой материал, а эмпирические факты являются кодификаторами исторических событий. Так, исследование языка дает возможность получить доступ к сознанию и сокровищнице лингвокультуры. При этом мониторинг меняющейся языковой ситуации под воздействием неязыковых факторов должен быть постоянным, отражающим динамику языковой синергии. Такого рода работа с языковым материалом является сложной и комплексной, поскольку достаточно проблематично отразить языковые изменения в синхронии. Наиболее очевидны такие изменения при изучении Интернет-дискурса, что и обусловило обращение к нему как к источнику фактического материала в настоящем исследовании. Программа углубленного эмпирического мониторинга, принципы организации ментальной структуры имеют определенную теоретическую

значимость, поскольку могут быть использованы в научных разработках подобного формата с учетом адаптации их принципов. Учет полученных ресурсов в идентичных исследованиях в диахронии позволит определить динамику семантических модификаций в дальнейшем и очертить перспективы научного прогнозирования. Разрабатываемая в исследовании база ставит своей целью максимально полно и объективно представить данные о языковых изменениях и указать на неизменяемые единицы в лингвокультуре, что станет вербальным памятником состояния языковой системы на рассматриваемый период.

Ключевые слова: программа углубленного мониторинга; интернет-дискурс; иммигранты; база данных

Для цитирования: Куприева И. А., Гуломалиев Ш. Л. Специфика углублённого языкового мониторинга англоязычного интернет-дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 108-119. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-10

Irina A. Kuprieva
Shirali Gulomaliev

**Specifics of profound language monitoring
of English Internet-discourse**

Private Institution of Higher Education "Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov, 21 Shosse Entuziastov, Moscow, 111024, Russia,

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", 85 Pobedy St., Belgorod 308001, Russia

E-mail: KUPRIEVA@YANDEX.RU

ORCID: 0000-0002-1024-7053

University of Tsukuba. Faculty of Humanities and Social Sciences, 1-1-1 Tennodai, Tsukuba, Ibaraki 305-8571 Japan

E-mail: SRILLGOZ@GMAIL.COM

ORCID: 0000-0002-1024-7053

Received 15 January 2019; Accepted 25 February 2019; Published 31 March 2019

Abstract This study is a cognitive scientific research, taking into account linguistic and extralinguistic knowledge. This makes it possible to illustrate the interrelation of the language and mentality of the nation, as well as to describe the peculiarities of the language reflection of the events of the extralinguistic reality. In this paper, we rely on the fact that any extra-linguistic changes have a projection into the language and empirical facts serve as codifiers of historical events. Thus, the study of language makes it possible to gain access to the linguoculture. At the same time, the monitoring of the changing language situation impacted by non-linguistic factors should be continuous, reflecting the dynamics of language synergy. This kind of language material analysis is complex, since it is rather problematic to reflect language changes in synchrony. They are more obvious in the study of Internet discourse, and this is the reason why it is used as a source of factual material in this study. The program of profound empirical monitoring, the principles of the organisation of the mental structure have a certain theoretical significance, since they can be used in similar scientific works, taking into account the adaptation

of their principles. Accounting for the resources obtained in identical studies in diachrony will allow determining the dynamics of semantic modifications in the future and outlining the prospects for scientific forecasting. The database being developed in the research aims to present data on language changes as fully and objectively as possible and point out the unchanged units in the linguistic culture that will become a verbal monument to the state of the language system for the period in question.

Key words: profound monitoring program; online discourse; immigrants; database

How to cite: Kuprieva, I. A. & Gulomaliev, S. (2019). Specifics of profound language monitoring of English Internet-discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 108-119, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-10

Введение

Программа углубленного эмпирического исследования представляет собой комплекс релевантной методологии проведения языкового мониторинга, преимущественно в синхронном измерении, и фиксации некоторых диахронических языковых изменений с учетом развития текущей социополитической ситуации в мире. В вербальном, документальном, воплощении она может быть отождествлена со стратегическим научным положением, включающим прогностический аспект исследовательской работы (гипотезу и целеполагание), общую схему научных мероприятий по решению поставленных задач, подчиненных цели, обоснование релевантной методологии и интерпретацию полученных сведений, установление корреляции между гипотетическими и полученными результатами, описание перспектив исследования.

Таким образом, программа в общем плане включает следующие компоненты: теоретическую интерпретацию (дескриптивную, структурную, факторную), методологическую базу и инструментарий, логическую структуру исследования, сообразную предыдущему этапу, и аналитико-прогностические установки. Этап теоретической интерпретации подразумевает однозначное и четкое описание непосредственно тех понятий и терминологии, которые релевантны исследованию, соответст-

вуют построению теоретической модели или шаблона исследования. Посредством структурной интерпретации в данном блоке осуществляется установление связей и упорядочивание рассматриваемых понятий, выстраивание модели их соотношения и взаимозависимости. Факторная интерпретация, в свою очередь, направлена на выявление взаимоотношений между исходными понятиями и имеющимися переменными.

Теоретический обзор

В разработке программы углубленного эмпирического исследования мы исходили из теоретических основ, которые акцентируют внимание на языке как колоссальной информационной исторической составляющей. Согласно такому подходу, знания об эволюции человеческого сообщества объективно хранятся в языке, который можно по праву назвать вербальным памятником той или иной эпохи, базой знаний и мудрости человечества, динамичной в угоду общественным и историческим метаморфозам (Компанцева, 2006; Карасик, 2000), транслятором культурного наследия (Сепир, 1993: 192), специфической системы языковых знаков как воплощения знаков культуры, заряженных лингвокультурными смыслами (Телия, 1996). Сама по себе лингвокультура как комбинация лингвистического и нелингвистического в сознании нации априори не может быть односторонне изучена либо в языковой, либо в неязыковой парадигме вне прочно

устоявшейся взаимосвязи между ними. Таким образом, понимая сложность строения лингвокультуры с включенными в нее специфическими уровнями человеческого сознания от эпистемических моделей знания, генерализованных понятий с учетом их культурной маркированности до метафорического уровня, кодирующего язык лингвокультуры, эталонной и символической (Голос, 2017). Опираясь на работы В.А. Масловой, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасовой, Н.М. Шанского, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и других авторитетных ученых, в настоящем исследовании мы останавливаемся на понимании лингвокультуры как воспроизводимой сущности в комплексе всех перечисленных составляющих. В пользу такого положения говорит вербальное воплощение лингвокультурных понятий и репрезентация в образно-смысловых эпистемических структурах знаний. Соответственно, поиск ответа на вопросы о культурном наследии нации и культурной маркированности информации возможен посредством анализа эмпирического материала, который заключается в лексической и/или фразеологической языковой страте (Шанский, 1979). Соответственно, работа в направлении изучения фактического материала в сочетании с принципами междисциплинарной научной парадигмы обеспечит доступ к сознанию и позволит описать фрагменты языковой эволюции, обеспечивающей вариативность и инвариативность.

Отметим, что сравнительно с традиционными лингвистическими научными изысканиями понятие «вариативность» мы понимаем несколько иначе: не в плане диалектных языковых вариантов, а в плане эволюции языка в целом. В данном случае мы полагаем, что язык, сосуществующий с человеком, объективно и абсолютно всегда выполняет роль накопителя и хранителя знаний, лакмусовой бумажки

общественного мнения. Последнее, как правило, транслируется в словах, грамматических конструкциях, несущих положительное или отрицательное оттеночное значение. И какое бы событие не происходило в жизни нации, оно всегда находит языковой отклик в виде новых словарных значений уже имеющихся слов или в неологизмах. Новые оценочные средства появляются, как правило, сначала в неофициальном общении, затем получают все большее распространение, проникают в официальные издания СМИ (Буянова, 2017). Соответственно, вариативность для нас – это не только исконное языковедческое понимание проблемы, но и своего рода «языковая синергия», сепировский «языковой дрейф». Оба понятия в нашем исследовании можно считать условно синонимичными, их суть заключается в своеобразном тандеме языка и культуры, взаимосвязанном развитии с течением времени, влиянии менталитета и культуры нации на ее язык и наоборот.

Иллюстрацией языковых метаморфоз, которые можно прекрасно наблюдать в синхронии, является, на наш взгляд, сегодняшняя социолингвистическая ситуация в Соединенном Королевстве, в котором по целому ряду политических, экономических и социальных факторов концентрируются иммигранты разного вероисповедания, прежде всего, мусульманского, в поисках лучшей и спокойной жизни. И на текущий момент можно также фиксировать усугубление и без того шаткого положения мультикультурной общественной модели, которая так активно насаждалась Британскому сообществу, благодаря оценочному отношению коренных жителей, которое выражается в изменении коннотаций слов при характеристике и самих беженцев и обострившейся ситуации. Вопрос толерантности, так настойчиво

насаждаемый британским правительством местному населению, на настоящий момент характеризует только ситуацию в официальных СМИ, в то время как неофициальные высказывания англичан на форумах и в социальных сетях говорят об обратной реакции. Все чаще лексика, нейтрально называющей ассоциированные с мусульманами понятия, приобретает отрицательную окраску, и все чаще изначально несвязанные с исламской культурой понятия терроризма и вербовки звучат в контексте описания текущей ситуации. И даже несмотря на отсутствие описания изменений коннотаций в семантике лексики во всех словарных источниках, пользователи и носители английского языка четко понимают транслируемое британским сообществом отношение. В настоящее время такой обширный пласт лексики и представляет собой неисчерпаемый и самый сложный актуальный объект исследования. В его описании и научной трактовке мы обращаемся к «живому английскому языку», который доступен нам на просторах глобальной паутины. Это не только сами печатные издания СМИ, в которых, по-прежнему подвергают цензуре предоставляемую информацию, это беседы на форумах, в соцсетях, чатах, комментариях и хэштегах. В качестве материала исследования на основе сплошной выборки из электронных англоязычных СМИ мы обращаемся к публицистическим произведениям СМИ (Al Jazeera, BBC, CNN, the Guardian, Los Angeles Times, News, New York Times, Taipei Times, United Nations, Wall Street Journal, Washington Post, etc.), лексикографическим иллюстративным словарным базам, электронному корпусу British National Corpus. При этом мы не берем в расчет, кроме языковой принадлежности автора, вопросы его статуса, возраста, фиксируясь исключительно на авторской оценке происходящего. Такого рода разброс

позволяет учесть максимальное количество разнородного фактического материала и сделать его исследовательскую оценку максимально объективной.

Методологическая база и инструментарий настоящей программы

Как было отмечено ранее языковые и лингвокультурные изменения возможно проследить с учетом антропоцентрической научной парадигмы, междисциплинарности исследования, лингвистики, психолингвистики, антропологии, психологии, этнопсихологии, антропологии, аксиологии, лингвокультурологии, кроме того, мы обращаемся к методологии синергетики. В данном случае мы понимаем, что лингвокультурные метаморфозы происходят в результате сложных процессов во временном континууме и уподоблены синергетической самоорганизующейся системе (Телия, 1996). Иллюстрацией этому являются многочисленные семантические изменения на функциональном и системном уровнях, которые как раз соответствуют отношению носителей языка к отраженному в их сознании происходящему во времени. Такая лингвокультурная парадигма ввиду подпитки из внешнего мира является открытой и нелинейной, самоорганизующейся вследствие того, что процесс отношения к происходящим в экстралингвистической реальности событиям является неконтролируемым и свидетельством тому выступают живые источники фактического материала, в том числе и медиадискурс различного порядка. Соответственно, комплексное исследование невозможно без традиционных лингвистических методов в сочетании с методологией когнитивной парадигмы, включая концептуальный анализ, лингвокогнитивное моделирование, без акцента на антропоцентрическом факторе, лингвоаксиологии, лингвосинергетики, теолингвистики, дискурсо-

логии и методологии компьютерных наук. Так, создание метода представления организационных знаний в терминах «Узел-Функция-Объект» были адаптированы модели, получаемые средством системно-объектного УФО-подхода, к требованиям моделей организационных знаний с использованием возможностей традиционных моделей знаний (семантической, продукционной и фреймовой) ввиду соответствия каждой из них отдельным элементам организационного знания. Для этого рассматривался алгоритм моделирования знаний с применением СОМПЗ. Весь процесс построения модели знаний в терминах СОМПЗ был условно разделен на несколько этапов: построение иерархии потоковых объектов (аналогично процедуре построения иерархии связей в УФО-анализе); разработка моделей организационно-деловых и производственно-технологических процессов (аналогично построению УФО-модели); описание конечных методов узловых объектов с применением скриптового языка; Использование модели (осуществление логического вывода на модели). Анализ результатов адаптации УФО-подхода к описанию структурных, функциональных и объектных характеристик организационного знания на примерах представления традиционных моделей знаний в терминах «Узел-Функция-Объект» показал, что УФО-модель организационной системы (или организационного знания) может выступать в качестве и сетевой, и продукционной, и фреймовой моделей, что позволяет рассматривать способ представления организационных знаний в терминах УФО-подход как интегральный системно-объектный метод представления знаний (СОМПЗ), интегрирующий и логическую, и структурную, и процедурную парадигмы представления знаний. Рассмотренный способ описания организационных

знаний является универсальным, так как позволяет описать объектные характеристики, структурные характеристики и функциональные характеристики изучаемой предметной области, однако, и в не меньшей мере новаторским способом реализации представления результатов. Информационная система, основанная на таком методе хранения организационных знаний, позволяет хранить и обрабатывать опыт организации в удобном визуальном виде, чего не позволяют реализовать традиционные методы представления знаний. В рамках СОМПЗ мы можем хранить структурные, функциональные и объектные характеристики знаний. Причем на одной модели СОМПЗ имеется возможность использовать продукции, фреймы и сети, что делает модель очень информативной.

Результаты и дискуссия

Системный анализ предыдущего лингвистического и нелингвистического опыта позволяет отразить наиболее объективную картину исследования. В настоящем случае стало возможным говорить о том, что уникальность религии ислама заключается в ее способности репрезентировать максималистскую парадигму, которая предопределяет радикализацию сознания социума, проецируя религию во все сферы жизнедеятельности социума. Таким образом, ислам предполагает использование религиозных канонов в инструментальном плане при управлении социумом. Благодаря этому обстоятельству ислам в большинстве стран, прежде всего, в англоговорящих, по праву рассматривается в качестве так называемой отрицательной религии, приносящей смирение и поклонение, с одной стороны, и управление человеческим сознанием, с другой. При всех аксиологических подходах к данной культурной компоненте ислам для исследователей различных научных течений представляет несомненный

интерес. Почвой для разнообразных научных изысканий явились роль женщины в мусульманских странах, взаимоотношения Европы и мусульманских стран, мусульманская угроза, терроризм, манипуляции человеческим сознанием и т.д. С лингвистической точки зрения принципиальный интерес представляет репрезентация мусульманского мира посредством языка. В таком случае дискурсивная среда играет мотивирующую роль для развития и распространения знаний о мусульманском мире. Сам по себе дискурс как благодатная почва объективации той или иной ментальной структуры является интерактивной речевой практикой, существующей в единстве коммуникативных и когнитивных процессов, ассоциированных с экстралингвистическими факторами. Ментальные структуры разного порядка находят свое отражение в дискурсивном пространстве и особенно ярко разворачиваются в медиадискурсе. Сами по себе ментальные структуры вариативны в плане строения и наполнения. И если подходить к вопросу описания ментальных структур с онтологической точки зрения, что речь идет о воплощенном понимании (*embodied understanding*), их классификации, критериев, позволяющих им отличаться друг от друга. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы будем придерживаться следующего определения: концепт – это составная единица концептосистемы (семантической модели главных мировоззренческих понятий), которая объективируется в слове, языке в форме чувственных и мыслительных признаков того или иного явления действительности и репрезентирует эти признаки через текст, как ментальные, исторические и этнические знаки в сознании народа, где «ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями концептуальных

признаков, что увеличивает объем концепта и насыщает его содержание». Таково представление концепта очевидно на уровне сознания, в то время как в реальном воплощении он представляет собой своего рода конструкт, объединяющий большой пласт лексем разной частеречной принадлежности, тематической соотнесенности. Такая группа лексики первично, как было отмечено выше, была получена при помощи сплошной выборки и представляет собой достаточно разнородный материал для систематизации. Ее первичный лингвистический анализ позволил организовать базу данных, представляющую собой структурированный исследовательский корпус лексем, входящих в состав группы лексем, объединенных понятием «Мусульманский мир», накопленный при помощи сплошной выборки из соответствующих аутентичных источников и лексикографических источников. В ней также содержатся сведения о значении отобранных единиц по англоязычным словарям, приведены примеры употребления отобранных лексических единиц и проведен анализ оценочного значения. В целях объективности исследования мы учитываем данные толковых англоязычных словарей: Macmillan English Dictionary: for advanced learners (MED) (<https://www.macmillandictionary.com>); Longman Advanced American Dictionary (LAAD) (Longman, 2013); Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) (Oxford, 2011); Merriam-Webster Dictionary (MWD) (www.merriam-webster.com); Cambridge Dictionary (CD) (<https://dictionary.cambridge.org/ru/>). Приведем лингвистическую выдержку из зарегистрированной базы данных.

Лексема «Muslim»

Значение по словарю The Oxford Dictionaries: A follower of the religion of Islam.

Значение по словарю Macmillan dictionaries: someone whose religion is Islam

Значение по словарю Cambridge Dictionary: a person who follows the religion of Islam

Пример употребления в контексте: Muslim is the preferred spelling for 'a follower of Islam', although the form Moslem is also used. The archaic term Muhammadan (or Mohammedan) is not favoured by Muslims and should be avoided

Наличие оценочного значения / отношения: нет

Лексема "Muslimism"

Значение по словарю The Oxford Dictionaries: 1. Islam; the religion of Muslims

2. the monotheistic religious system of Muslims founded in Arabia in the 7th century and based on the teachings of Muhammad as laid down in the Koran

Значение по словарю Macmillan dictionaries: не представлено

Значение по словарю Cambridge Dictionary: нейтральная коннотация

Пример употребления в контексте: Muslimism is the civilization of Muslims collectively which is governed by the Muslim religion; "Islam is predominant in northern Africa, the Middle East, Pakistan, and Indonesia.

Islam is a complete way of life, not a Sunday religion"; "the term Muhammadanism is offensive to Muslims who believe that Allah, not Muhammad, founded their religion

Наличие оценочного значения / отношения: отрицательная коннотация

Лексема "Fatwa"

Значение по словарю The Oxford Dictionaries: a legal opinion or ruling issued by an Islamic scholar;

Значение по словарю Macmillan dictionaries: A ruling on a point of Islamic law given by a recognized authority

Значение по словарю Cambridge Dictionary: an official statement or order from an Islamic religious leader

Пример употребления в контексте: bin Laden issued three fatwahs calling upon Muslims to take up arms against the United States

Наличие оценочного значения / отношения: нейтральная коннотация

Лексема "Shia, Shiah, Shiah Islam"

Значение по словарю The Oxford Dictionaries: One of the two main branches of Islam, followed by about a tenth of Muslims, especially in Iran, that rejects the first three Sunni caliphs and regards Ali, the fourth caliph, as Muhammad's first true successor

Значение по словарю Macmillan dictionaries: a member of the second largest religious movement in Islam, based on the belief that Ali, a member of Mohammed's family, and the teachers who came after him were the true religious leaders

Значение по словарю Cambridge Dictionary: one of the main groups in the religion of Islam. A Muslim who belongs to this group is called a Shia or a Shiite

Пример употребления в контексте: Shia Muslims believe that just as a prophet is appointed by God alone

Наличие оценочного значения / отношения: нейтральная либо негативная контекстуальная коннотация

Использование баз данных для фактического материала большого объема дает возможность хранить информацию в удобной форме для лингвиста форме и обрабатывать ее благодаря наличию специальных инструментов. В нашем случае база данных использовалась для удобства работы с разнородной лексикой при ее обработке и верификации с ментальной структурой, и в дальнейшем будет актуальна для создания виртуального словаря.

В то же время лингвистическая обработка и анализ накопленных посредством сплошной выборки лексических единиц базы данных, репрезентирующих мусульманский мир и отношение к нему, позволяет говорить о внутреннем каркасе, профилируемом в

семантике каждой из лексем. Кроме того, в пользу такого каркаса говорит и репрезентация лингвокультуры в виде эпистемических ментальных моделей различного порядка. Наиболее рекуррентным для научного сообщества является концепт как ментальная структура, имеющая лингвокультурную маркированность, обезличенное понятие в корреляции с этносемантической личностью (Геополитика, 2010), как результат отражения действительности сознанием человека, чья функция кроется в замещении всех возможных вариантов и коннотаций (Асоу, 2010: 7). При этом каждый из вербализаторов рассматриваемой ментальной структуры способен своим значением передать исключительно определенную часть концептуальных признаков в угоду коммуникативной ситуации. Соответственно, с одной стороны, концепт репрезентирован множеством языковых реалий, по-разному отражающими его содержание, а, другой, является динамичным строением, эпистемическим конструктом в сознании человека, обеспечивающим хранение, упаковку, переработку и обновление информации.

Структурно концептообразные модели могут быть рассмотрены согласно одной из нескольких наиболее известных в зарубежной науке концепций. В основном эти теории касаются вопросов соотношения общего и частного в структуре концепта, понятия категоризации, динами и стабильности концептуальных структур. Принципиально важными для настоящего исследования являются вопросы соотношения концепта и лингвокультуры, благодаря чему возможно различать лингвокультурный и лингвокогнитивный подходы. Как справедливо замечает А.П. Мартынюк, мнение которой мы разделяем, «(лингво)культурный и (лингво)когнитивный концепты имеют общую онтологию, отличаясь в

гносеологии, то есть с точки зрения отношения исследователя к объекту познания и методов получения знаний об объекте». Так, лингвокультурологические исследования имеют целью освоение концепта как элемента культуры, как «понятия, погруженного в культуру», что позволяет ученым выявить определенные культурные доминанты. Лингвокогнитивный концепт, согласно исследованиям А.П. Мартынюк, это – «индивидуальный и в то же время intersubъективный продукт когнитивной деятельности» и по своей онтологии являющийся «воплощением телесного сенсорно-моторного и интроспективного опыта человека, сформированного в пределах определенной лингвокультуры» (Мартынюк, 2014). Однако независимо от характера концептуального строения, компонентный состав концепта возможно выделить с учетом дефиниционного анализа и учета экстралингвистических данных.

Благодаря концептуальному, дефиниционному, контекстуальному анализу с привлечением данных экстралингвистического характера стало возможным выделить обязательные и факультативные компоненты, концептуальный каркас ментальной структуры «Мусульманский мир» в совокупности компонентов, организованных в иерархическом порядке, далее проходит верификацию с учетом анализа фактических данных, отобранных при помощи сплошной выборки из аутентичных источников фактических данных.

Как было отмечено ранее, живучесть и устойчивость ментальной структуры проявляется в количестве и характере ее репрезентантов. К их анализу в целях объективности также необходимо привлечь большое количество экстралингвистического знания, дабы структурировать и упорядочить лексический корпус. Для обработки последних, полученных на

популярных среди молодёжи сайтах социальных сетей facebook и vkontakte, применялись первичные лингвистические процедуры дефиниционного, контекстуального, концептуального, лексикографического анализа; длительный мониторинг Интернет-СМИ, Интернет-сайтов и блогов, статистический учет частотности их узуса в качестве репрезентантов исследуемого концепта. Тематическое распределение репрезентантов концепта «Мусульманский мир» возможно по семантическим группам, отвечающим следующим критериям: the descriptive words of features of characters of people who believe in Islam, inner world of people who believe in Islam, material world of people who believe in Islam, the words of visual description of people who believe in Islam, cultural peculiarities of people who believe in Islam, the words of visual description of land where Muslim people live, religious of people who believe in Islam, ethnic features of people who believe in Islam, etc. (Козырева, 2018). Однако при этом, даже полевой подход к анализу разрозненных в тематическом плане репрезентантов концепта не позволяет привести их все к общему знаменателю и однозначно отнести ту или иную единицу к определенной группе. В таком случае лексемы меняют свое положение или же занимают маргинальную позицию внутри тематических групп, оставаясь при этом репрезентантами концепта мусульманского мира. Но не только тематическая дифференциация лексики является принципиальной в настоящем исследовании. В приоритете находится ответ на вопрос о вариативности-инвариативности ее семантики. Последнее основано на поиске эталонов – инвариантов – и вариативных составляющих. Инварианты в нашем случае – это лексические репрезентанты концепта, соответствующие некоторому эталону, прототипу, лучшему образцу категории.

При определении так называемого лучшего образца категории мы имеем дело с понятием прототип, который в когнитивном ракурсе может быть рассмотрен как «ментальная репрезентация, или когнитивный ориентир категории: какой-либо образ, схема, идеал, стереотип, набор общих характеристик, гештальт». Однако при этом достаточно сложно определить наполненность и категориальные признаки прототипа на том основании, что понятие Абсолюта есть также относительная и неясная составляющая. Одновременно нельзя и отрицать тот факт, что прототип однозначно характеризуется выделяемостью на фоне генеративного значения, не является термином, не имеет стойких коннотаций, характеризуется корреляцией с четким референтом номинации, выступает как семантически транспарентная единица на фоне собственной частотности относительно других лексем.

Ориентир на лучший образец категории позволяет определить ключевые ядерные репрезентанты рассматриваемой ментальной структуры и уточнить их качественный состав. Кроме ядерных репрезентантов на основании контекстуальных условий и системного анализа была выделена группа периферийных репрезентантов, которые способны актуализировать обязательные признаки концепта исключительно на функциональном уровне, не имея соответствующей отметки в словаре, а также раскрывать специфическое содержание концепта в угоду коммуникативной ситуации, подчеркивая те или иные грани.

Выводы

Методология концептуального анализа, лингвосинергетики с учетом компьютерных методов позволяет постоянно фиксировать и аккумулировать сведения в синхронии. Этот пласт системных лексических изменений будет актуален как вербальный памятник для

использования в научных изысканиях в диахронии в дальнейшем. Методология углубленного эмпирического исследования может быть адаптирована и к другим исследованиям подобного рода на материале других языков. Сформированная база данных будет постоянно обновляться и пополняться новыми сведениями для повышения мотивации студентов заниматься научной деятельностью. В прикладном аспекте результаты могут масштабнo внедряться в образовательный процесс на занятиях по межкультурной коммуникации, переводу, стилистике, при написании научных работ.

Благодарность

Печатается при поддержке Гранта Президента для государственной поддержки молодых российских ученых докторов наук РФ МД-2687.2017.6 «Вариативность английского языка Великобритании в условиях влияния политического, социального и экономического факторов (на материале Интернетдискурса)».

Список источников

ГЕОПОЛИТИКА. Русская геополитическая энциклопедия. 2010 // Дергачев В.А. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/> (дата обращения: 30.10.2018)

Голос Beta Психология. 2017. [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <https://golos.io/ru--psikhologiya/@bermantpolyakova/chto-takoe-mentefakty-i-kakimentefakty-o-psikhologii-mu-znaem> (дата обращения: 20.09.2018)

Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

Козырева М.К. Репрезентация концепта "Мусульманский мир" в современном англоязычном медиадискурсе: автореферат дис. ... кандидата Филологических наук: 10.02.04. Волгоград, 2018. – 23 с.

Компанцева Л.Ф. Электронные доски объявлений как жанровый формат виртуального дискурса: когнитивно-прагматический аспект // Жанры и типа текста в научном и медийном дискурсе. Вып.3. Орел, 2006.

Мартынюк Е.В. От валентности к фреймовой семантике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. – С.169-172.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Издательство: М.: Универс, - 1993. – С. 192.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - М.: «Русский язык», 1979.

Akou, Heather. Interpreting Islam through the Internet: Making sense of hijab // Contemporary Islam 4(3). 337 (2010)

Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 20.08.2018)

Kozyreva M.K. Reprezentatsiya kontsepta "Musul'manskiy mir" v sovremennom angloyazychnom mediadiskurse: avtoreferat dis. ... kandidata Filologicheskikh nauk: 10.02.04. Volgograd, 2018. – 23 s.

Longman Advanced American Dictionary. Pearson, 2013.

Macmillan Dictionary. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 08.08.2018)

Merriam-Webster Dictionary. – URL: www.merriam-webster.com (дата обращения: 20.08.2018)16

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Paragon Software Group, 2011.

References

Akou, H. (2010). Interpreting Islam through the Internet: Making sense of hijab. *Contemporary Islam* 4 (3), 337. [in Russian].

Cambridge Dictionary, available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Accessed 20 August 2018).

GEOPOLITIKA. *Russkaya geopoliticheskaya entsiklopediya [Geopolitics. Russian Geopolitical Encyclopedia]*. Ed.

Dergachev, V.A. Available at: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/> (Accessed 30 October 2018). [in Russian].

Golos Beta Psikhologiya. Available at: <https://golos.io/ru-psikhologiya/@bermantpolyakova/chto-takoe-mentefakty-i-kakimentefakty-o-psikhologii-my-znaem> (Accessed 20 September 2018). [in Russian].

Karasik, V. I. (2000). On the discourse types. *Yazykovaya lichnost': institutsionalnyy i personalnyy diskurs: sb. nauch. tr. [Language Personality: Institutional and Personal Discourse]*. Volgograd, Peremena, pp. 5-20. [in Russian].

Kompantseva, L. F. (2006). Electronic azvetisement as a genre variant of virtual discourse: cognitive-pragmatic aspects. *Zhanry i tipa teksta v nauchnom i mediynom diskurse [Genres and text types in media discourse]*, Vol. 3, Orel. [in Russian].

Longman Advanced American Dictionary (2013). Pearson, UK.

Macmillan Dictionary. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed 08 August 2018).

Martynyuk, Ye. V. (2014). From Valincies to Frame Semantics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, p.169-172. [in Russian].

Merriam-Webster Dictionary. Available at: www.merriam-webster.com (Accessed 20 August 2018).

Oxford Advanced Learner's Dictionary (2011). Paragon Software Group, UK.

Sepir, E. (1993). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii [Selected Works on Language Studies and Culturology]*. Moscow, Universe, p. 192. [in Russian].

Shansky, N. M. (1979). *Phraseology of the modern Russian language*. Moscow. [in Russian].

Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and lingvocultural aspects]*. Moscow, Shkola Yazyki russkoy kul'tury, 288 p. [in Russian].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Куприева Ирина Анатольевна, профессор, доктор филологических наук, доцент.

Kuprieva Irina Anatolyevna, Professor, Doctor of Philology, Associate Professor.

Гуломалиев Ширали Лутфалиевич, аспирант.

Shirali Gulomaliev, PhD Candidate